

Тбилисский Государственный Университет имени Иване Джавахишвили
Гуманитарный Факультет

Элеонора Шария

**Грамматическая структура
номинативно-информационных текстов
в английском и русском языках**

Диссертация

представленная на соискание академической степени доктора (Ph.D.)

Руководители: Доктор филологических наук,
профессор Д. Гоциридзе
Доктор филологических наук,
профессор И. Мерабишвили

Тбилиси
2010

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Теоретические проблемы заголовочного анализа	6
§1. Заглавие и знак	8
§2. Заглавие и проблемы номинации	13
§3. Заглавие и система указателей	21
§4. Заглавие и однотипные явления	26
§5. Внутрисистемные отношения и их функциональное проявление	35
ГЛАВА II. Взаимоотношение общего и «заголовочного» синтаксиса и основы описания заголовочных моделей	46
§1а. Простые заголовочные модели	52
§1б. Простые заголовочные модели английского языка	68
§2. Модели составных заголовочных конструкций	73
§2а. Модели английских составных заглавий	79
§3. Сложные заголовочные конструкции.	
§3а. Русские модели	83
§3б. Сложные модели английских научно-технических заглавий	92
ГЛАВА III. Научно-технические заглавия в переводоведческой интерпретации	96
§1. Наука о языке. О языке науки	96
§2. Общие и специфические признаки научно-технических заглавий	126
§3. Основные тенденции перевода английских научно-технических заглавий на русский язык	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	146
БИБЛИОГРАФИЯ	156

ВВЕДЕНИЕ

Сложность и своеобразие человеческой речи настоятельно требует изучения путей ее построения. При этом в центре внимания оказываются общечеловеческие свойства построения речи (текста), ее изучение через призму человеческого восприятия.

Как справедливо полагает Ю. В. Рождественский, известно, что членение речи составляет одну из характерных особенностей естественного человеческого языка, а проблема семиологически релевантного членения речи (текста) как основы ее построения представляет собой целое направление в современных языковых исследованиях. (Ю. В. Рождественский, 1979, 14). Сказанное подтверждает необходимость владения текстовыми операциями, осознанность которых является прямым показателем успешности проникновения в смысловую структуру текста, с другой стороны, конкретный анализ конкретных текстов позволяет установить иерархичность конструирующих элементов речевого произведения. В этой связи особое место в текстовой организации занимает заглавие. Являясь, с одной стороны, текстовой единицей, поясняющей содержание произведения, заглавие отличается и некоторой экстравертностью, проявляющейся вхождением данного феномена в систему указателей. Помимо сказанного актуальность изучения заголовочного феномена обусловлена необходимостью подведения под информатику серьезной лингвистической базы, ибо информационно-поисковые системы базируются на заголовочном принципе номинации. Говоря об актуальности рассматриваемых единиц, нельзя не отметить отражение в них активных языковых процессов, исследование которых позволяет определить новейшие тенденции языкового развития. Наряду с этим актуальность выбранной темы связана с тем, что анализ многих теоретических проблем (классификация типов предложения, сущность нулевой предикации, проблема фразовых текстов и др.) предполагает необходимость соответствующего осмысления данного феномена, сложность которого во многом определяется его полифункциональным характером. Если к этому добавить проблему необходимости переводоведческого осмысления заглавий, передача которых неоднократно ставила в тупик даже весьма опытных переводчиков, то, как мы полагаем, вряд ли можно усомниться в актуальности выбранной темы.

Научная новизна диссертационной работы связана с тем, что анализ заголовочного феномена проводится на базе достижений лингвистики текста и теории коммуникации, что позволяет взглянуть на него более широко и выявить ряд характеристик, не

выявляемых при традиционном подходе. Новым является также методика переводоведческого подхода к заголовочному феномену, учитывающая как внутритекстовые связи, так и позицию адресата, ориентация на которого зачастую может вызвать несоответствие переводного и оригинального заголовочного текста. Научная новизна связана также с тем, что в отличие от многочисленных исследований, связанных с заголовочной тематикой, мы рассматриваем научно-технический заголовок, который в силу нейтрального характера не пользовался благосклонным вниманием ученых. С другой стороны, следует отметить, что на базе указанной разновидности заглавий впервые рассматривается проблема их перевода. Целью диссертационной работы является: а) выявление сущности заголовочного феномена в свете новейших достижений лингвистики и пересекающихся дисциплин; б) выработка принципов переводоведческого подхода к названному явлению; в) установление места научно-технических заглавий в рамках типологии заголовочной системы; г) уточнение знаковых особенностей указанных единиц.

Исследование включает решение и более частных задач: уточнение заголовочных функций, исследование экстралингвистических факторов, влияющих на план выражения заглавий, определение основных тенденций заголовочного развития и др. Сказанное предполагает необходимость использования метода комплексного филологического анализа, в рамках которого стало возможным соединить лингвистический, литературоведческий и переводоведческий подходы.

В работе применяется также методика статистического анализа, определяющая, точнее, иллюстрирующая тенденции заголовочного развития, отражающие языковой вкус эпохи.

Материалом послужили заголовки, черпаемые из научно-технических изданий (см. библиографию) соответствующего профиля. При исследовании заголовков как особого лингвистического явления учитывалось как жанровое своеобразие научно-технического текста (и отличие внутри одного и того же жанра), так и связь заглавий с соответствующим контекстом.

Говоря о теоретическом значении настоящей работы, следует, в первую очередь, отметить, что исследуемые в ней вопросы являются частью обширной научной проблемы о принципах языковой номинации, ее уровнях, модели функционирования информационно-поисковых систем, деятельность которых требует определения статуса операционной единицы-заглавия.

Несмотря на неоднократные попытки определения лингвистического статуса

заглавий, рамки, в пределах которых ученые пытались разрешить данную проблему, постоянно расширялись и, наконец, вышли за пределы традиционного языкознания и его высшего уровня – синтаксиса.

Выход за рамки синтаксического уровня позволил расширить наше знание о многих лингвистических явлениях и помог теоретически заново осмыслить языковой статус заглавий. Наряду с этим в теоретическом плане особый интерес представляет отсутствие в некоторых случаях эквивалентной переводческой замены, что, как показало исследование, преимущественно обусловлено действием законов лингво-социальной прагматики.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что на основе комплексного исследования заглавий научно-технических текстов стало возможным ввести новые параметры изучения данного явления, позволяющие решить многие спорные вопросы о месте заглавий в языковой системе, о характере заголовочной номинации и её специфике, о критериях оценки удачности заголовочного перевода и др.

Практическая значимость полученных результатов мы связываем также с тем, что они могут найти применения, как в переводческой практике, так и в недрах таких дисциплин, как теория и лингвистика текста, информатика, теория номинации, теория синтаксиса, лингвостилистики и др.

ГЛАВА 1

Теоретические проблемы заголовочного анализа

Необходимость указанной главы продиктована как неоднозначностью рассматриваемого явления, так и требованиями современной науки, переоценившей многие теоретические постулаты прошлого.

Наряду с выдвиганием на первый план динамических аспектов речевой деятельности ученые особое внимание обращали на сложный и во многом противоречивый характер языковой номинации, исследование которой получило новый импульс в свете коммуникативной теории. Если раньше соотношение заглавия и соответствующего произведения представляло интерес в плане соответствия названия именуемому тексту, то в настоящее время данная оппозиция трактуется более широко - как в плане текстлингвистической проблематики, так и в аспекте деятельности информационно-поисковых систем. Естественно, что развитие современной науки потребовало необходимость применения ее результатов и при анализе заголовочных комплексов, играющих в настоящее время большую роль в процессе функционирования информационно-поисковых систем, являющихся основным компасом, помогающим ориентироваться в океане информации. Сказанное позволяет выделить проблему теоретического осмысления заголовочного феномена как одну из первостепенных.

Решение указанной задачи предполагает, в первую очередь, выявление места рассматриваемого явления на фоне пересекающихся явлений. Среди проблем теоретического характера, требующих, с нашей точки зрения, рассмотрения в связи с сущностью заглавий, следует, в первую очередь, выделить проблемы знаковой номинации, указания, характера функционирования и существования указанных единиц, решение которых позволит решить задачи более частного порядка, тем более, что изучение номинативного аспекта речевой деятельности во многих современных лингвистических исследованиях выдвигается в качестве первоочередных задач.

Проблема называния, ведущая свое начало из глубокой древности, и по сей день волнует исследователей. Проблема связи звуковой стороны и значения, причина выбора той или иной формы в процессе номинации, несоответствие основного или ведущего признака номинации в различных языках одинаково интересны как для лингвистов, так и для философов, психологов, рекламистов, кибернетиков, библиопсихологов,

литераторов, информатиков и других.

В этой связи, как нам представляется, особую роль может сыграть изучение заголовочной номинации, дающее возможность более широко подойти к решению вышеуказанной проблемы. Последняя теснейшим образом связана также с вопросом знаковости, ибо любое слово фактически уже представляет знак того или иного явления. Заглавия, представляющие, в отличие от слова, знаки более сложного характера, тем не менее, не выходят по своей природе за рамки рассматриваемого понятия, хотя, несомненно, обладают и своей несомненной спецификой. Следует отметить, что любой знак обладает указательной функцией, что, естественно дает нам возможность рассматривать данное явление в парадигме других явлений системы указателей.

Таким образом, говоря о месте заглавий, прежде всего, следует выяснить его соотношение с вышеуказанными понятиями, что мы и намерены предпринять в нашей работе.

§1. Заглавие и знак

Если сравнить философское “Знак-материальный”, чувственно воспринимаемый предмет (явление, событие, действие), выступающий в познании и общений людей в качестве представителя некоторого предмета или предметов, свойства или отношения предметов и используемый для приобретения, хранения, преобразования и передачи сообщений (информации, знаний) или компонентов сообщений какого-либо рода” (ФЕ, 1962, 177), и лингвистическое определение знака “материально-идеальное образование” (двусторонняя единица языка, репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности (ЛЭС, 1990, 167), то можно получить не совсем адекватное понимание данного явления, хотя, следует отметить, что основное качество знака – его репрезентативность – не вызывает разногласий у представителей указанных научных дисциплин. В этой связи хотелось бы напомнить известное высказывание профессора В. А. Звегинцева: “трудно назвать проблему, в которой бы было меньше согласия, чем в проблеме знака, почти у каждого автора есть на этот счет своя точка зрения” (В. А. Звегинцев, 1963, 14). Несмотря на столь скептическое высказывание автора, основу для компромисса можно найти и она заключается в том, что основной характеристикой знака является способность быть представителем одного или множества феноменов различного рода, благодаря которой он служит средством передачи информации.

Если данное положение фактически никем не оспаривается, то совершенно иную картину мы имеем при попытке установить характер репрезентируемого материала. Споры ведутся вокруг утверждения о том, что, будучи материальным, чувственно воспринимаемым предметом, знак участвует в познании как представитель других предметов. Р. Г. Котов и Б. В. Якушин, основываясь на том, что уже ощущения, представления и понятия являются репрезентантами (отражением) материальных предметов в процессе познания, предлагают различать два вида умственной деятельности человека - познание и общение. Согласно мнению авторов, знаки, как таковые, участвуют главным образом в процессе общения мыслями, и их сущностная природа как раз и состоит в способности передавать информацию, и если они и участвуют в познании, то только в этом своем качестве. С другой стороны, знаки, рассматриваемые как носители информации, как средство моделирования содержания сознания в речевых произведениях (текстах) и своей организацией (связями), отражают структуру объективной деятельности (реальных объектов и их систем, ситуаций) посредством отражения ее в мышлении (Р. Г.

Котов, Б. В. Якушев, 1979, 14).

Близка к названной позиции и точка зрения А. А. Леонтьева, авторитет которого в этой области трудно переоценить. “Знак не есть реальный предмет и явление действительности. Это модель, обобщающая функциональные свойства данного предмета” (А. А. Леонтьев, 1969, 47).

Опора на такой крупный авторитет позволила Р. Г. Котову и Б. В. Якушину дать интересное определение рассматриваемого понятия, согласно которому, “знак можно определить, как такой материальный или идеальный феномен, который представляет некоторый другой феномен в упрощенном или аббревиатурном виде, выступая носителем информации об этом феномене” (Р. Г. Котов, Б. В. Якушин, 1979, 14).

Частной разновидностью знака как общесемиотического феномена является языковой знак. Несмотря на то, что энциклопедическое определение данного понятия мы привели выше, проблемы, связанные с данным понятием далеко не исчерпаны. Взять хотя бы конкретный пример. Насколько удовлетворяет заголовочный феномен требованию знаковости? Соотношение заглавия и текста, с нашей точки зрения, гораздо сложнее, чем соотношение означаемого и означающего на уровне слова. Естественно, это предполагает необходимость более четко дифференцировать типы знаков и выяснить отношение к ним заголовочных явлений. Говоря о типологии языкового знака, ученые, в качестве наиболее типичного явления рассматривают слово, ‘ибо человеческое познание в целом и познавательный образ предмета в частности определены практикой и результатами мышления предшествующих поколений, закрепленными в словах. Содержание словесных знаков носит кумулятивный характер, т.е. складывается из заранее накопленной информации” (ЛЭС, 1990, 167).

Знак, как известно, включает две стороны, поставленные “в отношении постоянной опосредованной сознанием связи, составляющей устойчивое единство, которое посредством чувственной воспринимаемой формы знака, т.е. его материального носителя, репрезентирует социально приданное ему значение” (ЛЭС, 1990, 167). А.А. Уфимцева, посвятившая изучению знаков ряд специальных работ, дает специальную классификацию типов словесных знаков, которые распределяются следующим образом:

1) по принципу (способу) знакообразования: а) знаки первичного означивания, собственно семиологического способа знакообразования (лексические морфемы, полнозначные и служебные слова); б) знаки вторичного означивания, т. н. дискурсивные (речевые знаки - высказывания);

2) по законченности- незаконченности процесса порождения законченных высказываний знаки бывают полными (предложения - высказывания) и неполными (слова, словосочетания);

3) по соотнесенности - несоотнесенности с актом речи знаки языка (слова, предложения) могут носить виртуальный (потенциальный) и актуальный характер;

4) по совокупности основных признаков (по категориальному, по выполняемым в речи функциям, по сфере преимущественного использования) словесные знаки разграничиваются А. А. Уфимцевой на следующие семиологические классы: а) характеризующие - полнозначные слова; б) идентифицирующие - имена собственные; в) количественные - числительные; г) дейктические - слова субъективного, объективного и внутрисконструктурного описания (личные, указательные и другие местоимения); д) связочные (реляционные) – предлоги, союзы и т.п.; е) заместительные слова – неопределенные, вопросительные, отрицательные и другие местоимения (ЛЭС, 1990, 167).

Нетрудно предположить, что заглавие при наличии ряда пересекающихся характерных признаков: идентификационность, дейктичность, “заместительность” не укладывается в рамки традиционного понимания языковых знаков. Однако не следует забывать, что знаки бывают различной степени сложности. Специфика знакового характера заглавий заключается именно в том, что сложным и неоднородным может быть как означаемое - текст, так и означающее - само заглавие, а также характер связи этих двух компонентов знака.

Интересно, что о существовании особой семиологической области, включающей полные знаки языка, или, говоря иначе, дискурсивные структуры, разнообразные по своей структуре и выражаемому ими смыслу и обозначающие не только ситуации, но и события, факты, являющиеся предметами мысли, указывает Л. Л. Уфимцева, полагающая, что они требуют особого, специфического подхода (А. А. Уфимцева, 1974, 41). Естественно, что данные явления требуют соответствующей квалификации. Одним из основных постулатов семиотики (теории знаков) является необходимость существования знаковой системы, в пределах которой конкретный знак получает свое полное значение. Говоря иначе, следует сказать, что признание знакового характера заглавий требует признания особой заголовочной системы. С нашей точки зрения, для этого недостаточно признание семиотически релевантной связи – заглавие - текст, несмотря на то, что здесь налицо классическая схема репрезентации. Более важным для

нас является то, что заглавие соотносится с другими заглавиями на основе особых правил, а именно, каждое заглавие, репрезентирующее особую текстовую структуру, уникальную по своей природе и форме, должно быть противопоставлено другим текстам, с другой смысловой и формальной структурой, на основе принципа уникальности, позволяющим выполнить основную задачу названия - отграничить данный тип текста от других элементов информационно - текстового пространства. Как прекрасно продемонстрировал в своей кандидатской диссертации профессор Д.З. Гоциридзе, заглавия не только образуют систему, но и зависят от развития последней, что во многом определяет не только заголовочную моду, но и влияет на некоторые языковые процессы. (Д. З. Гоциридзе, 1981).

Говоря терминологией современной семиотики, признающей существование трех аспектов семиотического членения (уровня) - синтактики, семантики и прагматики, заглавие представляет собой сложный знак, который в плане синтактики (отношения между знаками, в данном случае заглавиями) представляет собой уникальное название, повторения которого в ряде стран может привести к серьезным последствиям, вплоть до крупного денежного штрафа и т.д.; в плане семантики (под семантикой знака, вслед за Ч. Пирсом, мы понимаем отношение между закононосителем, предметом обозначения и понятием о предмете) заглавие представляет собой содержательный репрезентант текста, подчеркивающий ту или иную авторскую интенцию; в плане прагматики (под прагматикой понимается отношения между знаками и тем, кто их использует) заглавие представляет собой своеобразную установку, благодаря которой у читателя формируется определенная готовность воспринять тем или иным образом текстовую информацию.

Специфика знаковой природы заглавия заключается в том, что в отличие от слов (репрезентирующих определенные понятия или представления), предложений (то или иное событие), заглавия репрезентируют структурно - семантическое целое - текст, в частности имеющий вербальную структуру. Иначе говоря, заглавие имеет под своей основой речевое произведение и выступает как бы на третьей ступени номинации. Сказанное дает возможность сделать некоторые выводы относительно знаковой природы заглавий:

- 1) заглавие представляет собой сложный дискурсивный знак, означаемым которого является особым образом организованное речевое произведение - текст, означаемым - текстовой репрезентант, задача которого вычленив его от всех других элементов данной системы;

2) заглавие, подобно другим семиотическим системам, образует специфические отношения внутри заголовочной системы со своей собственной синтактикой, семантикой и прагматикой, что еще раз подтверждает его знаковый характер.

Нам кажется, что наши представления о последнем могут значительным образом быть расширены после рассмотрения такой проблемы как заглавие и проблемы номинации. Дело в том, что ни один знак немислим без акта номинации, в результате которого устанавливается необходимая связь между означающим и означаемым. Характер взаимоотношения последних является основой дифференциации типов словесных, да и несловесных знаков, определяя как степень сложности того или иного знакового образования, так и его семиотическую характеристику. Знаковую природу тот или иного явления невозможно решить также без обращения к вопросу об указателях. Даже беглое рассмотрение научной литературы, связанной с отмеченной проблематикой, позволяет увидеть, что ряд исследователей не считает необходимым провести грань между такими явлениями как название и указание, полагая, что они настолько близки, что нет необходимости специального анализа. Несмотря на то, что указанные понятия пересекаются, как нам представляется, между ними имеется существенная разница, заключающаяся в том, что они имеют различную степень мотивированности, что не может не отразиться на соотношении элементов знакового комплекса - означающего и означаемого.

Сказанное дает нам основание утверждать, что необходимо специально рассмотреть указанные выше единицы - номинацию и указание.

§2. Заглавие и проблемы номинации

Общеизвестно, что номинация или название, является процессом, который постоянно сопутствовал познанию человеком окружающего мира и, как справедливо отмечает А. В. Суперанская, “чем полнее и точнее познание, тем расчлененнее понятия и тем детальнее названия” (А. В. Суперанская, 1973, 236).

Говоря о бесчисленности актов номинации, происходящих ежедневно во множестве речевых ситуаций, Е. А. Земская отмечает “однодневность” многих слов, не способных порою перешагнуть даже временной рубеж речевой ситуации. Понимая под номинацией не только процесс возникновения единиц языка и речи, но и сами эти единицы, автор считает необходимым говорить о номинации разговорной речи, противопоставив ее номинации литературного языка (Е. А. Земская, 1968, 57). Мы не случайно начали данный разговор именно с данной мысли. Уже сам факт существования различных вариантов заглавий того или иного произведения может привести к отрицанию системности заголовочной номинации. Однако следует отметить, что эта вариантность имеет лишь временной характер. Она может быть преимущественно результатом творческих исканий, когда автор, в конце концов, останавливает свой выбор на одном из вариантов. Она может быть вызвана необходимостью учета цензурных соображений (и в этом случае все варианты сводятся к одному), или неудобообращаемостью, громоздкостью самого заглавия, что вызывает необходимость появления, в ряде случаев, сокращенного “речевого” варианта.

Как нам кажется, существование подобных вариантов не противоречит идее существования заголовочной системы, в пределах которого каждое наименование должно занимать особое, определенное место и не совпадать с другими в плане выражения. Существование речевых вариантов связано с наличием конкретных “неформальных” ситуаций, в пределах которых при наличии общих фоновых знаний возможен обмен информацией. Так, например, вряд ли кому-либо удастся или захочется запомнить своеобразный заголовочный микротекст, включающий в оригинале более шестидесяти лексических единиц, для того, чтобы сообщить собеседнику о том, что речь идет о *“Путешествии Гулливера”*. Как показывает в своей диссертационной работе Д. З. Гоциридзе, развитие заголовочной системы тесно связано не только с развитием книги, но и с развитием информационно - ориентирующих систем, обслуживающих на разных этапах развития человеческого общества, потребности последнего (Д. З. Гоциридзе,

1981).

Таким образом, как мы полагаем, подобно словам и предложениям, получающим в зависимости от соответствующих речевых ситуаций возможность приспособления к последним, и элемент заголовочной системы, может выступать “в речи” в виде того или иного варианта (в основном однодневного), существование которого мотивировано фоновостью его содержания для участников коммуникации, а также информативной поддержкой контекста.

Говоря о номинации, следует признать справедливым точку зрения А. В. Суперанской, что она (особенно первичная) еще не есть выражение понятия. “Первое употребление вновь созданного имени - микрономинация - не дает ни нарицательного, ни собственного имени. Статус имени, его место в языке, будет определен в процессе его функционирования в речи. Если черта, положенная в основу номинации, окажется свойственной и другим объектам, а не только тому, у которого она была впервые выделена, на основе которой предмет получил свое название, случайна, не обязательна или по-иному представлена у других предметов, имя становится собственным” (А. В. Суперанская, 1973, 238).

С нашей точки зрения, не вызывает сомнения тот факт, что в силу своей специфики заглавие следует отнести к последнему типу номинации, ибо основной задачей интересующего нас явления является именно выделение именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя данный объект. Следовательно, есть все основания рассмотреть данное явление на фоне индивидуализирующих или собственных имен, с целью выявить его специфику. С другой стороны, не вызывает сомнения и то обстоятельство, что заглавие связано с именуемым им текстом концептуальной связью, что является не совсем типичным для большинства элементов ономастического пространства. Это обстоятельство вынуждает нас обратиться к проблеме связи означаемого и означающего в системе имен собственных.

Прежде всего, следует уточнить какое слово или словосочетание, часть речи или фраза и т.д. способны быть именем собственным, а с другой стороны, какой объект (человек, географическая местность, идея, вещь) может зваться именем собственным. А. В. Суперанская, рассматривая вопрос о границах ономастической номинации, отмечает, что “избирательность номинации проявляется в том, что собственное имя получает не каждый метр земли, не каждое животное, а также в том, что не каждая единица языка в одинаковой степени для этого используется” (А. В. Суперанская, 1973, 102). Далее

рассуждая по поводу специфики имен собственных, автор отмечает, что значением категории, под которую подводятся последние, является предметность, что не равнозначно субстанции. Поэтому имена получают лишь те части или зоны пространства - времени, которые могут, по ее мнению, быть восприняты предметно (А. В. Суперанская, 1973, 102). В отличие от предметности топонимов и других элементов ономастической системы, предметность заглавий имеет некоторую специфику, ибо оно обращено подобно Янусу “в прошлое и в будущее”. Иначе говоря, с одной стороны, оно фиксирует определенную текстовую информацию релевантную с точки зрения автора, а с другой, обеспечивает привлечение внимания будущего читателя, выступая одновременно в качестве элемента текста и его названия.

Таким образом, предметность заглавия следует связывать с предметностью его основной темы или идеи. Тот факт, что имя собственное лексическая, а не грамматическая категория, что, в свою очередь, подтверждается наличием множества наименований, имеющих как форму предложения (*“Они сражались за родину”*), так и других “неноминативных” единиц (*“Не взирая на лица”*, *“Там, где кончается асфальт”*, *“Хорошо”*). О “гипертрофированной номинативности” собственных имен, обозначающих вещи без отношения к их признакам, в самой их индивидуальности говорил еще Ф. Ф. Фортунатов, относя к подобным явлениям и заглавия (Ф. Ф. Фортунатов, 1956, 136). Ежи Курилович, хорошо знавший лингвистические воззрения Ф. Ф. Фортунатова, счел необходимым уточнить, что “вместо того, чтобы просто обозначать, как все имена нарицательные, имя собственное называет” (Е. Курилович, 1962, 252). Известный русский ученый А. М. Пешковский попытался выдвинуть основной критерий, отличающий заглавия от имен собственных, полагая, что “приступая к чтению книги, читатель интересуется содержанием ее, и в заглавии видит намек на это содержание или даже сжатое выражение его... Значит, название книги всегда есть нечто большее, чем название” (А. М. Пешковский, 1956, 176). Необходимость выделения заглавия как специфического элемента в ономастическом пространстве очевидна. Попробуем сформулировать наше отношение к указанной проблеме. Системность ономастики, как науки, базируется в первую очередь на системности окружающего мира, познаваемого на основе чувственного восприятия, понятия которого обозначаются с помощью лексического фонда. Причем, ‘Все многообразие мира вещей реальных, мнимых и гипотетических составляет то первичное, данное извне или созданное человеком, для обозначения чего необходимы названия: нарицательные как

обобщающие и собственные, как выделяющие индивидуальные предметы, заслуживающие особо пристального внимания человека” (А. В. Суперанская, 1973, 138). Среди последних особое место занимают название произведений литературы и искусства (в терминологии А. В. Суперанской). Выделив определенные поля в ономастическом пространстве, она считает необходимым противопоставить другим специальную группу, называемую указанным именем. Спецификой названий произведений литературы и искусства, по мнению Ю. А. Карпенко, является то, что ее едва ли можно считать предметной. “Называя литературное произведение, мы имеем в виду не то, как выглядит книга, а ее содержание, называя музыкальное произведение, мы, прежде всего, думаем о его звучании, называя танец - о рисунке движений. Картины и скульптуры создают у нас зрительные образы, которые мы имеем в виду, упоминая их названия. В этом отличие искусства от ремесла и производства, где мы, именуем образцы товаров, имея в виду их предметность и конкретные качества”. (Ю. А. Карпенко, 1969, 28). Разделяя точку зрения автора относительно неоднородности именуемых объектов (ремесленных и производственных, с одной стороны, и названий произведений литературы и искусства - с другой), мы, тем не менее, должны отметить и неоднородность внутри последней группы. Несмотря на то, что название произведений искусства - картины, скульптуры, фильмы, музыкальные и литературные произведения основаны на более глубоких образах, нежели названия товаров, они не являются однородными. В этом не трудно убедиться, если вспомнить, что в основе указанных имен лежат совершенно разные семиотические фактуры: речь, звук, движение, форма и т. д. Следовательно, неоднородным является и связь имени и именуемого объекта, что даёт основание считать заглавие особым элементом ономастической системы, несводимой к другим.

Какова специфика заглавий на фоне других элементов, составляющих ономастическое пространство? Чтобы ответить на этот вопрос рассмотрим отношение заголовочного знака к обозначаемому им явлению с точки зрения теории номинации, или, иначе говоря, с точки зрения оппозиции “означаемое – означающее”. Как известно, сущность ономастического подхода к проблеме номинации в качестве исходного берет отношение “реалия (денотация) - смысл (сигнификат) имени”, а что касается описании структуры актов номинации, то принятый треугольник “реалия – понятие – имя” имеет некоторую, специфику отношению к заглавиям. Касаясь данной проблемы, Г. В. Колшанский отмечает, что лексическая номинация не должна рассматриваться как самостоятельное и категориальное явление для языка, так как в плане коммуникативного

назначения это номинация не составляет, собственно, саму коммуникации, а лишь ее элементы... Одна из важнейших отличий характера номинации словом от номинации заголовком состоит в том, что слово представляет собой потенциальный объем имеющихся в его значении признаков, предназначенных для актуализации, в то время как заглавие не представляет возможности произвольного выбора признака. Выбор уже осуществлен тем, что заглавие, надпись отнесены к конкретному объекту: книге, фильму, зданию, картине и т.д.” (Г. В. Колшанский, 1976, 22). Нельзя не согласиться с автором в том, что в заглавии номинативные и коммуникативные аспекты тесно переплетены. В этой связи интересно привести точку зрения Т. Ф. Каримовой, которая пишет: “мы ставим вопрос о признании названий единицами номинативного и коммуникативного уровней в зависимости от степени соответствия значения слова - наименования обозначаемому этим словом объекту реальной действительности. Мы выделяем названия - наименования коммуникативные единицы в случае адекватного отражения или объекта реального мира и названия - наименования номинативные единицы (*шкаф* “*Коперник*”) в случае несоответствия идеального денотата материальному денотату, что является причиной неадекватности отражения” (Т. Ф. Каримова, 1982, 40-41).

Выше мы коснулись проблемы номинативного аспекта речевой деятельности, что дает основание утверждать, что акт номинации фактически является актом речепроизводства, коммуникативным актом. В этой связи интересна точка зрения Ю. А. Левицкого, выделившего в самом процессе передачи сообщения два отдельных процесса: процесс номинации - обозначения, наименования отдельных элементов действительности и собственно процесс коммуникации – сочетание элементов, полученных в процессе номинации с целью передачи отдельного сообщения. В процессе номинации получается некоторая система наименований - слов, в которой фиксируются все известные человеку элементы действительности. Если система номинации представляется Ю. А. Левицкому статистическим явлением, то процесс номинации воспринимается совершенно иначе, поэтому он предлагает различать номинацию в процессе создания словаря или первичную номинацию и процесс использования результата ее - готового словаря (Ю. А. Левицкий, 1970, 27). Подобное понимание акта номинации, как пересечения номинативных и коммуникативных характеристик встречаем мы и у Г. В. Колшанского, согласно которому “именование есть не только процесс обозначения, но одновременно и познания и коммуникации, выраженной в языковой форме, что в конечном итоге определяет адекватное отражение в человеческом сознании материального мира” (Г. В.

Колшанский, 1975, 68). После приведенных цитат вряд ли стоит дополнительно подчеркнуть тот факт, что в языковой действительности номинативная сторона существует отдельно от коммуникативной, порой даже трудно отличить природу того или иного явления, ибо в одних обстоятельствах оно может выполнять номинативную функцию, а в других - коммуникативную. Возвращаясь к характеру заголовочной функции, отметим, что любое заглавие представляет собой результат номинативной деятельности, которая, как и любая деятельность является процессом, что превращает акт номинации в коммуникативную деятельность. С другой стороны, в отрыве от текста заглавие можно рассмотреть, как номинативную единицу (например, в составе такой фразы “Я вчера закончил “Войну и мир””), однако, есть мнение, что подобная квалификация не является совсем точной, ибо не соответствует современным достижениям в области лингвистики текста. Учитывая указанную точку зрения, ниже мы специально затронем этот вопрос. Здесь же попытаемся сформулировать нашу позицию по поводу номинативной специфики заглавий. Как мы отметили выше, означаемым элементом заголовочного знака выступает текст. Несмотря на то, что последний является единицей обозначения, он обладает весьма богатым и разнообразным структурным инвентарем, не только не зависящим от заглавия, но и определяющим, наоборот, структурно - семантическое своеобразие интересующего нас явления. В плане структурной организации озаглавливаемые тексты могут быть, как развернутыми, так и иметь минимальную протяженность, а что касается идейно-тематического и функционально-коммуникативного многообразия, то здесь количество типовых разновидностей следует только предположить, ибо современный уровень развития лингвистики текста еще не позволяет однозначно ответить на данный вопрос. Несмотря на то, что в структурно-функциональном плане мы имеем большое разнообразие текстовых типов, все они нуждаются в особом репрезентанте, заглавии, которое должно осуществлять “стратегию внешних сношений” (Л. Теньер).

Говоря о соотношении заголовка и произведения, В. М. Ронгинский отмечает, что фактически нет такого заголовка, который так или иначе не связан с произведением (текстом). В результате исследования большого корпуса знаковых комплексов (заглавие-текст), он, в зависимости от того, какую сторону произведения отражает заголовок, приходит к мнению, что следует выделить две группы. Первая группа включает заглавия, которые в той или иной мере отражают какие либо элементы содержания произведения, его тематической основы. Ко второй группе автор относит заглавия, которые в той или

иной мере выражают какие-либо элементы идейного содержания произведения, основную его идею. Заголовки, в состав которых входит несколько отдельных произведений, могут одновременно выражать и тематическую сущность произведения, и его идею. “И нет таких заглавий, которые бы абсолютно не имели никакого отношения к тому, что хочет сказать автор своим произведением (идее) или и к тому и другому вместе” (В. М. Ронгинский, 1963, 261). Не будем приводить далее конкретные примеры из работы, иллюстрирующие градацию заголовочной тематики (тема отражена полностью, отражена одна из частных тем, имеется лишь намёк на тему и т. д.) или системы идей произведения (отражена основная идея произведения со всей чёткостью, идея сформулирована в общих чертах, дается лишь намек на идею), (желающие могут сами непосредственно обратиться к исследованию), отметим лишь нашу солидарность с положением о наличии между заглавием и текстом тесной связи. Если В. М. Ронгинский, справедливо указывающий на тесную связь заглавия и текста, пытается анализировать название в пределах синтаксической теории, то И. А. Рудницкая выдвигает более смелую идею. Исходя из теории текста, она полагает, что способы связи заголовка со статьей представляет собой весьма существенный раздел теории о надфразовых сцеплениях в тексте... “что надфразовая связь объединяет два самостоятельных текста, которые, однако, немыслимы каждый отдельно от другого” (И. А. Рудницкая, 1984, 56). В конце одной главы, перед тем как сформулировать основные выводы настоящей главы мы ещё вернёмся к установлению текстлингвистического статуса заглавий, тем более что система аргументации высказываемого положения у И. А. Рудницкой фактически отсутствует. Вернемся к бесспорному положению, что обозначаемый элемент - текст со своей внутренней организацией представляет собой сложную речевую структуру. Текстовая номинация, в отличие от номинации словом и предложением имеет свою специфику. Она отражает не только понятийную сторону слов или предложений, но и вовлекает их в качестве строительного материала в причинно-следственные связи более высокого уровня - уровня коммуникации. В этой связи интересно мнение П. Шардо, определяющего дискурс (аналог термина “текст” во французской школе нарратологии) по признаку наличие связи с условиями его производства в отличие от высказывания, в котором эта связь не отражена (П. Шардо, 1978, 28). Следовательно, мы полагаем, что обозначаемым заголовочного знака является сложное коммуникативное образование - текст, представляющее собой продукт речевой деятельности, организованный в соответствии с внутренней программой и интенцией его автора. Означающим

компонентом текста выступает заглавие, специфика которого заключается в том, что, в отличие от номинативных единиц более низкого порядка (слов, предложений, словосочетаний и т. п.), связанных с конкретными, частными значениями, оно имеет свою коммуникативную перспективу - текст, в пределах которого возможна полная смысловая интерпретация интересующего нас явления. Как известно, слово и предложение имеют значение лишь в акте коммуникации, без отнесенности к которому любое, даже построенное по законам данного языка предложение становится, говоря словами А.И. Смирницкого, “псевдопредложением”. Лингвистический статус заглавий будет нами специально рассмотрен в соответствующей главе, поэтому мы не будем здесь касаться вопроса, тем более, что структурная неоднозначность многих единиц данной системы, как нам кажется, требует особого рассмотрения. Несмотря на многообразие заголовочных структур, бесспорным остается тот факт, что, независимо от плана выражения, все они имеют ярко выраженную коммуникативную направленность, что и должно, с нашей точки зрения, стать основным при классификации конкретных единиц интересующей нас системы.

Следует отметить тот факт, что заголовочная форма должна быть уникальной (хотя бы в этой функции), неповторимой, обеспечивающей информационно-поисковую деятельность на ее базе. В отличие от имен собственных, утративших свою мотивированность, заглавия мотивируются соответствующим текстом. С другой стороны, одно и то же заглавие не должно даваться различным текстам (хотя в этом плане имеются некоторые исключения, но они, в основном носят или пародический характер, паразитируя на популярности первого заголовка, или обусловлены отсутствием информации о существовании такого же заголовка). Это обстоятельство обуславливает значение имени собственного у заглавий, однако, в этой функции последние обнаруживают концептуальную связь с означаемым (текстом), что для имен собственных нетипично. Лишь в процессе первичной номинации связь имени собственного и обозначаемого явления мотивирована, чего нельзя обычно сказать о его функционировании в дальнейшем. Что касается заглавий, то значение имени собственного – заглавия всегда мотивировано текстом, рассмотрение специфики заголовочной номинации дает возможность выявить наличие указательной связи, имеющей специфическое проявление в рассматриваемых нами единицах, что вызывает необходимость соотнести их с системой, получившей с легкой руки Фердинанда Брюно название “указатели” (“les indications”). Рассмотрим исследуемое явление в этом ракурсе.

§3. Заглавие и система указателей

Проблема указания в настоящее время признается одной из принципиально важных проблем, решение которой породило целое направление – логическую семантику, представляющую огромную ценность для машинного перевода и кибернетики. С другой стороны, философскими вопросами указания заинтересовано и языкознание, ибо оно тесно связано с рассмотрением общей теории терминов, составной части языковой номинации. В зависимости от рода обозначаемых объектов, как отмечает В. В. Петров, термин квалифицируется как сингулярный - в том случае, если он обозначает один объект, как пустой - если не обозначает и как общий - если обозначает несколько объектов. Среди сингулярных терминов, указывающих на объекты, автор выделяет два типа. К первому относятся термины, непосредственно указывающие на объекты – “Аристотель”, “Наполеон” и т.д., которые называются собственными именами. Вторую группу сингулярных терминов составляют единицы, которые выделяют объекты или указывают на них через совокупность определенных свойств, присущих только данному объекту. Такой тип указания называется дескриптивным. Таким образом, указание сингулярным термином, осуществляется двумя способами - собственными именами и дескрипциями (В. В. Петров, 1977, 6). Однако в связи с именами собственными возникают сложные вопросы, в частности, каково отличие дескриптивного способа указания от указания собственными именами и каким образом можно определить понятие собственного имени. Как отмечает В. В. Петров, в истории философии существовало несколько точек зрения, сводимых к двум основным - субстанциональной и структурной. С субстанциональной точки зрения собственные имена обозначали субстанции, в частности в элементарной форме – «лица» и «вещи». Они не бывают, с субстанциональной точки зрения предикатами, а только субъектами. Как известно, правильное употребление собственных имен не требует знания всей совокупности дескрипций, что порождает вопрос о характере указания именем на предмет. Как полагает В. В. Петров, ответ на указанный вопрос зависит от понимания природы указываемых объектов. “Действительно, если объект понимать просто как набор свойств, то трудно понять, почему собственные имена, поддерживаемые одной или двумя дескрипциями, правильно указывают на объект, в то время как совокупность дескрипций не всегда позволяет это сделать” (В. В. Петров, 1977, 42). Различая объект, как совокупность свойств и объект как упорядоченную совокупность свойств,

восходящую к Х. Кастанеде, возможно объяснение особенности указания собственными именами, что проявляется в том, что указание на объект может быть достигнуто в условиях минимальной дескрипционной поддержки, если мы, кроме того, обладаем знанием отношений упорядочивающих свойств. При этом оказывается, что знание последних чаще всего как-то неявно проявляется при употреблении собственных имен (В. В. Петров, 1977, 43). Возвращаясь к различию указанных двух способов указания - указания именами и указания дескрипциями - следует, с нашей точки зрения, отметить, что оно заключается в том, что в случае именованного объект первоначально представлен случайными свойствами и только в дальнейшем обнаруживаются существенные свойства. То, что именование объекта возможно без полной совокупности свойств, объясняется тем, что именуется только объекты естественных родов, а не конкретные объекты, т.е. не индивидуальные сущности. Иначе говоря, “различие между двумя способами указания скорее связано с механизмом именованного, а не с природой объектов” (В. В. Петров, 1977, 43).

Попытаемся согласовать точки зрения на указание с нашими представлениями об онтологической природе заглавия. В предыдущем параграфе мы рассмотрели соотношение заголовков с категорией имен собственных и пришли к заключению, что, несмотря на свою специфику, интересующее нас явление следует отнести к названной группе. Данное обстоятельство дает основание заголовочное указание соотносить с характером указания именем собственным. В этой связи интересно привести точку зрения Бертрانا Рассела, которому логическая наука обязана термином “полный комплекс сосуществования”. “Если я что-либо вижу и в то же самое время слышу нечто другое, то мои зрительные и слуховые впечатления находятся друг к другу в отношении “сосуществования”. Если в тот самый момент я вспоминая нечто, случившееся вчера, и ожидаю со страхом предстоящего визита к зубному врачу, то мое ожидание и воспоминание тоже “сосуществуют” с моим зрительным и слуховым представлением. Мы можем идти дальше в образовании целой группы моих настоящих переживаний и всего того, что сосуществует со всеми ними. Это значит, что если дана какая-либо группа переживаний, сосуществующих друг с другом, и если я могу найти что-либо еще, что сосуществует со всеми этими переживаниями, то я присоединяю это к группе и продолжаю делать подобным образом, пока не остается ничего сосуществующего с каждым в отдельности и со всеми членами этой группы. Таким образом, получается группа, имеющая два свойства: а) все члены группы сосуществуют друг с другом и б)

ничто, находящееся вне этой группы, не сосуществует с каждым членом группы. Такую группу я буду называть “полным комплексом сосуществования” (Бертран Рассел, 1957, 330). Исходя из этого, ученый полагает, что “собственное имя в противоположность скрытому описанию может быть дано всему или любой части того, что говорящий в определенный момент переживает” (Бертран Рассел, 1957, 368). По его мнению, нет необходимости знать все составляющие комплекса, поскольку собственное имя дается комплексу “в целом”, а не “как целое”, ибо, как было отмечено выше, комплекс сосуществования понимается не как класс, а как нечто, что может быть названным и без знания его составляющих. Интересно, что главная особенность собственных имен проявляется в условиях их введения – неполноты знаний об обозначаемом объекте. С другой стороны, как справедливо подчеркивает С. Крипке, “в общем случае наше указание зависит не только от того, что мы сами думаем, но и от других людей, от истории того, каким образом имя дошло до говорящего и т.п. Именно следуя этой истории и возможно прийти до указания” (Kripke S., 1972, 300). Связывая приведенные две точки зрения с природой заголовочного феномена отметим, что заглавия и тексты находятся в состоянии “полного комплекса сосуществования”. С другой стороны, это “сосуществование” следует считать настолько тесным, что возможно функционирование заглавия как своеобразного знакового эквивалента текста. Необходимо подчеркнуть, что заголовочное указание связано с текстом концептуальной связью, которая, со своей стороны “освящена” длительной традицией заголовочной номинации. Иначе говоря, заглавие непосредственно указывает на текст, но делает это особым образом, а именно: с одной стороны, мы имеем возможность найти в тексте мотивационную основу текстового наименования, что, с нашей точки зрения, аналогично, “церемонии первого крещения” Крипке, а с другой - отражает специфическую знаковую ситуацию, являющуюся фоновой для носителей соответствующей культуры. Интересно, что указательная функция заглавий обратила внимание не только философов и логиков, но и специалистов филологического профиля.

Хотя многие лингвисты и признают факт существования в системе языка особых указательных средств и даже считает их универсальными, т.е. регулярно повторяющимися во всех языках, как справедливо отмечает Ю. А. Левицкий, до сих пор еще нет описания системы этих средств в целом (Ю. А. Левицкий, 1970, 1).

С целью проверки справедливости тезиса об универсальности указательных средств, автор сопоставляет системы указателей нескольких языков, опираясь главным

образом на данные различного рода грамматик, пособий и описаний, что нашло отражение в выделений наиболее общих, встречающихся во всех рассматриваемых языках единиц, различных указательных средств. Интересно, что проблему указания Ю. А. Левицкий рассматривает в связи с теорией актуализации. Последняя, как известно, связана с именем знаменитого Шарля Балли и понимается им как процесс превращения языка в единицы речи, в которой происходит соотнесение понятий, существующих в сознании, с предметами и явлениями реальной действительности. “Актуализировать понятие – значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта”, отмечал французский ученый (Шарль Балли, 1955, 93). С другой стороны, он полагает, что “индивидуализировать понятие значит одновременно локализовать его и определить количественно, чему служат особые единицы – актуализаторы”, реализующие различные приемы, употребляемые для превращения языка в речь или, иначе говоря, чтобы связать понятие с соответствующими им в действительности предметами или процессами, чтобы превратить виртуальное понятие в актуальное. К числу актуализаторов Ш. Балли относит главным образом дейктические или указательные слова, слова с местоименными характеристиками. По мнению автора, “... одно или несколько слов, выражающих какое-нибудь представление, становится предложением” (предложение понимается Ш. Балли как акт речи (Шарль Балли, 1953, 93). Теория актуализации дает возможность увидеть специфику заголовочного указания, которое связано с соотнесением с книгой. В этой связи интересно привести слова А.И. Смирницкого, полагающего, что “Надпись на книге... указывает вместе с тем на то, что высказывание об этом предмете (г. Лондон) будет дано в самой книге, она т.о. сообщает содержание или тему книги и поэтому имеет более целеустремленный характер и является более осмысленным и направленным. Такое репрезентативное речение можно обозначить термином «тематическое репрезентативное речение» (А. И. Смирницкий, 1957, 103).

Репрезентативность заглавия говорит о том, что оно может представлять текст и в других ситуациях, в рамках информационного обмена, при котором указание на заголовок равноценно указанию на сам текст. В данном “параграфе мы рассмотрели проблемы, связанные с характером заголовочного указания и выяснили, что в отличие от других явлений, относимых учеными к категории имен собственных, заглавия не только указывают на соответствующую реалию - текст, но и опирается на ее содержание, отражением, репрезентантом которого оно является.

Иначе говоря, оно указывает не на случайный признак (как известно, специфика указания собственным именем связана с возможностью указания без знания всех существенных свойств объекта), а репрезентирует один из значительных аспектов идейно-тематической сущности произведения (текста). Рассмотрение в соответствующих параграфах проблем “заглавие и знак”, “заглавие и проблемы номинации”, “заглавие и система указателей”, дало нам возможность примерно выделить тот круг явлений, на основе которого станет легко определить специфику интересующего нас явления, ибо своеобразие любого феномена следует, в первую очередь, определять на базе однотипных единиц.

§4. Заглавие и однотипные явления

Круг языковых явлений, вслед за Ф. Брюно получивший название "указатели" ("indicaciones"), обратил на себя внимание в связи с необходимостью классифицировать специфические речевые образования. Следует отметить, что параллельно с данным термином мы имеем и другие обозначения для указанного круга явлений "надписи – ярлыки" (А. С. Попов), "block - language" (Т. Штрауман), "назывные номинативные предложения" (традиционный термин русских лингвистов). Явления, относимые к данной группе, весьма разнообразны, начиная от вывесок и транспарантов, кончая различного рода названиями. Указанный спектр настолько широк, что вызывает недоумение возможность подвести под единую классификационную основу явления, которые лишь пересекаются в том или ином значении. Идея выдвижения системы указателей основывалась на наличии речевых отрезков, употребляемых не для развернутого сообщения, а лишь для обозначения, выделения какого-либо предмета или явления, для указания на него. Таким образом, в сферу интересов ученых, работающих над проблемой указания, оказывались такие явления как - заглавия газет, журналов, кинофильмов, вывески и т.д. Причем, следует отметить, что из этой парадигмы указателей в орбиту лингвистического интереса попали лишь заглавия, хотя однозначного решения данный вопрос не получил и по настоящий день. Причины могут быть различного характера, в зависимости от того в каком аспекте рассматривается интересующее нас явление, или каковы теоретические предпосылки для анализа элементов системы указателей. Так, например, Отто Есперсен, считает, что "указатели" вообще выпадают из языка в собственном смысле, поскольку встречаются только в письменной речи (О. Есперсен, 1958, 361). Несмотря на непоколебимость авторитета ученого, отметим, что не разделяем точку зрения автора по поводу отнесенности заглавий только к письменной речи. Развитие форм человеческой коммуникации знает немало примеров устных заглавий - выкрики продавцов товаров, театральные зазывалы в европейских странах, радио и телевизионные заглавия и рубрики и т.д. Что касается необычности данного языкового образования, то ее специфику следует отнести не к речевой фактуре, а к коммуникативному своеобразие, о чем пойдет разговор ниже. Близка к данной точке зрения и позиция Э. Сепира, лишь в относительном смысле относящего к понятию языка рассматриваемые явления (Э. Сепир, 1934, 29). Действительно, исходя из рамок традиционной системы с дихотомическим делением

высшего грамматического яруса на язык и речь, трудно оценить коммуникативную перспективу явления, не укладывающегося в пределы исторически сложившейся системы оценок.

Специальную работу данной проблеме, посвящает А. П. Попов, называющий указатели ‘надписями ярлыками’ и характеризует их как “речевые отрезки – сигналы”. К числу “надписей – ярлыков” он относит название книг, газет, журналов. Ученый полагает, что отделение номинативных отрезков, как надписей - ярлыков (под именем называющих предложений) от прочих структурных групп таких надписей нецелесообразно, поскольку для них определяющим является не их форма, а номинативная функция” (А. П. Попов, 1960, 18). Как нам кажется круг данных явлений, несмотря на общую интегральную “сему” – “номинативность”, требует дифференцированного подхода, так как не учитывает специфику внутризнаковых связей, ибо название книги соотносится с ее текстом не совсем так, как название журнала со своей фактурой.

Одной из первых серьезных работ, посвященных изучению газетных заголовков, была работа Генриха Штраумана, “Newspaper Headlines”, в которой автор использовал метод изучения семантики на основе элементов ситуации контекста. В работе выдвинута мысль о существовании особой сферы, так называемой системы “block-language”, которой он обозначает все явления письменной речи, обнаруживающих тенденцию к “сокращению” подобно эллипсису в разговорной речи. “Специфические формы языка газетных заголовков принадлежат к особому типу языкового выражения, такого, который встречается в языке телеграмм, книжных заголовков, дневников, каталогов, словарей, так же как и в явлениях “эллипсиса” в обиходном языке. Такой тип мы будем называть “block-language” (Н. Straumann, 1935, 21). Относя к разряду наиболее близких родственников газетных заголовков - книжный заголовок и телеграфный язык, с другой стороны, он перечисляет и других ближайших соседей - титры в фильмах, наклейки, вывески, названия зданий, улиц, мест, железнодорожных станций и т.д. (Н. Straumann, 1935, 38). Наше возражение вызывает не только недифференцированный подход к набору неоднозначных явлений, имеющих свою специфику, но и рассмотрение в качестве ближайших родственников заглавий и телеграфного языка. Единственное, что их объединяет это тенденция к экономии речевых средств. Как нам кажется, понятие телеграфного языка не имеет характеристик заголовка, в частности, не выступает в качестве знака, в качестве имени собственного, не является содержательным

репрезентантом, не является указателем, что дает нам основание усомниться в правомерности объединения в одну группу названных выше единиц. С другой стороны, нельзя не признать, справедливость выдвинутого исследователем положения, согласно которому “газетный заголовок действительно принадлежит к сфере изучения чего-то иного, чем обычный или разговорный язык” (Н. Straumann, 1935, 38).

Существование системы указателей ученые связывают с особой формой языкового общения, когда “говорящий”, “отправитель сообщения” не присутствует, но он не может быть исключен из процесса общения, так как письменное (или устное) “сообщение было сделано им в расчете на второго участника, т.е. на других членов общества” (Н. А. Слюсарева, 1967, 278). Именно наличие специфической знаковости и выделяет заглавие от других элементов системы указателей. В этой связи интересно привести мнение Н. П. Харченко, которая на основе сопоставления элементов указанной системы пришла к выводу, что заглавие является особым явлением. Ее своеобразие заключается в том, что, хотя оно, “наряду с другими элементами данной системы... служит “ярлыком”, собственным именем обозначаемого им объекта... вместе с тем характеризуется особой референтной соотнесенностью. Если прочие “указатели” ориентированы на обозначение той или иной материальной среды, привычной ситуации, то за спиной заголовка стоит текст, речевая действительность” (Н. П. Харченко, 1968, 62).

Данная точка в определенном смысле продолжает позицию В. М. Ронгинского, “заголовок как бы опирается на произведение, другими словами, заголовок как явление речи не выходит за ее пределы, тогда как различные надписи на вывесках и прочие имеют за собой не письменную, речевую опору, а только определенную материальную среду или привычную ситуацию” (В. М. Ронгинский, 1963, 12). Действительно, связь с речевой стихией - текстом и составляет принципиальную особенность заголовков, которые в отличие от элементов системы указателей, представленных в трудах вышеуказанных ученых, совмещают функции имен собственных не только с указанием, но и с содержанием озаглавливаемого текста. Как уже отмечалось выше, одна из самых популярных тенденций является рассмотрение заглавий в единой парадигме с ярлыками, названиями учреждений, именами собственными на том основании, что здесь наличествует акт номинации. Г.В. Колшанский, касаясь данного вопроса, отмечает, что “именование есть не только процесс обозначения, но одновременно и познания и коммуникации, поэтому от структуры именования зависит адекватность передачи

информации, выраженной в языковой форме, что в конечном итоге определяет адекватное отражение в человеческом сознании материального мира” (Г. В. Колшанский, 1975, 68). Именно специфика акта номинации и позволяет отличать вышеприведенные единицы друг от друга. Если слова в качестве денотата имеют реально или мысленно представляемое явление объективного мира, то денотатом заглавия является, как справедливо отмечает А. А. Коробова, неэмпирическая сущность - содержание. Что касается названий учреждений, вывесок, названий кораблей, имен собственных и т.п., то их денотатом, по ее мнению является, как и у слов, конкретная материальная субстанция.

Номинация в газетном заголовке служит не просто номинации, а номинации, жестко детерминированной информацией текста, что находит отражение в предлагаемой ею схеме заголовочной номинации.

Действительность, представленная в качестве основы для текстовой информации о ней, подобно факту образует содержательный фундамент информационного сообщения. Естественно, что текстовая информация не может покрыть содержание всей реальной действительности и отбирает наиболее значимые, типичные элементы последней, хотя выбор может во многом зависеть как от уровня интеллекта, образования, таланта субъекта речевой деятельности, так и от его прагматических задач, детерминированных зачастую “позицией адресата”. С другой стороны, подобно текстовой информации о реальной действительности, способной отразить лишь отдельные части реальной действительности, газетный заголовок (да и не газетный тоже) отражает текстовую информацию не полностью, выделяя лишь наиболее важные, с точки зрения автора, моменты информации. В этой связи, следуя точке зрения И. Р. Гальперина, А. А. Коробова предлагает различать содержательно-фактуальную и содержательно – концептуальную информацию в газетном заголовке, которые образуют, по ее мнению, концептуально тематическую линию газетных заглавий. Если существование содержательно фактуальной информации связывается автором с темой

сообщения, то содержательно концептуальная информация связана с идеей, концептом (А. А. Коробова, 1982, 136). В лингвистической литературе заглавие связывается также с так называемыми воздействующими текстами, представленными такими явлениями как лозунг, призыв и апелляция, транспарант и др., общее значение которых связано с побуждением к определенному действию, обращенному к широким слоям населения с целью побуждения их действовать в удобном для автора направлении (естественно, что здесь специально стоит оговорить тот факт, что и автор может действовать по воле другого лица, в частности, рекламодателя или цензора).

Рассматривая специфику заглавий на фоне лозунга, призыва, плаката, в которых директива к действию сформулирована в изолированном виде, И. А. Рудницкая считает, что “функция воздействия у первых является вторичной, ибо оно полностью базируется на функции сообщения” (И. А. Рудницкая, 1984, 56). Действительно, функция воздействия, как и функция сообщения, являются одной из функций интересующего нас явления, хотя и не единственной. Прежде чем перейти к рассмотрению системы заголовочных функций, а также к формулированию выводов настоящего параграфа рассмотрим еще несколько точек зрения на данное явление, с точки зрения определения его “понятийного фона” (Б. Рассел).

Если наличие номинативной функции приводит к сближению заглавий с различного рода названиями (вывесками, названиями журналов, газет, товарными знаками и т. д.), то функция убеждения сближает их с воздействующими типами текстов, содержащих установку (призыв, лозунг, плакат, апелляция, реклама и др.). Коммуникативная функция заглавий дает некоторым ученым возможность относить их, подобно другим наименованиям, к единицам, обладающим указанной функцией наравне с другими типами предложений, что дает основание соотносить названные типы со структурными разновидностями предложений. Так как соотношение заглавий со структурными типами предложений будет специально рассмотрено нами в соответствующей главе, здесь ограничимся лишь констатацией данного факта. Говоря о соотношении номинативного и коммуникативного планов, не существующих в отрыве друг от друга, Г. В. Колшанский отмечает, что номинация может не иметь специально предназначенных грамматических средств для ее трансформации в коммуникацию, чем оспаривает известное положение Т. П. Ломтева о том, что объекты реального мира не могут быть конститuantами предложения, что правомерно лишь в относительном смысле. Действительно, отношение “имя предмета, т.е. слово, обозначение предмета и сам

предмет нельзя рассматривать как бинарное отношение. Здание и вывеска на нем, разумеется, вместе не образуют предложения в силу совершенно разной их природы и вместе не выражают суждения. Предмет и имя предмета не могут, соответственно, представлять, собой и субъектно-предикативной структуры. Предложение создается одним только словом или группой слов, обозначающих данный предмет, в данной ситуации. Предмет же необходим для того, чтобы иметь возможность соотнести с ним значение данного слова или группы слов. Только наличие референта позволяет актуализировать значение слова. Именно в такой реализации слово несет коммуникативную нагрузку и является сообщением, т. е. становится предложением” (цитата по Т. Ф. Каримовой, 1982, 13). Касаясь подобных предикативных сообщений, известный французский ученый Л. Теньер отмечает их близость с соответствующими ремарками, со сценическими пометками, указаниями, специально подчеркивая неправомочность их исключения из сферы грамматических исследований (Л. Теньер, 1959, 55-57). Сравнивая характер номинации словом с характером номинации заголовком, Г. В. Колшанский приходит к мнению, что слово представляет собой потенциальный объем имеющихся в его значении признаков, предназначенных для актуализации, в то время как заглавие не предоставляет возможности произвольного выбора признака. Выбор уже осуществлен с тем, что заглавие, надпись отнесены к конкретному объекту: книге, фильму, зданию, картине и т.д. Отличие надписей, наименований книг и журналов, имен зданий и учреждений от имен лиц и географических названий очевидны и существенны. Близкие по функции, эти два типа наименований, согласно Г. В. Колшанскому обладают различной семантической и семиотической структурой. Имена лиц, топографические имена непосредственно соотносятся со своими денотатами. Они ничего не сообщают о признаках обозначаемых ими лиц, не содержат в своем означивании обобщающего понятия. В отличие от описанных имен собственных, заголовки, наименования, называя предмет или явление, часто используют имена нарицательные, отличающиеся от имен собственных тем, что они соотносятся со своими денотатами не непосредственно, а через посредство сигнификативного (понятийного) значения (Г. В. Колшанский, 1976, 22).

О двух типах именования говорит и Т. Ф. Каримова, выделяющая названия наименования коммуникативные единицы (в случае адекватного отражения ими объекта реального мира) и названия - наименования номинативные единицы типа *шкаф* “*Коперник*” (в случае несоответствия идеального денотата материальному денотату, что является причиной неадекватности отражения (Т. Ф. Каримова, 1982, 41). Интересную

мысль высказывает Т. В. Суржикова, соотносящая данное явление с категорией “понятийности языковых знаков”, которая заключается, по ее мнению, в наличии в них лингвистической и экстралингвистической информации. Вне соотнесенности с предметным рядом информативность этих знаков равна нулю, а их лингвистические функции обусловлены экстралингвистическими факторами (Т. В. Суржикова, 1979, 69-70). Отсутствие понятийности и соответствующей соотнесенности в товарных знаках не лишает, с точки зрения автора, информативности, однако это информативность не имеет собственно лингвистического характера, так как не связана со знанием слов. Не лингвистический характер информативности препятствует тому, чтобы товарные знаки можно было квалифицировать как коммуникативные единицы, какими являются предложения (Т. В. Суржикова, 1979, 72). Это обстоятельство и является причиной исключения автором заглавий из номинативной парадигмы.

Как не трудно заметить, спектр явлений, соотносимых с заглавиями на правах различной степени близости, довольно широк, что и являлось зачастую причиной “классификационной растерянности” (термин Клода Леви-Страсса) исследователей. Отнесенность заглавий к различным, порой взаимоисключающим парадигмам еще раз подчеркивает многоаспектность их проблематики, не сводимой к простому наименованию, к указанию, коммуникации и т. д. Заглавие обладает целым комплексом признаков, отличающих его от других пересекающихся явлений. Прежде чем связать заголовочную специфику с выполняемой ею прагматическими функциями, что и должно объяснить ее особый статус, приведем некоторые дополнительные аргументы ученых, предлагающих особый подход к данному явлению. Исследование показывает, что ученые не только выводили заглавия за пределы языка (О. Есперсен, Э. Сепир, Й. Рис), но и искали свои пути для решения данной проблемы. Если указанные ученые не нашли места интересующему нас явлению, исходя из сосюрковского противопоставления “язык – речь”, опираясь на отсутствие воспроизводимого характера данных единиц, то известный чешский ученый Вахек пытается рассмотреть заглавия в связи с явлениями письменной речи. Как отмечает автор, “в те годы, когда почетное место принадлежало фонетике, письмо не пользовалось благосклонным влиянием лингвистов. Оно казалось не более, чем оболочкой, скрывающей истинные свойства языка и в качестве единственной функции письма выдвигалась задача служить изображением письменного языка” (Й. Вахек, 1967, 524). В работе автор, используя опыт сосюровской дихотомии, разграничивает категории письменного языка и письменного высказывания, сопоставляя их категориями устного

языка и устного высказывания. Понимая под письменным языком “систему графических средств, признаваемых за норму внутри определенного коллектива”, он предлагает рассматривать “письменный язык” и “langu” (в сосюрсовском понимании) в качестве рядоположенных понятий “Письменное высказывание” понимается им как отдельная конкретная реализация норм “письменного языка”. Согласно автору, в каждодневной практической деятельности мы сталкиваемся лишь с письменными высказываниями, только по ним и можно судить об особенностях письменного языка как системы. Именно со знанием особенностей формирования письменного высказывания связывает И. Вахек возможность определения сферы заголовочного анализа (И. Вахек, 1967, 527).

Интересно, что именно с письменной формой существования языка, который, как уже отмечалось выше, “не пользовался благосклонным вниманием лингвистов, связывает большинство ученых существование заглавий. Несмотря на то, что мы признаем существование и устных заглавий, считаем, что именно письменная форма является ведущей, ибо не является “заглавием – однодневкой”, каковым могут быть многие устные не фиксированные заглавия (об этом см. ниже). Если вспомнить отношение к письменному языку, приведенное в указанной выше работе Й. Вахека, то не удивительным покажется позиция Леонарда Блумфилда, согласно которому “письмо - это не язык, но всего лишь способ фиксации языка с помощью видимых знаков” (Л. Блумфилд, 1968, 35-36). Естественно, что при такой постановке вопроса многие проблемы, в том числе связанные с выяснением природы заголовочного феномена, не привлекали внимания ученых. А между тем еще А. А. Потебня, классик русского языкознания подчеркивал то обстоятельство, что ‘...возникшее различие между письменным и устным языком гораздо больше, чем то, которое было до письменности между архаичной речью мерной песни, пословицы, заговора и немерным просторечием. К различиям грамматическим присоединяются лексические и синтаксические” (А. А. Потебня, 1995, 144). Несколько позже эту позицию, независимо от А. А. Потебни, выразил и Ж. Вандриес, который говорил, что “расхождения между языками письменным и устным становятся все больше и больше. Ни синтаксис, ни словарь обоих языков не совпадают. Даже морфологии различны: простое прошедшее несовершенное, сослагательное наклонение уже не употребляется в устном языке” (Ж. Вандриес, 1937, 273). Несмотря на то, что в данной работе речь идет о французском языке, факт дифференциации письменного и устного языков характерен и для русского языка, что и вызывает необходимость более специфического подхода к их описанию. В этой связи

изучение заглавий, как особой разновидностью преимущественно письменного языка, представляет несомненный интерес, подогреваемый также многоаспектным характером связанной с ними проблематики.

Как нам кажется, тезис о том, что заглавие является не совсем обычным феноменом, не вызывает никакого сомнения, поэтому не считаем необходимым приводить здесь дополнительные свидетельства об этом.

Мы попытались в данной главе обнаружить глубокие связи и отношения во внутренней структуре заглавий. Теперь попытаемся представить их в качестве системы, ибо противоречивые характеристики интересующего нас явления опираются обычно лишь на одну из сторон (представляющуюся тому или иному исследователю определяющей) заголовочной сущности, что само по себе приводит к односторонности квалификации. Как известно, внешним проявлением свойств, какого - либо объекта являются выполняемые им функции, определяющие его место в системе отношений. Обычно путь научного исследования идет от установления функций к установлению внутрисистемных характеристик, однако, возможна и обратная процедура, эффективность которой мы попытаемся продемонстрировать.

§5. Внутрисистемные отношения и их функциональное проявление

В предыдущих параграфах мы попытались показать различные стороны интересующего нас явления. В первом параграфе мы пришли к мнению, что заглавие представляет собой сложный дискурсивный знак, означаемым которого является особым образом организованное речевое произведение - текст, а означающим - текстовой репрезентант, задача которого вычленив данный текст и обозначить его таким образом, чтобы отделить его от всех других элементов данной системы. Исходя из того факта, что в семиотическом плане знак может выступать в значении полного функционального эквивалента репрезентируемого явления, которое он замещает, нельзя не согласиться с точкой зрения проф. Д. З. Гоциридзе о дискурсивном, текстовом характере заглавий, представляющих собой текст о тексте (эта точка зрения будет специально рассмотрена ниже). Другой важнейшей семиотической характеристикой рассматриваемого явления является то, что каждое заглавие внутри заголовочной системы имеет собственное значение – системно - ориентирующее, позволяющее людям ориентироваться в непрерывающемся потоке информации. В отличие от многих элементов знаковой системы специфика отношения заглавия и текста в рамках единого целого имеет некоторое своеобразие, заключающееся в мотивационности связи означающего и означаемого, что привело к необходимости рассмотрения заглавия в плане номинативной проблематики. Исходя из того факта, что основной задачей заглавий является именно выделение (смысловая репрезентация) именуемого им объекта из ряда подобных им, иначе говоря, индивидуализация соответствующего текста, то заголовочную номинацию следует рассмотреть как особую. Специфика ее заключается в том, что связь между элементами номинативного комплекса мотивирована, что не характерно для уровня лексико-семантических отношений. В данном случае мы имеем не просто имя собственное, а более высокий уровень номинации, который, как отмечает Д. З. Гоциридзе, восходит к текстовому уровню (Д. З. Гоциридзе, 1988). Другим важным выводом, связанным настоящим параграфом является то, что заглавие одновременно может выступать и в качестве элемента текста и его названия. В первом плане оно служит раскрытию одной из сторон идейно-тематической сущности текста, а с другой - занимается “вербовкой” читателя и обслуживанием информационных потребностей общества. Следует отметить и тот факт, что специфику заглавия составляет не только

план содержания, реализованный в речевой фактуре - тексте, но и план выражения, представленный также текстом (см. указанную работу Д. З. Гоциридзе), одновременно выступающим в функции имени собственного. Проблема указания, актуальность которой неизмеримо возросла в настоящее время, в связи с бурным ростом потока информации и формирование сложнейших информационно-поисковых систем, вызвала особый интерес к различным проблемам теории указания. Эффективность указания, важность которой является фундаментом рекламной деятельности, была вовлечена в сферу психолингвистических интересов гораздо раньше, чем логичность, хотя следует отметить спорадический интерес к ней у ученых, относящихся к школе Р. Brentano. Но развитие кибернетики, а затем и информатики вызвали необходимость верифицировать материал, вводимый в информационно-поисковые системы. Это и стимулировало интерес к теоретическим проблемам указания. Коснулся этот интерес и заглавия. Рассмотрение заглавия, с точки зрения теории указания, дало возможность определить его отношение к тексту, как “полный комплекс сосуществования”, иначе говоря, заглавие не только указывает, но и информирует об указываемом явлении, с которым составляет единое целое и которое может представлять, замещать в соответствующей знаковой ситуации общения, но и “сосуществует” с ним в Расселовском понимании этого термина, ибо никто семантический объем заглавия не ограничивает лишь материально выраженным значением. Важным выводом четвертого параграфа является также универсальный характер указания, не ограничивающийся пределами того или иного языка, а являющийся универсалией. Особо следует отметить, что указание не ограничивается только вербальными языками, а имеет и другие семиотические фактуры и возможности реализации, хотя механизм один и тот же. Не менее важным представляется нам участие заглавия в механизме актуализации, специфичность которого по отношению к заглавию заключается в том, что текстовое произведение, созданное автором, вводится в текстовое пространство, в систему текстов, посредством другого текста - заглавия, определяющего введение данного дискурса в соответствующую систему. Иначе говоря, происходит наделение заглавия полномочиями представлять текст в конкретных информационных и поисковых системах, а также при частных и официальных обменах мнениями по поводу соответствующего произведения. Важным является, с нашей точки зрения констатация того, что заглавия, в отличие от других явлений относимых к категории индивидуализирующих имен, не только просто указывает на соответствующую реалию (в данном случае текст), что возможно при типе номинации, характерной для имен

собственных, а совмещает с указанием выражение информации об идейно-тематической сущности произведения. Заглавия детерминированы текстом, тогда как индивидуализирующее указание имеет произвольный характер. Рассмотрение проблем знаковости, номинации и указания дало нам возможность рассмотреть заглавие на фоне однотипных явлений. Следует, однако, заметить, что круг однотипных явлений, если можно так сказать, весьма неоднотипен, ибо, как показывает соответствующее исследование, ученые помещали заглавие в неоднозначные парадигмы, хотя нельзя сказать, что признаки, на основе которых делалось включение рассматриваемых единиц в указанные группы, не имеют под собой никаких оснований. Однако, как уже отмечалось выше, заглавие представляет собой сложнейший феномен, включающий порой, говоря словами Д. З. Гоциридзе, “альтернативные характеристики”. Среди выделяемых учеными парадигм, куда они помещают заглавия, следует отметить следующие: “указатели”, “имена собственные”, “надписи – ярлыки”, “block – language”, “назывные номинативные предложения”, “особые явления, не уместяющиеся в пределах языковой системы”, “воздействующие тексты” и т. д. Уже само перечисление указанных групп говорит не только об их разнородности, но и разноразности и “их языковой локализации” (О. Есперсен). Действительно, заголовочная проблематика простирается от лексического уровня до текстового. Какие определяющие характеристики выделяют сторонники той или иной позиций? С точки зрения первой группы, важнейшим является тот факт, что заглавие является указателем. Рассмотрение позиции “номинативистов” дает основание относить заглавие к именам собственным, что не противоречит точке зрения сторонников первой группы. Отнесение заглавий к “надписям – ярлыкам”, ставит заглавие в сложное положение, промежуточное между номинативными и коммуникативными средствами языка и ставит вопрос о том, что, несмотря на назывную и указательную функции заглавий, она выполняет и сложную коммуникативную задачу, ибо, по мнению ряда авторитетных ученых, акт номинации фактически равноценен акту коммуникации. Следовательно, заглавие рассматривается как коммуникативная единица. Признание коммуникативности заглавий ставит перед учеными задачу определить план выражения этой коммуникативности, ибо любая сущность должна иметь свое проявление.

Исходя из комбинации номинативно-коммуникативных характеристик и опираясь на номинативный (неглагольно-предикативный), преимущественно, план выражения заглавий, вполне понятны попытки ряда ученых рассмотреть заглавия в парадигматическом ряду назывных номинативных предложений. Следует отметить, что,

несмотря на наличие некоторых общих признаков с указанной группой, заглавия (как будет показано в следующей главе) имеют особую специфику, игнорирование которой отразилось в полемике по вопросу об объеме и составе номинативных (назывных, бытийных, генитивных и других односоставных предложений с существительным в форме “главного”, “предикативного” и т.д. (в зависимости от автора) члена) типов предложения. Отнесение заглавий к особым явлениям связано с осознанием того факта, что заглавие не укладывается в установленные рамки грамматического анализа и необходим особый подход к данному явлению. Результатом явилось отнесение заглавий к группе, называемой Г. Штрауманом к “block – language”, объединенных тенденцией к экономии речевых средств, к телеграфности стиля. Как нам кажется, тенденция к экономии, характерная заголовочной системе относится скорее к плану или стилистике заголовочного выражения, а не к его сущностным характеристикам. Анализ заголовочной системы позволяет увидеть не только тенденцию к экономии, но и тенденцию к точности, что реализуется обычно обратнаправленной тенденцией выражения. Интересный вывод, который можно сделать в связи с данной точкой зрения, заключается в том, что, хотя эта идея не выражена самим Г. Штрауманом, заглавие соотносится с явлениями, которые на самом деле представляют собой текст (дневники, телеграммы, конспекты и т. д.). Понятие о текстовом характере заглавий и лежит в основе точки зрения, согласно которой данное явление следует рассматривать в парадигме т.н. воздействующих текстов (лозунгов, призывов, апелляций и т. д.). Хотя текстовый статус данных явлений фиксируется уже в самом названии группы, отнесенность заглавий к ним в указанных работах носит чисто декларативный характер, ибо для авторов названных исследований важнее подчеркнуть их воздействующий характер, а не дискурсивный. Важным итогом исследований в этом направлении является квалификация заглавия как текста (что еще необходимо доказать), а также воздействующий характер последнего, что дает возможность рассмотреть его как установку (понимание заглавия как установки можно найти в работе А. П. Доблаева “Психологические основы работы над книгой”, где автор говорит о регулировании читательского интереса при помощи заглавий (А. П. Доблаев, 1970) и говорить о возможности интерпретации их в прагматическом плане. Как видим, число определяющих характеристик является немалым. Каковы причины наличия у заглавий столь широкого спектра признаков и можно лишь их согласовать друг с другом? Заглавие одновременно является указателем, именем собственным, номинативным или назывным предложением, коммуникативной единицей, текстом (в том числе

воздействующим), особым явлением, не поддающимся однозначной квалификации. Несмотря на то, что, на первый взгляд, эти явления взаимно исключают друг друга, тем не менее, можно сказать, что подобное впечатление кажущееся, ибо заглавие действительно содержит все эти признаки. Чтобы разобраться в этой путанице, считаем необходимым опереться на опыт квалификации заголовочных конструкций проф. Д. З. Гоциридзе, позволяющий увидеть данное явление в системной целостности. Анализируя анатомию указанного явления, автор исходит из того, что, как и любое явление, заголовочный феномен развивается во времени и пространстве, что может привести к различным последствиям. (В этой связи уместно вспомнить известное мнение А. А. Потебни, согласно которому история языка должна давать разные определения предложения, ибо, развиваясь, явление может существенно менять свои характерные признаки (А. А. Потебня, 1976). Диахронный анализ приводит Д. З. Гоциридзе к мнению, что в своем развитии заглавие прошло три этапа. Перед тем, как охарактеризовать три соответствующих этапа, автор считает необходимым ввести термины “графическое заглавие”, “заглавие – название” и “собственно заглавие”, понимая под первым реализацию только дифференциальной функции заглавия, осуществляемой не лексико-грамматическими, а графическими средствами (восклицательный знак, вопросительный знак, звездочка на месте заглавий), отмечая при этом, что графические заглавия лишь условно можно назвать таковыми, под вторым - автор имеет в виду такие явления, которые реализуются языковыми средствами, однако связь с текстом не носит общественно-санкционированный характер. Заглавие - название связывается ученым с конкретной ситуацией обмена информацией и преимущественно функционирует в устной речи. Если для графических заглавий основной является дифференциальная функция, то для заглавий-названий - номинативно-индивидуализирующая функция. Появление, наряду с собственно-заглавиями, заглавий-названий связано, в первую очередь, как отмечает автор, с соображениями стилистического характера, со стремлением приспособить форму заглавия к требованиям времени (Д. З. Гоциридзе, 1988, 125-126). Что касается “собственно-заглавий”, они, по мнению исследователя, являются частью заголовочной системы, что делает их консервативной и не зависимой от конкретной ситуации. Как мы видим, этапы развития заголовочной системы довольно четко увязываются с основными ее характеристиками. Первый этап отмечен появлением заглавий-названий и характеризуется отсутствием надобности в фиксированном дифференциальном знаке. На втором этапе появляется потребность создания

фиксированного знака и формируется тип, отличающий одно произведение от другого на базе имени собственного. На третьем этапе осуществляется тесная связь заглавия с содержанием текста. Основной становится коммуникативная функция заглавия, оттесняющая на второй план дифференциальную. Характеризуя этапы, пройденные заголовочной системой, автор выделяет три ступени: I ступень - несистемная, назывная ступень; II ступень - системно-указательная ступень; III ступень – системно-коммуникативная ступень (Д. З. Гоциридзе, 1988, 130). Диахронное исследование показывает, что на разных этапах своего развития заглавия правомерно рассматривать как чистые указатели (графические заглавия), как названия - указания (второй этап), как коммуникативные единицы (III этап). Интересно, что на всех последующих более высоких ступенях заглавие не утрачивало качества более низких, а вбирало их в себя. Что касается третьей ступени, знаменующей этап, когда все заголовочные характеристики связываются единой внутренней связью, то, по мнению Д. З. Гоциридзе, происходит превращение заглавия в текст и образование заголовочной системы. Автор соотносит заглавия с категориями текста - связностью, цельностью, модальностью, завершенностью и приходит к мнению, что все указанные категории находят свое проявление во фразовых текстах, к числу которых он относит и заглавия. Фразовый текст квалифицируется им как “разновидность текста, оформленную в виде одной предикативной единицы, аббревирующей - первичный текст или речевую ситуацию и несущей о ней концептуальную информацию, причем степень автономности у различных типов фразовых текстов может быть неодинаковой” (Д. З. Гоциридзе, 1988, 201). По мнению ученого, выделение фразовых текстов базируется, прежде всего, на оппозиции первичных и вторичных текстов, поскольку последним присуща специфическая по своему характеру связность и текстовая аббревиация, позволяющая выделить в указанных явлениях особый характер реферирования. Среди единиц, составляющих данную группу, Д. З. Гоциридзе выделяет: пословицы, поговорки, афоризмы, лозунги, заглавия и часть крылатых слов. Каждая из названных явлений имеет свой собственный пучок признаков, на основе которых, возможно выработать определенную систему критериев, позволяющих относить их к данной категории. Для пословиц, поговорок и предикативных фразеологизмов это - возникновение в определенной речевой ситуации, ее своеобразное аббревирование и универсализация, позволяющая применять их в качестве краткого обозначения при идентичных или схожих ситуациях. Дополнительным аргументом автор считает перевод с одного языка на другой, где эквивалентность устанавливается не на словесном, а на

ситуативном уровне. Афоризм характеризуется намеренным созданием, опорой на авторитет, обобщением широкого контекста и возникновением в недрах первичного текста. Лозунги, которые по своему значению пересекаются с двумя другими, с одной стороны реферируют определенную ситуацию, а с другой - имеют, как правило, установленное авторство. Их особенность - ярко выраженный агитационный характер. Заглавия, как справедливо отмечает исследователь, аналогично афоризмам возникают в недрах первичного текста, тесно с ним связаны и выступают его речевым эквивалентом. Заглавия отличаются от других текстов и следующими признаками: степенью детерминированности текстом, ибо, в отличие от других т.н. фразовых текстов, они в ней большей степени зависят от текста; различием прагматических доминант - пословицы, поговорки, афоризмы преимущественно имеют сентенционную направленность, лозунги и - воздействующую и установочную, а заглавия в зависимости от типа - то информативную, то номинативную, то одну из названных. Д. З. Гоциридзе особо подчеркивает близость заглавий и других типов фразовых текстов с пересекающимися явлениями: предложениями (от которых они отличаются наличием текстовой связности), предикативными наименованиями (которые отличаются от них отсутствием концептуального характера реферирования), воздействующими текстами, которые иногда могут совпадать по форме с фразовыми текстами, однако, фразовость не является для них типичной (Д. З. Гоциридзе, 1988, 138).

Мы не можем не согласиться с автором в том, что заглавия действительно обладают текстовыми признаками - связностью, цельностью, модальностью и др., что дает нам право применить по отношению к ним процедуру текстового анализа. Понимание заглавия как текста совершенно иначе ставит вопрос о заголовочных функциях. Прежде чем определить нашу точку зрения на указанный вопрос, приведем основные точки зрения, в наибольшей степени характеризующие назначение заглавий. Уже само помещение заглавий в самые разнообразные группы говорит о том, что, естественно, неоднозначно рассматривается функциональное поле заглавий. Приведем несколько интегральных признаков, в различных модификациях встречающихся у большинства ученых. Таковыми следует считать номинативную, информативную и рекламную функции (А. С. Попов). Синонимом первого термина можно считать слова "назывная", "указательная", "индивидуализирующая" и др. Информативная функция чаще всего заменяется термином "коммуникативная". Наибольшими вариантами представлена третья, так называемая "рекламная функция", включающая как "воздействующую",

“установочную”, “интригующую”, “апеллирующую”, “агитативную”, “убеждающую”, “приманочную”, “развлекательную”, “эстетическую”, так и функцию “привлечения внимания”. Не следует предпринимать особых усилий, чтобы заметить тот факт, что перечисленные функции имеют неодинаковую ценность и не всегда характерны для конкретных текстов. Говоря иначе, заголовочные функции образуют специфические иерархические отношения, что связано с конкретной авторской интенцией. Так, например, функция названия по своей природе должна быть ведущей, ибо без нее трудно представить сам факт существования заглавия. С другой стороны, заглавие должно не просто называть, но и информировать о содержании текста. С третьей стороны, оно должно делать это так, чтобы привлечь внимание читателя. Если первые две функции внутринаправленны, то третья рассчитана на внешнее обращение заглавия и имеет задание в условиях конкурентной борьбы за читателя обеспечить тексту соответствующее внимание.

Рассмотрим основные текстовые функции и их некоторые детализированные варианты по отдельности. Первой и основной функцией обычно признается номинативная функция. Говоря о ней, А. С. Попов отмечает, что “она наиболее ярко проявляется в форме существительного в именительном падеже, основное назначение которого и состоит в лексическом плане в простом назывании. Все прочие отрезки речи, используемые в качестве заглавий, по мнению автора, выступают в позиции именительного падежа существительного, приравниваются к нему. Вследствие этого и возникает возможность понимать все заглавия, независимо от их структуры, как наименования, названия статьи книги... Эта функциональная общность заглавий, при всем их структурном разнообразии, ярко обнаруживается, когда они употребляются в непрямом назначении рядом со словом статья, заметка, корреспонденция” (А. С. Попов, 1966, 95). К сожалению, мы не можем полностью разделить указанную точку зрения, считая, что номинативная функция является одной из функций (хотя, возможно, и ведущих). Однако при этом не будем забывать его коммуникативную направленность заглавий. Что касается непрямого их употребления со словами “статья”, “заметка”, “корреспонденция”, якобы подтверждающим их номинативный статус, то, исходя из текстовой парадигматики, мы рассматриваем заглавия как своеобразную цитату, основываясь на позиции О. Есперсена, согласно которому имена собственные не в прямом употреблении представляют собой свернутые цитаты. Не оспаривая номинативную функцию заглавий, мы вынуждены так же возразить против недифференцированного

подхода к конкретным заголовочным структурам, ибо они в силу своей коммуникативной функции не могут быть описаны в рамках номинативных единиц. Следует отметить, что А.С. Попов, являясь последовательным сторонником непредикативного характера заглавий, нарекает вторую из выделяемых им функций информативной, ибо выражение заглавием содержания статьи не превращает речевые отрезки, используемые для озаглавливания, в предложения. Игнорирование коммуникативного характера заглавий характерно и для некоторых других ученых: Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. А. Шахматов, А. Н. Гвоздев, Ю. Н. Шведова и др. Однако, как известно, номинативные единицы не могут существовать стерильно, абстрактно, реализуясь в конкретном тексте, они становятся составным элементом коммуникации, что ведет к их соответствующему осмыслению. Как справедливо отмечает один из основателей чешского функционализма Вильгельм Матезиус, “в самом процессе передачи сообщений целесообразно выделить два отдельных процесса: процесс номинации-обозначения, наименования отдельных элементов действительности, и собственно процесс коммуникации - сочетание элементов полученных в процессе номинации, с целью передачи отдельного сообщения” (В. Матезиус, 1967, 228). Результатом процесса номинации является некоторая система номинации - словарь, в котором фиксируются все известные человеку элементы действительности. В отличие от системы номинации, представляющейся автору статистическим, сам процесс номинации рассматривается как динамическое явление, ибо само понятие процесса несовместимо с понятием статичности. Исходя из этого, предлагается различать номинацию в процессе создания словаря или первичную номинацию и процесс использования результата ее - готового словаря. Если перенести идеи В. Матезиуса на заглавия, то следует отметить, что заглавие можно рассматривать как первичную номинацию текста, а также как элемент текстовой системы (текстового континуума). Сказанное дает основание утверждать, что термин “информативная функция” не совсем точно отражает существо заглавия, ибо несколько сужает его значение. С нашей точки зрения, предпочтительнее будет использовать термин “коммуникативная функция”, отражающий соответствующую направленность интересующего нас явления, тем более, что создание любого заглавия преследует определенную цель, а данная категория сама по себе подразумевает как минимум значение предикативности. Коммуникативная функция, естественно, может иметь в зависимости от конкретной интенции разъяснительную, осведомительную, информирующую функции, которые можно считать более частными вариантами

указанной общей коммуникативной функции. Наряду с номинативной и коммуникативной ученые обычно выделяют и рекламную функцию, сущность которой заключается в привлечении внимания читателя, сопровождающееся попыткой убеждения, внушения, с целью заинтересовать получателя информации. Выше мы отмечали, что именно данная функция представлена наибольшим количеством “подвариантов” (“воздействующий”, “установочный”, “интригующий”, “суггестивный”, “развлекательный”, “эстетический”, “привлечения внимания” и другие подвиды). Несмотря на обилие значений, данные термины точно представляют спектр функциональных значений заглавий. Естественно, что в отдельных конкретных заглавиях может быть представлено одно из значений рекламной функции, а в других (например, в заглавиях большинства научных текстов) и вовсе может подобное значение отсутствовать. Это дает основание утверждать, что заголовочные функции тесно связаны с типами озаглавливаемых текстов, определяющими требования, предъявляемые к конкретным типам называния. Несмотря на то, что в научных текстах рекламная функция не имеет доминирующего значения, стремление ученых внушить свою идею, заинтересовать читателя, убедить его, занимают не такое уж малое место в их интенциональной программе. Применительно к научным текстам, да и вообще к вышеуказанным рекламным типам, в качестве интегральной, с нашей точки зрения, уместно было бы говорить о рекламно-установочной функции. Не всегда установка преследует рекламные цели, в то время как установка может включать полностью понятие рекламы.

Определив три интегральные заголовочные функции, которые по мере необходимости могут в связи с конкретным материалом быть детализированы, считаем необходимым заметить специфический характер их сосуществования, заключающийся в том, что они могут быть носителями противоречивых тенденций в плане выражения. Противоречие подобного характера, как справедливо отмечает Н. Е. Бахарев, подчинено законам диалектики. Заглавие, по его мнению, отражает антиномию кода и текста. Как уже отмечалось, если говорящий и слушающий (пишущий и читающий) понимают друг друга, то это означает, что у них в памяти существует общий код (набор знаков)... стоит укоротить код... необходимо удлинить текст. Стремление укоротить код и стремление укоротить текст антагонистично. Опираясь на данное положение, он соотносит заголовочные функции. Выдвижение информативной функции на первый план, характеризуется стремлением к более точной передаче главной мысли статьи, заметки и т. д. Одновременно автор или редактор все чаще избегает традиционного заголовка,

состоящего из именительного падежа существительного. Заглавие – предложение распространяется второстепенными членами или даже осложняется придаточной частью, так как только с помощью второстепенных членов или сложными предложениями удается полнее выразить основное содержание озаглавливаемого текста. Однако, длинный заголовок явно неудобен из-за громоздкости. Принцип структурной краткости заголовка заставляет автора подыскивать, вместо громоздких структур, короткий без ущерба для смысла. Более емкими по смыслу при одинаковой длине являются свободные синтаксические формы, эллиптические предложения, отрезки сложных предложений, реплики диалога и другие структуры, насыщенные факультативными распространителями. Те же процессы происходят, по мнению Н. Е. Бахарева, и на уровне двусоставного предложения. “С одной стороны, они распространяются второстепенными членами, а с другой - вытесняются структурами без глагола, в которых конструктивно закрепленные падежные формы выполняют функцию глагола” (Н. Е. Бахарев, 1970, 76). Подобные же явления встречаются и на уровне сложного предложения. Характеризуя борьбу заголовочных функций, можно привести следующие слова, прекрасно характеризующие указанное соотношение: “В языке существует своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие... Каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке... и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно, они постоянный стимул развития языка” (Н. Е. Бахарев, 79).

ГЛАВА II

Взаимоотношение общего и “заголовочного” синтаксиса и основы описания заголовочных моделей.

В первой главе мы не раз отмечали, что “синтаксис заглавий” имеет специфические черты, позволяющие ученым (Г. Штрауман, Ф. Брюно, Ф. Г. Костомаров) выделить данное явление как особую форму выражения. Отмечалось также, что необычность была связана с двуплановым модусом существования, ибо, с одной стороны, заглавие относилось учеными к именам собственным, а с другой - к коммуникативным единицам. Как элемент имен собственных, заглавие следовало бы рассмотреть в парадигме номинативных единиц языка, тогда как коммуникативная направленность служила основой его отнесения к предикативным единицам. Прежде чем высказать наши соображения по поводу необходимости текстлингвистического подхода к данному явлению, попытаемся проанализировать основные аргументы в пользу того или иного подхода, тем более что по разные стороны баррикад находятся весьма крупные ученые. Рассмотрим сначала позицию “номинативистов”.

Один из крупнейших теоретиков синтаксиса академик А. А. Шахматов отмечает, что “содержание заглавий книг и т.д. не относится к номинативным предложениям, потому что не имеет соответствия в живой речи” (цитата по С. И. Бернштейн, 227). Близок к точке зрения А. А. Шахматова Д. Н. Овсянко-Куликовский, согласно которому, заглавия не укладываются в общеграмматическую систему. С другой стороны, он признает их некоторую специфичность. “Как на образчик актов речи - мысли, не образующих предложений укажу на такие заглавия (“Похождения Чичикова или Мертвые души”). Все это несомненные акты речи - мысли, имеющие свой смысл и свою цель; но предложений они не составляют. Слова, в них употребленные, несомненно, имеют синтаксические формы вместе с соответствующими грамматическими (Д. Н. Овсянко-Куликовский, 1912, 8). Не считает заглавия предложениями и А. Н. Гвоздев, наряду с другими номинативно-информативными единицами полагая, что разного рода названия, вещаемые на вывесках, являются простыми наименованиями учреждений, а не высказываниями о них (А. Н. Гвоздев, 1958, 83). Отсутствие предикативного характера заглавий фиксируется и Ю. Н. Шведовой, полагающей, что “заголовки, названия, надписи на вывесках... не являются номинативными предложениями. Это слова и словосочетания,

выполняющие функцию собственно названия без значения бытия, существования называемого предмета” (Грамматика русского языка АН СССР, 1954, 71)”. Одной из первых попыток квалифицировать заглавие следует (в русской грамматике) считать рассуждение Ф. И. Буслаева. Разрабатывая проблематику слова и, сопоставляя с этой целью отдельные слова с заглавиями типа “Слово о полку Игореве”, он последние приравнивает к слову, основываясь на их функциональную эквивалентность в отрыве от текста (Ф. И. Буслаев, 1977, 124). Среди ученых, не разделяющих идею об отнесенности заглавий к грамматическим явлениям, нет единства мнений. Если А. А. Шахматов полагает, что “определение предложения, как и вообще весь синтаксис, имеет в виду живую человеческую речь, а не то несовершенное и бледное отражение, какое она получает на письме” (А. А. Шахматов, 1941, 331) и считает одним из признаков предложения законченность, которая, по его мнению, выражается в теме и интонации¹, отсутствие которых выводит заглавие за пределы языка, то другие, Т. П. Ломтев, Н. И. Тарабасова, склонны видеть в данном явлении нечто отличное от норм грамматики и, следовательно, не являющееся предметом ее интереса. Наиболее интересной является точка зрения Т. М. Ломтева, вобравшая все основные аргументы “номинативистов”. В отличие от указанных выше авторов, не ставящих целью специально рассмотреть лингвистическую природу заглавий, Т. П. Ломтев рассматривает интересующую нас проблему в плане коммуникативного синтаксиса. Считая неотъемлемой характеристикой предложения – коммуникативность, которую он противопоставляет понятию информативности, он полагает, что информативным может быть любой звуковой сигнал, тогда как коммуникативностью обладают не все. По его мнению, коммуникативным может быть только тот сигнал, который наделен значением, известным слушателю, и который сообщает нечто. Например, такой сигнал как “Боже мой”, по мнению Т. П. Ломтева, не является коммуникативным, так как он не передает сообщения, а лишь передает информацию об эмоциональном состоянии человека. Следовательно, по его мнению, сигнал “Боже мой” не может быть признан предложением (Т. П. Ломтев, 1979, 118). Это стало причиной того, что ученый исключил заглавия и многие пересекающиеся с ним номинативно-информативные единицы из категории предложений, квалифицировав их как сигналы, обладающие свойством информативности. Он высказывает мнение, что они по своей природе аналогичны свистку милиционера, который обладает свойством

¹ “Темп речи и интонация относятся к таким же грамматическим средствам как, например порядок слов в предложении или согласование слов... Темп и интонация являются главными грамматическими средствами для образования законченных единиц речи предложения” (А. А. Шахматов, 1941, 328).

кода, но не обладает свойствами предложений естественного языка, так как не представлен в форме слов естественного языка (Т. П. Ломтев, 1979, 10). Однако точка зрения Т. П. Ломтева вызывает некоторые возражения. Дело в том, что все исключенные автором из предложений виды высказываний тем и отличаются от сигналов других кодовых систем, что они, в отличие от креста церкви и т.д. представлены в форме слов естественного языка. Как известно, слова обладают значением (основное условие коммуникативности в приведенной системе Т. П. Ломтева) и только через посредство значения сообщают информацию о предмете. С другой стороны, даже если считать вывески, названия, наименования, заглавия предложениями не означает, что членами высказывания признаются объекты реального мира, как полагает Т. П. Ломтев. Говоря его же словами, предмет и его имя соотносятся друг с другом не непосредственно, а с помощью “обобщенного понятия”. В этой связи хотелось бы напомнить точку зрения Добиаша: “наименование предмета, качества ли, действия по какой-либо главной черте есть, в сущности, предложение. Когда я замечаю предмет, наименовываю его, то я решаю задачу произнесением одного слова, так как это слово и есть само имя того, что я хотел поименовать (А. В. Добиаш, 1897, 544). И, действительно, план номинации и план коммуникации не существуют отдельно. Говоря словами Г. В. Коминанского, номинация может не иметь специально предназначенных грамматических средств для ее трансформации в коммуникацию” (Г. В. Колшанский, 1975, 68). Что касается тезиса Т. П. Ломтева о том, что объекты реального мира не могут быть конститuantами предложения, то он приемлем лишь в относительном смысле, ибо, действительно имя предмета, т.е. слово, обозначающее предмет и сам предмет нельзя рассматривать как бинарное отношение. Здание и вывеска на нем, разумеется, вместе не выражают суждения, предмет и имя не могут, соответственно, представлять собой субъектно-предикатной структуры. Предложение, по словам известного французского лингвиста Л. Теньера, создается общим только словом или группой слов, обозначающих данный предмет, в данной ситуации. Предмет же необходим для того, чтобы иметь возможность соотнести с ним значение данного слова или группы слов. Только наличие референта позволяет актуализировать значение слова. Именно в такой реализации слово несет коммуникативную нагрузку и является сообщением, т.е. становится предложением. Таким образом, предметы мира, именовать и отображать которые есть предназначение языка в его единицах, не могут быть исключены из языкового исследования. Л. Теньер, разработавший проблему глагольности, вместе с тем отмечает высокую самостоятельность имени

существительного. Говоря о номинативных предложениях, он указывает на потенциальные возможности всякого именного узла быть предложением при условии, что именной узел не подчинен единице более высокой синтаксической значимости, например - глаголу. Тогда имя, по мнению автора, образует субстантивное предложение, которое может быть распространено своими второстепенными членами. Особенно часто подобные предложения можно встретить в функции заглавий художественных и научных произведений, а также в качестве ремарок специфических пометок, указаний. Л. Теньер специально останавливается на том, что именные конструкции в указанных функциях являются предложениями, такими же, как и все другие виды предложения. На этом основании он говорит о правомерности исключения их из области грамматических исследований, отмечая также тот факт, что самостоятельные предложения, не зависящие ни от какого глагола может быть и имя традиционно относимое к второстепенным членам предложения (Л. Теньер, 1959, 55 - 57). Ниже мы еще раз вернемся к данной точке зрения при попытке анализа конкретных заголовочных моделей.

В отличие от ученых, отрицающих предикативную принадлежность заглавий, вторая группа склонна рассматривать данное явление, исходя из конкретной заголовочной структуры. В зависимости от того имеет ли заглавие форму предложения или оформлено в виде номинативной единицы пытается квалифицировать их как предложения или не предложения С. П. Суворов (С. П. Суворов, 1965, 193). Интересные мысли по поводу синтаксической природы заглавий высказывал признанный лидер русской формально-грамматической школы, академик Ф. Ф. Фортунатов. Разделив предложения на грамматические и неграмматические, он относил к первым “законченные словосочетания”, в которой особой формой выражено отношение сказуемого к подлежащему, а ко второй “всякое другое предложение, в котором нет особой формы, обозначающей отношение сказуемого к подлежащему” (Ф. Ф. Фортунатов, 1904, 394). Рассматривая виды неполных предложений, Ф. Ф. Фортунатов, указывает на такое употребление отдельных слов и словосочетаний в речи, когда предикативность последних основывается на присоединении написанного отдельного слова и словосочетания к известному предмету, известной вещи, в качестве знака, определяющего этот предмет, например, подпись – “птица летит” под изображением летящей птицы или “сочинения Пушкина” в заглавии... понятно, и словосочетание “сочинение Пушкина” может употребляться как неполное предложение (Ф. Ф. Фортунатов, 1904, 394).

Схожие мысли высказывает и О. С. Толомасова. Рассматривая заголовочные модели, она исходит из структуры конкретных элементов, эксплицитно выраженных в названии, и предлагает подразделить заголовки на членимые на синтаксическом уровне, составляющие предикативно-коммуникативные, и нечленимые, относимые к номинативно-коммуникативным типам предложения (О. С. Толомасова, 1966, 199-200).

В работах Ф. Ф. Фортунатова и О. С. Толомасовой уже намечается необходимость специфического подхода к рассматриваемому явлению, хотя по разному понимается его лингвистическая природа (“неполное предложение — Ф. Ф. Фортунатов, номинативно-коммуникативные предложения О. С. Толомасова).

Среди ученых безоговорочно принимающих коммуникативный статус заглавий тоже нет единого мнения. Споры разгораются вокруг принципов классификации заглавий. Часть ученых, полагая, что ведущим при определении классификационного признака является его номинативно-информативное значение, пытается все заглавия, независимо от их конкретного плана выражения, анализировать как особый тип номинативных предложений, другая группа пытается подвести заголовочные структуры под установленные общесинтаксические модели, а специфику заголовочных структур связать с неполными или эллиптическими предложениями. Помимо указанных точек зрения существует мнение, что при классификации заголовочных моделей необходимо исходить из своеобразия этого явления. Такая неоднозначность понимания интересующего нас явления в первую очередь говорит о его сложности и неоднородности, поэтому считаем, что необходимо определить нашу позицию по данному вопросу и лишь после этого перейти к описанию конкретных заголовочных моделей.

Выше мы неоднократно отмечали необходимость текстлингвистического подхода к рассматриваемому явлению, ибо нет никаких сомнений в его коммуникативной направленности, а сфера коммуникативного синтаксиса - это особая противопоставляемая конструктивному синтаксической сфере область научного исследования, в которой нас интересуют условия и формы “превращения” различных словесных сочетаний и отдельных слов в единицы с коммуникативным смыслом, т. е. “в предложения” (И. П. Распонов, 1972, 146). Как подтвердило исследование Д. З. Гоциридзе, заглавие действительно обладает текстовым статусом, являясь одновременно результатом речевой деятельности. Если учесть тот факт, что нет непроходимой грани (а с точки зрения ряда ученых и вообще разницы) между явлениями языка и речи и что языковые категории формируются в речи, то заголовочную подсистему можно представить как своеобразный

“полигон”, на котором происходят испытания для последующей “засылки десанта” в языковую систему. Иначе говоря, заглавие представляет собой пример функционирования в автономной позиции своеобразных речевых единиц, план выражения которых базируется на характерных для этой системы моделях, что при воспроизводимом характере может привести к проникновению в общезыковую систему. Если учитывать тот факт, что в отличие от девятнадцатого и первой половины нашего столетия, когда языковая норма формировалась преимущественно в недрах художественной литературы, то в настоящее время происходит экспансия средств массовой коммуникации, перехватившей инициативу в деле формирования литературного языка, что делает необходимым исследование заглавий как средства массовой коммуникации. Духу времени соответствует также своеобразный телеграфный стиль рассматриваемой системы, заключающийся в стремлении передать максимум информации минимальными языковыми средствами, что весьма характерно и для разговорной речи. Интересно, что в пределах заголовочной системы многие явления, соотносимые с различными типами предложения (неполными, эллиптическими), а также выступающие в виде изолированной словоформы, придаточной части сложного предложения, встречаются в особой автономной позиции, что необходимо учитывать при их классификации с точки зрения плана выражения. Рассмотрение литературы по вопросу специфики заголовочной системы дает возможность увидеть, что разногласия касаются не только конструкций, которые, говоря словами Д. З. Гоциридзе, не укладываются в “прокрустово ложе” традиционных грамматических моделей, но и явлений, план выражения которых соответствует моделям, зафиксированным в соответствующих грамматиках. Дело в том, что план выражения любого явления природы, в том числе и заглавий, не всегда адекватно отражает сущность репрезентируемого явления. Иначе говоря, бывают случаи, когда в одной форме могут пересекаться различные, порой взаимоисключающие явления. В этой связи необходимо отметить, что понятие предложения с его конкретными манифестациями, необходимо соотносить со спецификой заголовочного феномена. После предварительных замечаний перейдем к описанию типов заголовочных структур, которые мы, исходя из конкретных моделей делим на простые, сложные и составные. Начнем с простых заголовочных моделей.

§1а. Простые заголовочные модели

Несмотря на указанное выше название, заглавия данной группы представляют сложную и разнообразную картину; являясь продуктом речевой деятельности, заглавие в полной мере пользуется контекстно-ситуационной поддержкой, без которого не существует текста. Именно это поддержка, являющаяся частью не декларированного конвенционального значения заглавий и обеспечивает коммуникативную направленность рассматриваемых единиц. Уже сам факт коммуникативной направленности предполагает предикативный характер заголовочных единиц, хотя следует отметить, что специфика проявления предикативности весьма условна и своеобразна. Синтаксис русского языка (да и других языков) выработал специальные средства для выражения предикативности, например, т. н. финишные формы глагола и т. д., однако, следует отметить, что в процессе речевой деятельности предикативную нагрузку могут брать на себя не только явления, специально предназначенные для этого, но и единицы, не соответствующие нашему представлению о предикативности: изолированные словоформы с адвербиальным и объектным значением, предложно-именные сочетания и др. Говоря о простых заголовочных моделях, мы предполагаем наличие одного предикативного центра, выделение которого в силу специфики заголовочного плана выражения порой бывает весьма сложно, ибо могут отсутствовать не только традиционные формальные показатели предикативности, но и, говоря терминами, принятыми в грамматической литературе, “главные” и “второстепенные” члены. Ориентация на них долгое время являлось надежным ориентиром для синтаксического анализа, но в заголовочной системе эта оппозиция во многом утрачивает силу из-за специфичности самого объекта исследования, что и будет показано ниже. Как известно предикативность как грамматическая категория и как отнесение содержания сообщения к действительности и как специфические отношения между компонентами сообщения. Применительно к заглавиям она проявляется в том, что действительность представляется в виде текста, о котором повествует заглавие - текст, проявляя при этом определенное отношение, в котором проявляется соответствующая модальность - в реальном, ирреальном или желаемом плане, в соответствии с авторской интенцией. Специфичными являются в ряде случаев и отношения между компонентами сообщения. Специфика заголовочного феномена заключается в особой знаковости ситуации, являющееся фоновой для носителей культуры, позволяющей освобождать информацию от избыточных элементов, в роли

которых порой могут оказаться и так называемые главные члены предложения (следуя традиционной терминологии). Ощущение информационно избыточных членов ведет, как и в любых естественных и искусственных системах к перестройке внутрисистемных отношений и перераспределению функции, что применительно к заглавиям означает перенесение предикативности на вербально выраженные элементы сообщения. Прежде чем перейти к описанию специфических заголовочных явлений рассмотрим модели, которые не вызывают сомнений с точки зрения их отнесенности к простым предложениям. Следует отметить, что в заголовочной системе представлены все типы предложений, зафиксированных в соответствующих грамматиках. Однако следует сказать, что в отличие от других стилей, где ведущим являются конструкции с финитными глагольными элементами в своей основе, в заголовочной системе эти последние имеют весьма ограниченное распространение, что подтверждается и соответствующей статистикой.

Разумеется, принятую в русском языкознании классификационную систему структурно-семантических типов простого предложения, согласно которой последние образуют членимые (двусоставные и односоставные) и нечленимые единицы, отметим, что классификация заголовочных моделей вполне укладывается в эту систему. Все указанные разновидности объединяются тем, что они имеют коммуникативное назначение, хотя построены по различным структурным схемам, что необходимо учитывать при описании конкретных заголовочных моделей. Как известно, классическим типом предложения считается двусоставное предложение, долгое время служившее эталоном, на фоне которого определяли полноту или неполноту предложения, его соответствие нормам литературного языка и т. д. Именно двусоставность, отражающая классическую схему суждения, стала основой создания учения о членах предложения. Следует отметить, что как способы выражения подлежащего, так и способы выражения сказуемого в двусоставных заголовочных моделях, в полной мере отражают общесинтаксические нормы и не составляет никакой специфики со структурной точки зрения. Приведем примеры двусоставных заголовочных моделей: “Наука дарит сенсацию”, “Еще я долго буду петь”, “Я боюсь остаться одной”, “Школьники мечтают стать экологами”, “Атомная энергия необходима”.

Как мы уже отмечали, указанные конструкции не являются типичными для заглавий, что в свое время позволило Г. О. Винокуру квалифицировать рассматриваемую нами систему как особый безглагольный жанр. “Если язык вообще

есть, прежде всего, некое сообщение, коммуникация, то язык газеты в идеале есть сообщение, по преимуществу обнаженное до крайних предлогов... назначение заглавий заключается не в том, чтобы рассказать о событии, а только в том, чтобы указать на него и обозначить... заглавие имеет как бы функцию демонстративную, часто близкую к простой номинации” (Г. О. Винокур, 1928, 89). Данная работа, уже в своем названии содержащая противопоставление глагола и имени, ставит вопрос об особом положении системы заглавий, характеризующей как безглагольный жанр. Действительно, в силу специфики, рассмотренной в первой главе, тенденция к глагольности является не совсем типичной для названной системы, что и подтверждается незначительным удельным весом двусоставных заголовочных моделей в общей статистике.

Наряду с классическими двусоставными моделями заголовочная система представлена и некоторыми типами односоставных предложений. Краткость, смысловая емкость последних, способность актуализировать самые тонкие оттенки, сконцентрировав внимание на одном, но наиболее важном в информационном плане аспекте сообщения, дают возможность широкого использования односоставных предложений в функции заглавия. Не вдаваясь в подробности основ классификации односоставных предложений, отметим, что в данном вопросе мы не выходим за рамки, принятые в академических грамматиках (Гр. 1980), и опираемся на существующую номенклатуру типов односоставных предложений. Как и следовало ожидать, из типов односоставных предложений наиболее полно представлены номинативные конструкции. Конструкции, в основе которых лежат структуры с глагольным ядерным элементом, составляют меньшинство, что еще раз подтверждает идею о безглагольности рассматриваемого нами “жанра”.

Приведем примеры заглавий с глагольным ядерным элементом: “Принимаю окончательное решение”, “Создали новую систему противоракетной защиты”, “Атомом страну не накормишь”, “Быть грозе великой!”, “С чего начать? ”.

Как видим односоставные предложения представлены различными типами, однако, следует отметить их некоторую статистическую ограниченность (за исключением номинативных заглавий), что связано с глагольным характером некоторых типов. Среди односоставных предложений наиболее популярны номинативные предложения, отношение к которым в научной литературе весьма неоднозначно. Поскольку главный член номинативных предложений не является морфологизированным, ибо существительное по своей синтаксической роли многофункционально, ученые стали перед сложностью выбора решающего признака,

определяющего природу главного члена. Если такие ученые как А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский квалифицируют его как сказуемое, то другие — Д. Н. Овсяннико-Куликовский, В. А. Богородицкий, Л. А. Булаховский - считают его подлежащим, в то время как третья группа исследователей, Н. Ю. Шведова, А. В. Попов - не называют его ни сказуемым, ни подлежащим, в отличие от представителей четвертой точки зрения — А. А. Шахматов, Е. М. Галкина-Федорук, согласно которой следует разграничивать подлежащие и сказуемые номинативные предложения. Несмотря на “кажущуюся” простоту структурной схемы номинативных предложений, следует отметить, что их глубинная семантика весьма неоднородна, ибо она отражает довольно – таки широкий спектр значений: бытийное указательное, побудительное, оценочно-бытийное, собственно-назывное (к последнему типу ученые относят названия книг, журналов, картин, надписи на вывесках, что неправомерно, с нашей точки зрения, ибо налицо смешение неоднородных явлений).

Мы не склонны разделить мнение ученых, относящих все типы заглавий независимо от их структуры к номинативным предложениям, однако, считаем, что заглавия, реализующие схему номинативных предложений, в основном, следует рассматривать в указанной парадигме номинативных предложений, а сделанная оговорка относится к некоторым типам, статус которых будет рассмотрен специально. В частности к номинативам, объединенным, например, сочинительной связью: “Война и мир”, “Города и годы”, “Преступление и наказание”, “Литература и метаязык”, “Метафора и миф”.

Говоря о заглавиях, выраженных номинативными структурами и характеризуя их своеобразие на фоне известных разновидностей номинативных предложений, считаем необходимым, отметить, что неправомерным кажется их отнесение к собственно-назывным типам. Непонятность данного термина, благодаря которому названия книг, журналов, картин, надписи на вывесках помещаются в единую концептуальную парадигму, связана, в первую очередь с тем, что ее авторы искусственно отрывают номинацию от коммуникации. С другой стороны, как мы уже отмечали названия книг, т.е. заглавия имеют непосредственную речевую опору - текст, на основе которого и дается мотивированное имя речевому произведению, в то время как названия журналов, надписи на вывесках и др. опираются на свою специфическую знаковую ситуацию. С третьей стороны, надо подчеркнуть то обстоятельство, что заглавия предназначены не для “собственно – названия”, а для передачи определенной целенаправленной информации, что в ряде случаев может выступать как

своеобразная установка. Сказанное дает нам основание не согласиться с термином “собственно – назывные” по отношению к заглавиям со структурной схемой номинативного предложения и предложить термин “номинативно-информативный” тип, что более точно отражает специфику интересующего нас явления. Отличие заглавий от других типов номинативных предложений не всегда однозначно поддается определению и соответствующей оценке. В этой связи интересно рассуждение А. М. Пешковского, который, рассматривая в качестве одной из разновидностей номинативных предложений назывные предложения, включающие, по мнению ученого, заглавия книг, надписи на зданиях, объявления и т.д., отмечаем, что этот термин он принимает с оговоркой, ибо “сущность в них не отражается” (А. М. Пешковский, 1938, 178). Ниже А. М. Пешковский пишет: “Надо думать, что литературный бытийный именительный есть именно литературная трансформация этого чуть ли не “биологического” именительного: автор с помощью его как бы указывает читателю описываемый предмет. Указательный жест в заглавиях заменяется помещением писанного слова в определенном, специально обусловленном месте, по большей части в непосредственном соседстве с самим предметом, в этом слове обозначаемом. Там же автор отмечает, что заглавие значительно отличается от простого названия: “Приступая к чтению книг, читатель в первую очередь интересуется содержанием ее, и в заглавии видит намек на это содержание или даже сжатое выражение его... Значит, название книги всегда есть нечто большее, чем название. Он считает, “что название книги не может вызвать у читателя назывного интереса, так как такой интерес может получиться только при прочтении книги” (А. М. Пешковский, 1938, 178). С другой стороны, ученый полагал, что не только необходимо включать их в качестве разновидности в состав номинативных предложений, но и указывал “что они совершенно параллельны глагольным предложениям” (А. М. Пешковский, 1938, 386).

Как известно, разработка типологии номинативных предложений в русском языкознании связана с именем академика А. А. Шахматова, поэтому мы сочли необходимым привести точку зрения выдающегося ученого на интересующую нас проблему. Интересны его соображения по поводу бесказуемо-подлежащих предложений и их основного вида - именных номинативных с именительным в роли главного члена. Упрекая крупнейшего русского лингвиста А. А. Потебню: “Мне кажется, другой основной ошибкой Потебни было то преувеличенное значение, которое он дает глаголу в синтаксическом строе наших языков, наиболее развитых в формальном отношении” (цитата по Е. С. Истриной, 1947, 326), А. А. Шахматов

пытается опереться на живое многообразие человеческой речи и отразить его в своей классификации. В результате подобного подхода автор вводит в сферу лингвистического интереса номинативные предложения и пытается отграничить от них схожие явления. Он полагает, что “Из состава того, что имеет вид предложения, надлежало бы действительно исключить особую категорию слов и словосочетаний, обнаруживающую сходство и поэтому привлекавшую на себя внимание и Потебни, и Вундта и Фортунатова, которые давали то или иное толкование их синтаксической природы, согласованное с их учением о предложении. Это те слова и словосочетания, которые находим на памятниках, вывесках, этикетках, в заглавиях, пояснительных подписях под картинами и рисунками, в названиях книг, газет, журналов и так далее... Потебня справедливо выделил подобные слова и словосочетания из состава тех, в которых А. В. Попов видел одночленные предложения, но ограничился указанием на то, что такие заглавия, как “Временник”, “Начало повести”, “Уставы Владимировы” по строю новее, чем двучленные и многочленные предложения (в заглавиях же), как например: “О повести временных лет...”, “О лингвистических аспектах перевода”, “О топонимическом аспекте”, “О роли семиотики в исследовании языковых значений”.

Некоторые исследования с точки зрения данных отношений готовы теперь утверждать, что заглавие книги является сказуемым к невыраженному сказуемому, каким является книга” (цитата по Е. С. Истриной, 1947, 331). Признавая справедливость точки зрения Свиделиуса, А. А. Шахматов соглашается с ним в том, что “подобные надписи, например, не могут быть сообщениями (это его термин для обозначения предложения); они являются, по его мнению, только материалом для сообщения, но могут употребляться в качестве сокращенных предложений такого же рода, как например, слово “дом” в ответе на вопрос “что ты рисуешь?”.

Исходя из того, что предложение - это, прежде всего, словесное выражение, я думаю, что в письменной речи предложениями могут признаны только те написания, которые могут найти себе соответствие в живой речи, только те написания, которые действительно являются или могут являться передачей живого слова. Заглавия, вывески и т.п. не удовлетворяют такое требование и поэтому они должны быть исключены из синтаксического исследования. Впрочем, нередко надписи, передающие и живое слово в виде предложения (например, подписи под картинками, “как охотник стреляет утку”), но эти предложения, ни в какое зависимое положение от обозначаемых ими предметов поставлены быть не могут (цитата по С. И. Бернштейну, 1941, 330-331). Сомнения в правомерности отнесения номинативных заглавий к соответствующим

типам предложений были и у других ученых, однако, соотнесение рассматриваемого явления с категориями текста, как уже отмечалось выше, дало возможность подтвердить его коммуникативный статус. Относя заглавия с номинативной структурой к номинативно-информативному типу номинативных предложений (автологичности в данном случае не избежать), мы разделяем идею о текстовом статусе заглавий, связанной с особой знаковой ситуацией общения.

Номинативные заглавия могут быть представлены следующими типами:

- а) только именительным падежом “Алгебра”, “Теология”, “Осень” и т. д.;
- б) распространенным согласованным номинативом: “Занимательная биология”, “Первая перчатка”;
- в) распространенным номинативом с несогласованным определением или приложением: “Публицистика Чехова”, “Россия средней полосы”, “Морфология сказки”, “Искусство Татарии”, “Культура речи”, “Основы права”;
- г) распространенными посредством дополнения номинативами: “Возрождение русского духа”, “Сказки великого Андерсена”, “Культура русской речи”, “Философия информационной цивилизации”, “Методы социологического исследования”;
- д) особо следует рассмотреть конструкции, в которых главный член может распространяться посредством т.н. второстепенных членов выраженных предложно-падежными формами со значением объекта, а также словами с обстоятельственным значением: “Совещание о кунице”, “Азербайджан в русской поэзии”.

Вопрос о квалификации подобных конструкций является дискуссионным. Одна группа ученых полагает, что здесь налицо пропуск, грамматическая трансформация, в результате чего образовано неполное предложение (Я. Шафир, Г. А. Вейхман, И. О. Кругликова, Н. Г. Михайловская). Согласно второй точке зрения (И. Вахек, Д. З. Гоциридзе, Л. Б. Чантуришвили)- это особый тип заголовочного выражения, связанный со спецификой рассматриваемого явления. Здесь нет отсутствующих, в классическом понимании этого слова, членов. Своеобразие конструкции заключается именно в том, что невозможно однозначно реконструировать якобы опущенный член. Конструкция настолько типична и естественна для заголовочной системы, что получило широчайшее распространение, а это стало условием того, что подобные конструкции начали осознаваться естественными и в некоторых схожих аналогичных ситуациях с точки зрения знаковости, что позволило ученым поставить вопрос об их общесинтаксическом статусе (об этом см. в третьей главе);

е) номинативные заголовочные конструкции, представленные одним ядерным компонентом, могут иметь в своем составе обособленные определения, выраженные причастным оборотом “Сессия, посвященная памяти В. В. Виноградова”. Если при квалификации номинативных заглавий указанных типов, имеющих в своем составе один предикативный член, возникают вопросы (в основном) лишь частного характера, то квалификация номинативных конструкций, состоящих из членов, вызывает ожесточенные споры. Интересно, что конструкции такого рода могут быть распространенными и нераспространенными, причем способы распространения главных членов те же, что было отмечено выше, при анализе номинативных заголовочных конструкций, состоящих из одного главного члена. Здесь возможно выделение следующих типов:

а) номинативные заголовочные конструкции, состоящие из двух главных членов, соединенных союзом “и” и не имеющих общих зависимых второстепенных членов: “Аналогия и модель”, “Война и мир”, “Хлеб и шоколад”, “Язык и культура”, “Ренессанс и барокко”, “Психика и реальность”, “Расы и народы” и т. д.;

б) имеющих общие зависимые члены, например: “Непонятные кварки и кванты”, “Жизнь и любовь Джорджа Байрона”, “Радость и разочарование в Стокгольме”, “Предмет, метод и назначение социологии”.

Продуктивны конструкции, состоящие из двух главных членов соединенных союзом “или” в функции тождества “Теология или учение о Боге”. Интересно, что конструкции соединенные разделительным союзом “или», встречаются только в вопросительной модели “или Осенняя выставка, или кризис творчества?”;

б) номинативные заглавия могут состоять из нескольких главных членов (соединенных союзом “и” или бессоюзно), не имеющих общих второстепенных членов “Хлеб, любовь и фантазия”, “Город и улица без адреса”. Говоря о номинативных предложениях, с нашей точки зрения, необходимо затронуть вопрос о принципах отграничения номинативных предложений с однородными членами от сложных номинативных предложений. Как известно, понятие однородности в лингвистической литературе увязывается с функциональным тождеством, т. е. если члены предложения, “испытываемые на однородность”, выполняют одинаковую синтаксическую функцию и одинаково относятся к третьему общему для них члену предложения, то налицо “отношение однородности” (Грамматика русского языка, 1964, 457). Применительно к анализу заголовочных конструкций можно сказать следующее:

1. Если в составе номинативных конструкций, состоящих из двух и более

главных членов, имеется зависимая форма, которая относится одинаково ко всем главным членам - то это номинативные предложения с однородными членами;

2. Если в составе номинативных конструкций, состоящих из двух или более главных членов, зависимая форма относится только к одному из главных членов, то такая номинативная конструкция представляет собой сложное номинативное предложение;

3. Если номинативная конструкция, организованная из нескольких членов, в которой зависимая форма относится не ко всем главным членам, представляющим собой сложные номинативные предложения усложненного типа, то главные члены, имеющие общую зависимую форму, выступают как однородные члены в составе сложного номинативного предложения. Как справедливо отмечает Д. З. Гоциридзе, особо следует рассмотреть случай, когда нет зависимых членов, являющихся основным критерием отграничения однородных явлений от сложных синтаксических конструкций. Исходя из того, что любая попытка воссоздать или логически восполнить “опущенный элемент информации приведет к еще большей неразберихе”, мы разделяем точку зрения автора, что подобное явление следует квалифицировать как однородно-сочинительные номинативы.

Наряду с номинативными конструкциями, составляющими значительную часть заголовочных моделей, особое место занимают явления, настолько неоднородные по своему составу, что вызвали ожесточенные споры среди ученых. Большинство из них, признающее коммуникативную направленность заглавий, пыталось в качестве спасательной соломинки использовать весьма удобное и растяжимое понятие “неполное предложение”. Это последнее имело весьма условный характер, ибо допускало множество различных толкований. Так, например, часть лингвистов полагало, что в основе неполноты предложений лежит смысловая неполнота (А. Н. Назаров, 1953), в то время как другая считала указанный признак “неполноту по смыслу” весьма условным, ибо, как отмечает И. А. Попова “неполными по смыслу могут быть и структурно полные предложения, рассмотренные в условиях изолированного употребления, в то время как каждое предложение, в том числе и структурно неполные в условиях своего употребления являются неполными” (И. А. Попова, 1953, 44). Видимо, под “неполными предложениями”, следуя синтаксической теории последних лет, необходимо понимать “неполносоставность”, “неполноструктурность” предложений, т.е. иначе говоря, такие типы, в которых не хватает необходимых структурных частей, то есть главных организующих членов и

которые не могут быть грамматическими наполнены без нарушения синтаксических норм, поскольку являются особыми структурными типами предложения и вовсе не представляют собой нарушения норм “полных предложений, требуемых абстрактными представлениями, связанными с грамматической схемой. Разработка коммуникативного синтаксиса теории речевых актов привела к пересмотру многих устоявшихся понятий грамматической науки, в том числе и понятия “неполное предложение”, вместо которого ученые очень часто стали использовать термин “высказывание”, понимаемое как речевой, актуализированный вариант предложения, структурное выражение которого увязывается с конкретной речевой ситуацией. Речь, как известно, является своеобразным полигоном, где то или иное явление испытывается на “общезыковость” и в результате может стать фактом языка, что подтверждается фактами и заголовочного синтаксиса”. Заголовочные конструкции, не имеющие форму двусоставных предложений, традиционного синтаксиса, весьма неоднородны по своему составу и типам, Г. И. Цибахашвили, разработавший проблемы морфологической и синтаксической аббревиации в русском и грузинском языках, исследует вопросы синтаксиса предложений с лантанной предикацией или, говоря словами автора, “цельносоставные предложения”. Рассматривая конструкции типа “Против агрессии”, “Книгу в массы”, “Пятилетку досрочно” и т. п., Г. И. Цибахашвили убедительно доказывает, что данные модели как функционально являются предложениями, но предложениями особого типа. В них сильна предикация, однако она совершенно лишена материального выражения, что дало основание автору квалифицировать подобный тип предикации как лантанную или скрытую. Специфика подобных конструкций заключается в том, что они, как отмечает Г. И. Цибахашвили, не соотносятся с второстепенными членами, так как, во-первых, являются носителями всей информации и, во-вторых, имеют независимую коммуникативную ценность. Анализируя заголовки типа “К новым успехам!” и “Коллектив завода стремится к новым успехам” Г. И. Цибахашвили пишет, что “разбираемые конструкции не соотносятся с неполными предложениями, так как, в отличие от неполных, они не ущербны, ни о каком “опущении” или “восстановлении” какого-либо члена не может быть речи без потери данного качества. В подобных предложениях эллипсис имеет только моделирующий характер. Поэтому исключается однозначная реставрация отсутствующего звена (не члена, а звена!). В этом и нет необходимости. Подобные предложения не поддаются разбору в рамках традиционного синтаксиса (выделение главных и второстепенных членов и их конкретная квалификация). Поэтому такие

предложения мы называем цельносоставными. Если односоставность и двусоставность предложения принять как позицию с оппозицией, то цельносоставность предложения можно квалифицировать как позицию без оппозиции” (Г. И. Цибахашвили, 1970, 22).

Цельносоставныс предложения по своему составу тоже подразделяет Г. И. Цибахашвили на две части: мономерные и бимерные. “Мономерными названы такие, которые несут в себе одну информацию, реализованную одной грамматической организацией, например: “В защиту правого дела”, “По опыту друзей”, “В честь высокого гостя”, “По поводу одного выступления”, “К вопросу о частях речи”, “К вопросу о двуязычии”.

Бимерными названы такие цельносоставные предложения, которые несут в себе две взаимосвязанные информации, реализованные двумя грамматическими организациями: “Животноводству - промышленную основу”, “Грубиянов - с поля!”, “Пятилетку - досрочно!” (Г. И. Цибахашвили, 1970, 23). Как полагает автор, для цельносоставных предложении характерно ставшее нормой отсутствие предикативного звена, что позволяет аргументировано включить их в синтаксис в качестве особого вида полного предложения, учитывая специфику “особо организованных и исключительно активных конструкций, которые до сих пор по существу не имели определенного места в синтаксисе” (Г. И. Цибахашвили, 1970, 23). Интересно, что актуальность цельносоставных предложений не ограничивается рамками только русского языка. Как показывает Г. И. Цибахашвили, грузинский язык быстро освоил цельносоставныс предложения, многие из которых скалькированы (то есть, образованы по заимствованным моделям) с русского, хотя многие из них оказались искусственным. Некоторые цельносоставныс конструкции восходят к фразеологизмам (по мнению Г. И. Цибахашвили), возникшим в результате аббревиации: “Счастливого пути!”, “До свидания!”, “Ни пуха, ни пера!”. Интересно, что некоторое влияние указанных моделей обнаруживается и в настоящее время. Сравнивая: “Счастливого пути!” “Счастливых рейсов!”, “Счастливых вам билетов!”, “С победой!”, “С кубком!”, “С рекордом!” нетрудно заметить влияние фразеологических аббревируемых моделей (Г. И. Цибахашвили, 1970, 23).

Известный французский ученый Л. Теньер, к мыслям которого мы уже обращались в связи с возможностью всякого именного узла быть предложением при условии, что именной узел не подчинен единице более высокой синтаксической значимости (например - глаголу), считает, что т. н. второстепенные члены также функционально могут быть важнее главных членов и обойтись без них. Подобные

“второстепенные члены” в независимом значении можно наблюдать, по его мнению, в функции заглавий художественных и научных произведений, а также в качестве ремарок, сценических пометок, указаний. Автор специально останавливается на том, что именные конструкции в указанных функциях являются предложениями, такими же, как и все другие виды предложений, особо подчеркивая неправомочность их исключения из области грамматических исследований. Для нас особенно важным является идея Л. Теньера о том, что самостоятельным предложением, не зависящим от какого-либо глагола, может быть и имя, традиционно относимое к второстепенным членам предложения (Л. Теньер, 1959, 55).

Приведенные выше точки зрения на особый статус заголовочных моделей подтверждаются конкретным эмпирическим материалом, что дает основание разделить точку зрения их авторов. Если Г. И. Цибахашвили и Л. Теньер противопоставляют соответствующие типы неполным предложениям, то Т. Ф. Каримова предпочитает использовать понятие “высказывание”. Это последнее, в отличие от предложения, не имеет своих структурных схем, они лишь получают возможность быть коммуникативно нагруженными (Грамматика русского языка. 1970). Рассматривая содержание термина “предложение”, сводимое в Грамматике - 70 к его формальным характеристикам, а именно - к принадлежности к одной из структурных схем, перечень которых приводится в ней, Ф. Каримова высказывает некоторые сомнения по поводу правомочности определения одного неизвестного другим. Так, например, понятие “предложение” выводится в Грамматике - 70 из понятия “структурная схема”, в то время как сама структурная является понятием производным от понятия “предложение” и призвана для более полного изучения смысла предложения. В отличие от данной позиции Т. Ф. Каримова считает, что “при подходе к определению содержания понятия, предложение” через посредство его формальной организации одно неизвестное определяется через другое неизвестное (Т. Ф. Каримова, 1982). Кроме того, подмена понятия “предложение” понятием “структурная схема” не позволяет учитывать важнейшие признаки, такие как коммуникативность и информативность. Введение термина “высказывание” оправдано, по И. Г. Торсцевой тем, что это дает возможность рассмотреть речевые отрезки не только с грамматической, или не только с фонетической точки зрения, но и как целостное коммуникативное образование, как воплощение языковой системы, способов оформления и передачи смысла, что никак не уместится в рамки синтаксиса предложения” (И. Г. Торсцева, 1979, 112). Как известно, как и любой термин, термин “высказывание” не всегда, к сожалению, однозначно

понимается. Так, например, Пражская лингвистическая школа подчеркивает взаимосвязь единиц, обозначаемых терминами “предложение” и “высказывание”, полагая, что высказывание может быть равномерно предложению, но отличается от последнего своей непосредственной связью с ситуацией общения” со средствами, описывающими данную ситуацию. С другой стороны, В. И. Кодухова и И. П. Сусов признают наличие в предложении определенной структурной схемы, указывая также на то, что предложением должна считаться не только структурная модель, но и ее реализация в речи (В. И. Кодухов, 1975, 33; И. П. Сусов, 1975, 62). Здесь пересекаются вопросы, касающиеся понятий “предложение” и “высказывание”. Работы, касающиеся коммуникативной стороны предложения, предлагают отнести все подобные исследования к проблеме высказывания, а в проблематике предложения оставить лишь моменты формально-синтаксического оформления. Со своей стороны, Ю. С. Степанов считает возможным говорить о “предложенческих высказываниях” (Ю. С. Степанов, 1975). Несмотря на попытку разграничить понятия “предложение” и “высказывание”, ученые единодушны в том, что в основе указанных явлений лежит предикативность, хотя эта последняя может получать различное выражение. Так, например В. И. Банару, посвятивший специальную монографию теории предикативности, выделяет следующие средства ее выражения: а) предикативную связь сказуемого с подлежащим; б) интонацию; в) словопорядок; г) контекст; д) ситуацию речи; е) заключительное слово; ж) морфему предикатности.

В том или ином конкретном случае, по мнению автора, осуществление предикации не требует обязательного наличия всех средств. Средством общим для любого типа предложения является только интонация, по сравнению с которой все средства выступают как вспомогательные, второстепенные (В. И. Банару, 1973, 43). Интересны зрения Эмиля Бенвениста и Н. Д. Арутюновой. Э. Бенвенист – “единственным признаком предложения является его предикативный характер. Все типы предложений, которые можно было бы различить, сводятся к одному предложению с предикативностью. Вне предикации предложения не существует (Э. Бенвенист, 1965, 446 - 47). Там же автор говорит о том, что “число знаков, входящих в предложение, не играет никакой роли, как известно, достаточно одного члена, чтобы выразить предикативность” (Э. Бенвенист, 1965, 137). Идея о том, что для выражения предикативности нет необходимости облекать мысль в форму «классического предложения», подчеркивается и Н. Д. Арутюновой, предлагающей разделить все высказывания на грамматикализованные высказывания, основным признаком которых

является наличие специальных грамматических средств и на неграмматикализованные высказывания, которые, по ее мнению “не отличаются от классических предложений по содержательным признакам (в них присутствует значение предикативности и соотносительность с моментом речи), лишены в то же время некоторых формальных свойств предложения” (Н. Д. Арутюнова, 1969, 45). Интересно, что подобные идеи в русской грамматической литературе выдвигал глава формальной школы Ф. Ф. Фортунатов (см. I главу) и другие русские формалисты, в частности, профессор Петерсон. Возвращаясь к заголовочным инструкциям, мы хотели бы привести размышления В. М. Солнцева, который считает, что языковым явлениям вообще свойственно обладать большей и меньшей степенью признака, что характеризует все уровни языка и соответственно, все единицы языка. Именно поэтому возможен постепенный переход от единицы языка к единице речи и наблюдаются колеблющиеся переходные случаи, и в силу этого нельзя во всех случаях требовать однозначного ответа на вопрос, является ли данная единица (или данный комплекс), безусловно, единицей языка или единицей речи (В. М. Солнцев, 1977, 166). Сказанное дает основание при анализе заголовочных конструкций, организованных на базе т.н. “второстепенных членов” говорить не о том, что необходимо искать якобы структурно опущенные члены, а, наоборот, о том, что данные конструкции в полной мере выражают специфику соответствующего подстиля². Таким образом, говоря о конструкциях вышеуказанного типа, полагаем, что, с точки зрения вхождения в общесинтаксическую систему, они представляют собой единицы, находящиеся на различной стадии развития. Если т.н. “цельносоставные предложения” получали “синтаксическое гражданство”, то другим типам еще предстоит это сделать, хотя, следует отметить, что в пределах заголовочной системы они уже утвердились, что, возможно, явится предпосылкой их перехода в общеязыковую систему подобно тому, как произошло с конструкцией со вторым именительным. Памятуя о том, что любое явление речи является проявлением действия языкового механизма, напомним интересное соображение Г. В. Колшанского “Всякое субъективное высказывание есть манифестация объективных законов регулирующих речепроизводство в пределах конкретного национального языка” (Г. В. Колшанский, 1975, 52).

² Интересная точка зрения А. С. Мельничука на превращение той или иной единицы в лингвистический знак. «Известно, что всякая звуковая форма становится лингвистическим знаком, когда она приобретает знаковую функцию, т.е. приводится в общественно осознаваемую связь с предметом или явлениями действительности и с их мыслительными отражениями в сознании людей» (А. С. Мельничук, 1964, 135).

Возвращаясь к моделям простых заглавий, отметим наибольшую популярность среди так называемых “неполных” конструкций организованной на базе предлога “о” с соответствующей именной частью, например: “О времени и месте создания “Персидских мотивов”, “О Томасе Море и о Томасе Вульфе”, “О причинах первой мировой войны”, “О праве войны и мира”, “О структуре социального действия”, “О методе философии”.

Популярны конструкции с предлогами “к”, “из”, “от”, “по поводу”, “за” и др., например: “К вопросу о гуннах”, “К проблеме боснийских сербов”, “К теории расширяющегося пространства”, “К изучению наследия скифов”, “По поводу одного стихотворения А. Вознесенского”, “Из записок по российской грамматике”, “Из путевых записок”, “От Аргентины до Мексики”, “За будущее детей всего мира”, “От науки к литературе”.

Не менее популярны конструкции, образованные по моделям: “что–куда” - “Лучшие образцы на ярмарку”; “что – как” - “Пятилетку – досрочно”; “кому – что” - “Ветеранам - достойную смену” или “что – кому” - “Все наилучшее – детям”.

Конструкции подобного типа настолько широко распространены, что Г. И. Цибахашвили относит их к цельнопоставным, образованным в результате аббревиации. Интересно, что подобные же конструкции весьма распространены и в паремиологическом жанре. Например “Большому кораблю - большое плавание”, см. французское изречение “Большому коту, большая крыса” и т. д.

Резюмируя рассмотрение простых заголовочных моделей, отметим, что наиболее бедно представлены модели классического двусоставного предложения и односоставные глагольные предложения. С другой стороны, наибольшую часть составляют заголовочные конструкции с организующим членом номинативом, как распространенные соответствующими членами, так и нераспространенные. Подобные конструкции, квалифицируемые нами как номинативно-информативные, составляют ядро заголовочной системы. Особым типам являются конструкции, организованные “по аналогии” с т.н. “второстепенными членами” с объектной и обстоятельственной семантикой, которые на самом деле представляют собой, говоря словами Г. И. Цибахашвили, “цельносоставные предложения, образованные в результате аббревиации, также по аналогии с уже образованной моделью. Понимая заглавия как текст, как продукт речевой деятельности со всеми вытекающими из этого характеристиками, мы полагаем, что справедливо мнение Фердинанда де Соссюра относительно отсутствия непроходимой грани между явлениями языка и речи,

составляющими две стороны одного же феномена. А это дает основание считать, что заголовочная система, в случае соблюдения определенных условий, может обогатить общезыковую систему новыми конструкциями. В указанной системе в роли автономных единиц, несводимых к нормативным синтаксическим моделям, могут выступать конструкции ассоциируемы с различными неполносоставными предложениями, однако, функционально эти единицы представляют собой независимые типы, не нуждающиеся ни в каком восстановлении.

Наряду с простыми заголовочными структурами весьма своеобразный пласт составляют составные и сложные заголовочные модели.

§16. Простые заголовочные модели английского языка.

Несмотря на то, что русский и английский языки весьма далеки в структурных отношениях, бросается в глаза близость многих заголовочных конструкций, что дает основания говорить об универсальности заголовочного синтаксиса. С другой стороны, обращает на себя внимание и принципиальная разница в осмыслении сущности самого заголовочного феномена. В первую очередь, это относится к квалификации т.н. номинативных предложений. Если грамматическая система русского языка вполне допускает наличие подобных предложений, то вербоцентризм английского синтаксиса никак не допускает признание указанных конструкций в качестве структурных разновидностей английского предложения. Интересно, что английская теоретическая грамматика просто игнорирует вопрос о номинативных предложениях. С другой стороны, как мы уже отметили выше, структурно - семантическая природа заглавий представляет особый интерес, ибо, обладая некоторыми специфическими чертами, она противопоставляется общему синтаксису. На фоне этого противопоставления прослеживается коммуникативная специфика заголовочных конструкций, позволяющая говорить об их информационной самодостаточности. В рамках особой коммуникативной ситуации заголовочные конструкции выполняют знаковую функцию, равную по своему значению предложению. Интересно, что предикативное значение заглавий номинативного типа подмечено многими специалистами, занимающимися проблемами англистики. Помимо Г. Этраумана, Роджера Сомерсби, Джина Гилмора и Роберта Рута этой проблемы касается и Эндрю Джеймсон, полагающий что нельзя закрывать глаза на подобное явление. Нельзя находиться в страусиной позе, не замечая очевидных вещей. Хотим мы того или нет, полагает ученый, наши глаза постоянно соприкасаются с газетными, журнальными и книжными заголовками, посредством которых мы черпаем информацию о возможных альтернативах. В этой связи возникает необходимость квалификации подобных явлений. Он предлагает “оговорить существование номинативных предложений” в английском и ограничить их сферой номинативно-информативных систем (Эндрю Джеймсон, 2003, 44).

Об особом предложеническом статусе заголовков номинативной структуры говорит и другой известный английский ученый Дэвид Кристалл. По его мнению, данное явление следует отнести к предикативным высказываниям, сфера деятельности которых ограничена рамками типовой коммуникативной ситуации. Именно ситуационная привязанность не позволяет ему говорить о номинативных заглавиях как

об общеязыковой структуре. С другой стороны, как правильно подчеркивает учёный, креативная деятельность в области заглавий охватывает ежедневно несколько миллионов случаев (включая школьные сочинения и переводы). В нашей практической деятельности мы общаемся при помощи заглавий (литературная беседа), занимаемся при их помощи поиском информации (информационно-поисковые системы)⁰, фиксируем названия наших компьютерных файлов и т. д. (Дэвид Кристалл, 2001, 43).

Глагольность как основа английского предложения, как было отмечено, определяет подход к квалификации той или иной конструкции, хотя необходимо отметить, что заглавие, имеющее форму предложения, значительно отличается от обычных предложений той же структуры. Джон Хелловим отмечает, что в одном случае мы имеем дело с текстом, а во втором- с предложением, что подтверждается наличием у последнего парадигматических вариантов. Вряд ли можно перевести в другую временную плоскость название Мюрриель Спарк “You should have seen the mess”, ибо любая трансформация заглавия лишает его репрезентативной функции. Это принципиально отличает подобную конструкцию от аналогичных речевых вариантов (Дж. Хелловим, 2002, 74).

Возвращаясь к основной задаче настоящего параграфа- к демонстрации типовых разновидностей английских заголовочных структур- отметим преимущество номинативных структур над глагольными, что подтверждает наши наблюдения относительно заголовочного синтаксиса.

Исследование показывает, что заголовочный синтаксис отличается не только от т.н. общего синтаксиса, но и от заглавий других функциональных стилей. В частности, это касается отличий, например, научно- технических заглавий и газетных заголовков, с одной стороны, и названий художественных произведений- с другой. Это, естественно, связано со спецификой соответствующих жанров, определяющих специфику внутрижанровой номинации. С другой стороны, необходимо отметить, что различия, преимущественно, касаются количественной стороны заголовочных структур, ибо основные заголовочные структуры характерны для всех функциональных разновидностей.

Как известно, классической моделью предложения, в том числе английского, является модель двусоставного предложения, наиболее точно отражающая логическую структуру мысли, поэтому описание начнём не с самой частотной номинативной структуры, а с двусоставной модели, на фоне которой наиболее чётко прослеживается специфика отдельных структур

Как и следовало предположить, английская заголовочная система так же бедна глагольными двусоставными предложениями, как и русская и грузинская, что следует объяснить спецификой самого жанра. С другой стороны, в отличие от заглавий других функциональных стилей, научно-технические тексты несколько опережают в этом отношении газетные заголовки и названия художественных произведений. Большое количество заглавий двусоставных предложений по сравнению с другими функциональными стилями объясняется выдвиганием информативной функции на передний план, ибо назначение научных текстов заключается в стремлении к точности изложения мысли, позволяющей избежать двусмысленность в толковании информации. Обратное явление наблюдается, когда на передний план выдвигается рекламная функция, для которой проблема привлечения и удержания внимания является первоочередной задачей. Несмотря на это, специфика заголовочной системы заключается в такой переработке информации, когда номинативные комплексы максимально насыщены информацией и, основываясь на конвенциональной знаковой ситуации, выступают как аналоги неких предложений.

Приведем некоторые примеры двусоставных предложений: “Phonetic description makes a new definition”, “In the beginning was the run”, “How irregular is English spelling” и другие.

Наряду с двусоставными заголовочными структурами представлены и односоставные предложения, не составляющие (как и двусоставные) значительный процент в общем заголовочном структурном арсенале.

В системе английского языка подлежащее и сказуемое формально всегда представлены. Специфика заключается в том, что формально-грамматический показатель «It», выступающее в роли подлежащего, не обладает конкретным предметным значением, например: “It’s summer”

Подобные предложения, получившие название именных безличных предложений исключительно на семантической основе, выражают состояние, явления природы, мнение говорящего о действии, выраженном инфинитивом и т.д.

В нашей картотеке лишь несколько примеров, когда подобные используются в научно-технических названиях: “Why it often rains in autumn?”, “It’s time to start.”, “It’s getting interesting.”

В предыдущей части мы говорим о русских номинативных конструкциях, отметив, что для синтаксиса русского языка номинативные структуры не являются чем-то экстраординарным. Совершенно иное положение мы находим в английском языке, где

номинативность прямо противоречит вербоцентризму английского предложения. При интерпретации номинативно - информативных структур английского языка мы основываемся на то, что они составляют особую микросистему в пределах языка, в рамках которого возможно говорить об их особом статусе. Приведем примеры типовых разновидностей номинативных заглавий, начиная от простого типа к сложному.

Односоставные нераспространённые номинативы, в отличие от других функциональных стилей, встречаются относительно редко. Здесь возможны два варианта- с артиклем и без, например: “Flame”, “Word”, “An Introduction”, “The Speech”, “The Abbarbama” и т. д.

Более распространены конструкции “Adj+N”, где в доминирующей позиции выступает номинатив, например: “Syntactic structures”, “Bodily communication”, “A first language”, “Touching words”, “Dialogic freedom”, etc.

Весьма широко распространены конструкции “N1+Adv”, “N1+Prep+N1”, например: “Plain English in the United States”, “Dialects in the Language of Bees”, “Relative frequencies of English Speech, Sounds”, “A Language for Life”, “The tyranny of Words”, “Tracing the Pidgin Element in Jamaican creoles”.

Следует отметить, что распространённые варианты указанных конструкций составляют свыше восьмидесяти процентов всех научно-технических заглавий, что непосредственно связано со спецификой интересующего нас жанра.

В нашей картотеке нет таких типов, как:

Адъективные - “Red”, местоименные - “He”, междометные - “Whose”, герундиальные- “Stalking”, что, видимо, связано с тем, что подобные конструкции (получившие широкое распространение в других стилях) противоречат информационной направленности научно - технических заглавий, для которых двусмысленность, недоговоренность и недосказанность являются препятствием, информационной помехой, а не средством привлечения внимания собеседника (адресата).

Вариативность русской падежной системы создает большее по сравнению с английским языком многообразие структурных вариантов заглавий. Объектный падеж английского языка не может выступать в роли организующего центра конструкции, но может в комбинации с номинативом образовать заголовочную структуру, например: “Franklin's visit to Nepal”, “Marshew's New Dictionary of Georgian Language”, “Richard Crashaw's indigestible poetics”, “The Emperor's old toga”, “Iago's art of war”, etc.

К простым заголовочным структурам следует отнести также конструкции, в

которых в роли организующего центра выступают герундиальные и причастные компоненты, например: “Understanding and Using of English Grammar”, “Extradited from North Ireland”, “Reading Wyatt for the style”, “Promoting full employment and decent work for all”, “Believing the impossible” и др.

Выше, рассматривая различного рода комбинированные варианты русских простых заглавий, мы определили принципы их квалификации, отнеся сочинительные номинативы и подобные явления к другим типам. Этой же точки зрения мы придерживаемся и при интерпретации английских однородных заглавий, объединенных сочинительной связью. К числу соответствующих сложных мы относим и номинативы с подчинительной частью.

Что касается номинативов с осложнением, то мы склонны квалифицировать их как случай распространения простых заголовочных конструкций. Приведем примеры подобных конструкций: “A Reference Grammar for Student of English, selected by R. A. Close”, “The Cambridge Encyclopedia of Language by David Crystal”.

Сравнение русских и английских простых заголовочных структур показывает как универсальные тенденции (стремление к номинативности, специфичность научно-технических заглавий, доминирование информативной функции), так и национально-культурно детерминированные структуры, обусловленные неоднородностью грамматических систем соответствующих языков (например, вербоцентризм английского языка, обусловивший отсутствие безличных (с грамматической точки зрения) конструкции. С другой стороны, наличие широко развитой падежной системы способствовало возникновению различных комбинаторных вариантов с падежными конститuentами. Со своей стороны, английский компенсирует эти отношения развитой предложной системой.

После анализа простых заголовочных конструкций перейдем к более сложным языковым явлениям.

§2. Модели составных заголовочных конструкций

Как известно, теория коммуникации и ее детище коммуникативный синтаксис поставили вопрос об интеграции различных коммуникативных единиц (предложений или иными словами высказываний) в более сложные единства типа сложных синтаксических целых. Это последнее, является наиболее крупной из структурно-семантических единиц, на которые членится текст, представляет собой “сочетание нескольких грамматически самостоятельных предложений, объединенных общностью объективного содержания... Сложное синтаксическое целое является языковым эквивалентом логической цепи как сложного сочетания логем” (Т. И. Сильмен, 1967, 21). От сложного предложения сложное синтаксическое целое отличается тем, “что предложения, входящие в его состав, являются более самостоятельными и соответственно связи между ними - тесными. Различные по своей структуре самостоятельные предложения в составе сложного синтаксического целого свободно присоединяются друг к другу, связываясь преимущественно по смыслу, так что содержание второго продолжает и развивает содержание первого и т.д., пока не будет раскрыта данная микротема текста” (В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов, 1981, 255) наблюдение над составными заголовочными конструкциями показывает, что в большинстве случаев налицо сочетание так называемого заглавия и подзаглавия, сочетание которых в рамках нового интегрированного единства вызвало различные толкования. Так, например, Г. И. Цибахашвили в вышеупомянутой работе “Морфологическая и синтаксическая аббревиация в русском и грузинском языках” выделяет круг явлений под общим названием “грамматически неорганизованные конструкции”, которые, по его мнению, в результате предельной аббревиации совершенно лишились грамматической организации. Подобные конструкции, как полагает Г.И. Цибахашвили, приобретают ценность сообщения (предложения) только ситуативно, когда отсутствие грамматической организации компенсируется другими факторами (ситуация, известный опыт говорящего). Автор приводит пример, когда слова дежурной телефонистки “Москва 446 - 75 - 50 пятая” безошибочно понимаются как “Клиента, который хочет поговорить с Москвой по телефону 446 - 75 - 50, просим зайти в пятую кабину”. С другой стороны, встречается, как показывает Г. И. Цибахашвили, частичная деформация грамматической организации речевых единиц. Так, часто при последовательном сообщении однородных информации между корреспондентом и адресатом возникает ситуация, которая допускает употребление

такой конструкции: “А. Петров, Ленинград, диплом второй степени”, что безошибочно воспринимается как “А. Петров из Ленинграда награждается дипломом второй степени”. Г. И. Цибахашвили, говоря об этих и некоторых других формах деформаций грамматической связи, отмечает, что они, преимущественно, встречаются в разговорной речи, хотя полагает, что некоторые из них вошли в нормированный (термин Г. И. Цибахашвили) язык и приводит в качестве примера сообщение: “Партия большевиков вобрала в себя лучшие элементы трудящихся классов” всех национальностей России, воспитала из них преданных делу социализма и пролетарского интернационализма революционеров, таких, как Ф. А. Сергеев (Артем), Г. И. Петровский... - Украина, М. А. Азизбеков – Азербайджан, ... С. Г. Шаумян - Армения, П. А. Джапаридзе, ... Г. К. Орджоникидзе... Грузия, П. И. Стучка - Латвия, которые, несмотря на возможные различия в квалификации названного отрывка, текста, по его мнению, не меняет сущности явления - налицо факт синтаксической аббревиации (Г. И. Цибахашвили, 1970, 25 - 26).

Грамматическая неорганизованность, возникшая в результате аббревиации, является фактом, с которым нельзя не считаться и который нельзя игнорировать. В этой связи интересны попытки квалифицировать конструкции с двоеточием. Так, А. А. Брагина, рассматривая необходимость регламентированного употребления двоеточия, заменяющего то тире, то восклицательный знак, а иногда стоящее там, где никакому знаку по правилам русской орфографии быть не положено, отмечает типичность и широкую популярность указанной модели в заглавиях и возводит их к разговорной речи. Вызывает сложность квалификация подобных конструкций, возводимых автором к различным явлениям. Характер соотношения частей конструкции с двоеточием дает А. А. Брагиной возможность поставить вопрос о том, является ли вторая часть данных конструкций пояснительной. Как правило, первая часть подобных конструкций, по мнению автора – это краткие наименования соответствующих явлений, промыслов, отраслей промышленности и т.д., а вторая является соответствующим уточнением, пояснением, например: “Резерв: миллион тонн серной кислоты”. Автор считает, что двоеточие становится своеобразным ритмико-эмфатическим знаком, имеющим двоякую: интонационную и смысловую функцию. Двоеточие символизирует, по мнению А. А. Брагиной пропуск обобщающего слова и паузу. С другой стороны, оно выражает также в самом широком смысле подчинительные связи в усеченных конструкциях” (А. А. Брагина, 1970, 72). К сожалению, в задачи автора не входило исследование сочетания частей рассматриваемой конструкции с точки зрения нового

интегрированного целого каким является данный комплекс. В этой связи заслуживает внимания исследование А. С. Дубовой, которая, рассматривая историю возникновения данной конструкции во французском языке, убедительно доказывает, не только особый комплексный его характер, но и то, что в других европейских языках, в том числе и в русском, оно возникло под влиянием французской модели (А. С. Дубовая, 1967).

Составные заголовочные конструкции по своей структуре разнообразны. В его первой части, как и во второй, могут представлены все перечисленные выше типы простых заглавий. Приведем некоторые примеры:

1. конструкции, представленные в первой части номинативным предложением:

а) первая часть простое номинативное предложение, вторая – простое номинативное предложение “Л. В. Щерба. Биографический очерк”;

б) первый компонент простое номинативное предложение, второй - сложноподчиненное номинативное предложение “Париж. Любовь, которая всегда с тобой”;

в) первый компонент однородно-сочинительное номинативное предложение, второй - простое номинативное предложение “История языка и проблемы современной школы. Размышления”;

г) первый компонент однородно-сочинительное номинативное предложение, второй - однородно-сочинительное предложение, например: “А. М. Пешковский и Е. Ф. Будде. Полемика и споры”, “Метафора и миф. Метафорическое мышление”;

д) первый компонент номинативное предложение (простое или сложное), второй различные типы, имеющие форму неполного предложения, например: “Бессонница. Зачем?”, “Газетные заголовки. Из наблюдений над языком газеты”, “Текст и его специфика. О смысловой структуре дискурса”, “Великие свершения. На XXV-ом съезде КПСС”, “Провербальное пространство. По поводу статьи Ю. И. Левина”, “Проблемы развития индивидуальных речевых навыков. Из опыта преподавания русского языка в казахских вузах”, “Психологические механизмы и пути воспитания публичной речи. О задачах университетского курса риторики”.

На втором месте по частотности являются конструкции, в которых в первой части фигурируют модели, соотносимые по форме с неполными предложениями, которые в дальнейшем, следуя Г. И. Цибахашвили, будем называть цельносоставными. Приведем примеры подобных предложений:

а) первый компонент цельносоставное предложение, второй – номинативное

предложение, например: “О смысловой структуре текста. Текст и его категории”;

б) как первый, так и второй компонент представлены цельносоставными предложениями, например: “О выходе грамматики в систему текста. К вопросу о связности и цельности текста”, «К понятию лингвистических категорий текста. Из опыта классификации”, “О семантических связях между басней и ее моралью. К проблеме паремиологических жанров”, “Еще к вопросу о предмете синтаксиса. По поводу статьи А. П. Боголепова”, “О языке ведийских памятников (на материале исследований последних лет”, “О преподавании истории отечественного языкознания. По поводу статьи М. Н. Петерсона”.

Помимо составных заглавий рассмотренных типов, составляющих подавляющее большинство в общей системе заглавий, относительно бедно представлены другие типы, среди которых лидируют конструкции с односоставными (номинативные предложения, естественно, мы рассмотрели особо) ядерными компонентами.

Приведем некоторые примеры:

а) первый компонент - безличное предложение, образованное из безличного предикативного члена с модальным значением и примыкающим к нему инфинитивом, а второй компонент - цельносоставное предложение, например: “Необходимо упорядочить литературную терминологию. О задачах литературной критики”.

б) первый компонент инфинитивное предложение, второй – номинативное предложение, например: “Разрешить проблему со снабжением. Директива ноябрьского пленума”;

в) первый компонент - двусоставное повествовательное предложение с составным именным сказуемым, выраженным нулевой связкой и предикативом в именительном падеже, а второй - цельносоставное предложение, например: “Молодежь – наш завтрашний день. У порога тысячелетий”;

е) первый компонент - двусоставное повествовательное предложение с составным именным сказуемым, выраженным глагольной связкой “быть” в прошедшем времени и предикативом - существительным в творительном падеже, второй - цельносоставное предложение, например: “Поддубный был чемпионом чемпионов. К истории российского спорта”.

Разумеется, все перечисленные комбинации не отражают всего смыслового многообразия составных заголовочных конструкций, однако, следует сказать, что, в

структурном плане конструкции умещаются в рамки указанных моделей. Как нам кажется, к составным заглавиям следует отнести и конструкции с диалогическим единством. Это последнее, представляющее собой наиболее крупную структурно-семантическую единицу диалогической речи, как правило, состоит из двух, реже трех или четырех предложений реплик, тесно связанных между собой по смыслу и структурно, при этом, как известно содержание и форма реплики определяет содержание и форму и т.д., так что только в сочетании реплик обнаруживается необходимая для понимания полнота данной части диалога. Интересно, что появление диалогических единств в заголовочной позиции явление относительно новое, и связано с экспансией средств массовой коммуникации, которые по всеобщему мнению стали играть определяющую роль в формировании языковых норм. Появление диалогических конструкции связано со стремлением приблизить газетно-информационные и телевизионные жанры к разговорной речи и этим вызвать доверие публики. Естественно здесь не последнюю роль играет и рекламная направленность, ибо необычность формы всегда привлекает внимание, вызывает интерес, что и соответствует цели отправителя сообщения. Следует отметить, что подобные конструкции, как и следовало ожидать, характерны преимущественно для газетных заголовков, хотя есть несколько случаев их использования и в заглавиях художественных произведений. Приведем примеры: “Победа? Все еще впереди”. “- Я вернусь, когда... - Возвращайся быстрее!”

Естественно, что продуктивность данного типа весьма ограничена, ибо помимо оригинальности заглавия должно выступать в роли своеобразного репрезентанта, быть знаком соответствующего текста, что при указанной организации весьма сложно, ибо ответить на вопрос. “Что ты читаешь?” – “Я вернусь когда ... - Возвращайся быстрее!”, то можно быть уверенным, что, в большинстве случаев ответ покажется вашему собеседнику несколько странным, и он обязательно вас еще раз переспросит. Кстати мы провели по этому поводу маленький эксперимент и во всех случаях респонденты, количество которых было 100 человек, переспросили, не поняв, что речь шла о заглавии. Было 23 случая, когда информанты восприняли заглавие, не только не как заглавие, а попытку напоминания известного стихотворения Сергея Есенина. На самом деле в статье речь идет о проводах молодого человека на летние студенческие работы и лишь ассоциативно связывается со стихотворением поэта. Как показывает диахронный анализ, проведенный Д. З. Гоциридзе, в тех случаях, когда заглавие явно неудобно из-за своей громоздкости, а также по причинам

неудобообрацаемости. Оно обычно заменяется своеобразным заглавием-названием, как было с “Путешествием Гулливера”, настоящее заглавие которого составляло около семидесяти словесных знаков, что и стало причиной его сокращения и использования при обмене информации именно сокращенного варианта - заглавия-названия. К составным конструкциям мы относим и модели, состоящие из изолированного вокатива и самостоятельных предложений, составляющих соответствующее единство, например: “Комсомолец! Твое место в БАМе”.

Незнакомую группу составляют также заглавия, состоящие из т. н. нечленимых предложений, например: “Ура! Полнос советский!”

Естественно, что все сказанное по поводу неудобобрацаемости диалогических единств в функции заглавий в полной мере можно отнести и к заглавиям данной группы. Таким образом, можно сказать, что составные заглавия по своей структурной организации весьма многообразны и реализуют различные грамматические схемы. Текстовый статус заглавий подтверждается и тем, что в функции последних выступают сложные синтаксические структуры (в том числе и диалогические единства), выходящие за пределы синтаксиса предложения и включаемые большинством ученых в сферу интересов коммуникативной лингвистики. Интересно, что изучение составных заглавий помогает увидеть многие интересные явления и тенденции в современном русском, да и в других европейских языках. В отличие от простых и составных заглавий относительно бедно представлены модели сложных заголовочных конструкций.

Прежде чем перейти к данной группе рассмотрим английские составные заглавия.

§2а. Модели английских составных заглавий.

Рассматривая принципы квалификации составных заголовочных конструкций, мы обратили внимание на сочетание нескольких информационно самостоятельных блоков, объединённых общностью объективного содержания, в основе которого лежит сложное сочетание логем. Представляя собой специфическую разновидность межфразовой связи, конструкции рассматриваемого типа отличаются от сложного синтаксического целого тем, что предложения, входящие в его состав, являются более самостоятельными. Смысловая связь предложений в составе сложного синтаксического целого определяет логическую, а не структурную целостность мегаконструкта.

Теоретические рассуждения по поводу специфики русских составных заголовочных структур актуальны и для английских научно-технических заглавий, поэтому не будем повторяться. Хотелось бы подчеркнуть, что при анализе типовых разновидностей интересующего нас явления мы учитываем специфику английского языка, для которого предикативность указанных конструкций связана лишь с особой знаковой ситуацией, за пределами которой она теряет коммуникативный статус.

Составные заголовочные структуры английского языка представлены различными комбинационными вариантами, в состав как первой части, так и второй могут входить фактически все перечисленные выше типы простых заглавий, причем выбор соответствующей типовой разновидности строго не регламентирован.

В отличие от русских составных заглавий, части которых соединяются смысловой связью, но графически разделены точкой, в английских составных заглавиях главным образом используется двоеточие, что с нашей точки зрения, более правомерно, ибо оно прямо подчеркивает конструктивное единство составляющих фрагментов. Интересно, что нам удалось обнаружить лишь несколько случаев, когда в английских составных заглавиях используется точка: “Obedience to authority with an authentic victim. Paper presented at the convention of the American Psychological Association”, “Social support and conformity. The role of independent assessment of reality”.

Вернёмся к описанию типов составных заглавий английской научно-технической литературы. Первая группа представлена конструкциями, в которых комбинируются номинативные структуры:

а) простой номинатив в первой части, распространённый номинатив- во второй: “Hiroshima: A study in science, politics and the ethics of war”; “Motivation: Dishonest behavior as a function of different levels of self esteem”.

б) распространённый номинатив в первой части; простой номинатив- во второй:

“Inside the Third Reich: Memories”, “Control of aggression: Recreation”, “Antigrams from word ways: A retrospective”. “Trusts: still going strong after all these years”;

в) распространённые номинативы и в первой и во второй частях: “Fear of success versus fear of gender-inconsistent behavior: A sex similarity”, “Opinion change in the advocate as a function persuasibility of his audience: A clarification of the meaning of dissonance”, “On impartiality and neutrality: a diagrammatic tool as a visual aid.”, “Action research and school counseling: closing the gap between research and practice”.

Кроме чисто номинативных составных заглавий возможны различные комбинации номинативов (в первой или второй части) с другими разновидностями простых заголовочных структур:

а) номинатив (простой или распространённый) в первой части и различные типы предложения: “Political heckling: Who really loses?”, “Agenda setting research: When has it been, Where is it going?”, “Kent state: What happened and Why?”, “Recent Chaucers criticism: New historicism, New Doctrines?”.

б) номинатив в первой части отрицательная или утвердительная конструкция во второй: “Human affairs: No, a Thousand Times, No”, “Leadership: -Yes”.

в) номинатив в первой части, цельносоставная структура- во второй: “Recreation and mental health: On aggression”, “The drive-reducing function of fantasy behavior”, “TV violence for a new generation: Living with Television”, “A naturalistic quasi-experiment: Presented at the annual convention of the APA”, “Strengthening prevention of urban crime: an intergrated approach”, “Characteristics of animals used in zoo interpretation: a synthesis of research”.

Следует обратить внимание, что “номинативная часть” может быть представлена как однородно-сочинительными номинативами, так сложноподчинёнными номинативными конструкциями: “Dynamics and morality of aggression: Some Psychological considerations”, “Racial identification and preference: Social status, the status distribution and performance in small groups”, “Effects of stereotypes, making on a decision and information-processing strategies: Distortions of attributing process”, “Those who are number two and harder: The sex on attributions of causality”, “The territory of language: Linguistics, stylistic and the teaching of composition”, “The evolutionary emergence of language: Social function and the origins of linguistic”.

Анализ составных заголовочных конструкций показывает, что номинатив также активно выступает во второй части, как и в первой. Приведём некоторые

примеры:

а) номинатив в первой и во второй частях: “Sex-role stereotypes: A current appraisal”, “Desegregation: Issues of the 70”, “Wonderful chains: Dickens and Coincidence”.

б) различные типы предложения в первой, номинатив во второй: “Drop that gun! The violence bag”, “Does television violence enhance program popularity? Federal Bureau investigation”, “Just world beliefs and attitudes toward the poor: The self-fulfilling prophecy”; “I knew it would happen: Remembered probabilities on once-future things”.

в) междометные комплексы в первой части, номинативы- во второй: “Beep! Beep! Bang! Umgava! Beach Power!”; “Whoa! Positive effects of within-group competition or between group negotiation”.

г) цельносоставные конструкции в первой части, номинативы- во второй: “On the liability of stereotype or hypothesis: The attribution of attitudes”; “On the effectiveness of subliminal self-help audiotapes: Unpublished manuscript”.

д) инфинитивная конструкция в первой части- номинативы (простые и распространённые)- во второй: “To increase the effectiveness of cultivation process: A field experiment”; “To build a new society: Arguments”.

Несмотря на то, что номинативы участвуют в процессе образования подавляющего большинства составных заголовочных конструкций, в практике встречаются и конструкции без их участия. Следует отметить, что подобных случаев слишком мало. Приведём некоторые примеры:

а) различные типы простого предложения и в первой и во второй частях: “Believing another likes or dislikes you: Behaviors making the beliefs come true”; “Integrated behavior change techniques for problem drinkers in the community: Follow us”, “Swift’s “Ode to Sancroft”: Another look”.

б) типы простого предложения в первой части- цельносоставные- во второй: “Personality characteristics are associated with obedience and defiance: Toward authoritative command”.

в) цельносоставные в обеих частях: “With an authentic victim: About conditions of obedience and disobedience to authority”.

г) цельносоставные конструкции в первой части- типы простого предложения- во второй: “Toward a theory of suggestion: Shelly Taylor, a cognitive social psychologist, argues that the “vividness” effect is not supported by a majority of the experimental findings”.

Если отвлечься от структурных особенностей английского языка, то можно сказать, что принцип смысловой организации русских и английских составных

заглавий совпадает. Совпадают и смысловые отношения между частями составных заглавий. Здесь встречаются и уточнения - “The age of propaganda: The everyday use and abuse of persuasion”; пояснения - “The totalitarian ego: Fabrication and revision of personal history”; причинно-следственные связи – “Attitudes versus actions: The relationship of verbal and overt behavioral responses to attitude objects”.

Наряду с указанными типами, в которых смысловые отношения поддаются смысловой интерпретации, встречаются и такие, которые не поддаются подобной однозначной квалификации. Так, например, заглавие- “Hiroshima: A study in science, politics and the ethics of war”- состоит из двух частей, которые, хотя и соотносятся в смысловом плане, не связаны друг с другом ни в структурном плане, ни в плане причинно-следственных отношений. Здесь “ощущается” отсутствие связующего аббревированного компонента, “восполнение” которого может нарушить смысловую целостность конструкции.

Как справедливо отметил Д. З. Гоциридзе, antecedentный компонент подобного типа следует квалифицировать как своего рода свернутую аннотацию. Именно так мы интерпретируем интересующие нас разновидности составных научно-технических заглавий. Наряду с составными заглавиями наше внимание привлекают и сложные научно-технические заглавия, к непосредственному анализу которых мы приступаем.

§3. Сложные заголовочные конструкции.

§3а. Русские модели

В отличие от составных заглавий, объединенных в рамках более высокого единства, сложные заголовочные конструкции по-своему содержанию являются полупредикативной единицей, состоящей из нескольких частей, каждая из которых, объединяясь с другой (или с другими) по смыслу и интонационно, не обладает (в отличие от составных) важнейшими признаками предложения - смысловой и интонационной законченностью. Следует констатировать (в отличие от составных заглавий) не только интонационно-смысловое единство, но и структурную целостность сложных заголовочных конструкций. Заголовочные структуры, реализуемые сложными предложениями весьма ограничены. Если сложные структуры хрестоматийного типа представлены весьма ограниченно, то модели, ассоциируемые с "неполнотой" сложных предложений относительно активны и представлены различными вариантами. Следует отметить, что мы разделяем принятые в русском языкознании принципы классификации сложных предложений, в частности, классификацию В.А. Белошапковой и считаем, что в ее пределах возможно описание заголовочных конструкций. С другой стороны нельзя не обратить внимание на специфически заголовочное явление, а именно функционирование в автономной позиции отдельных частей сложного предложения, соотносительных с придаточными конструкциями, а также с элементами сложносочиненных предложений. Прежде чем перейти к рассмотрению подобных заголовочных моделей считаем «нецелесообразным» начать разговор о структурных моделях, форма которых не вызывает мнения и соответствует нормативному синтаксису русского языка. Первое, что бросается в глаза при анализе сложных заголовочных структур указанного типа, это их очень малая продуктивность, вызванная действием закона экономии речевых усилий, сложносочиненные заголовочные структуры, в отличие от однородно-сочинительных номинативов, представлены единичными примерами. Видимо, этому не способствует ни наличие двух предикативных единиц (преимущественно выражаемых личными формами глагола) ни информационная перегруженность сложного предложения, мешающая его удобообращаемости. Приведем некоторые примеры:

а) сложносочиненные предложения с соединительными союзами фактически почти не представлены, за исключением нескольких примеров: “И город будет, и саду цвезть”, “Я вернусь, и ты откроешь двери”.

Интересно, что оба примера относятся к газетным заголовкам, что касается заглавий научно-технической литературы, то подобных примеров нам обнаружить не удалось;

б) сложносочиненные предложения с разделительными союзами также представлены весьма скудно, если не иметь в виду их аббревированные варианты типа “Ни он, ни она”, “Или, или”, которые будут рассмотрены ниже. Приведем примеры сложносочиненных предложений с разделительными союзами: “То бригадир похвалит, то председатель к сердцу прижмет”, “Необыкновенная история или как я стал губернатором”;

в) сложносочиненные предложения с противительными союзами по сравнению с указанными типами довольно распространены, хотя, следует отметить, что еще более распространены их аббревированные варианты. Приведем примеры конструкций сложносочиненных заглавий с противительными союзами: “Корчной думает, а Карпов побеждает”, “Человек родился, но никто об этом не знает”, “Жди, хотя не очень”;

г) сложносочиненные заголовки, представленные предложениями с присоединительными союзами: “Умереть, то есть шагнуть в бессмертие”, “Обокрали, да еще вдобавок оболгали”.

Следует отметить, что и данный тип не слишком распространен. Сложноподчиненные типы заголовочных конструкций, как и сложносочиненные типы не отличается большей продуктивностью, хотя по сравнению с ними имеют некоторое преимущество в количественном плане. Интересно, что не все типы сложноподчиненных предложений удалось нам зафиксировать в функции заглавий. Приведем примеры заглавий, реализующих те или иные типы сложносочиненных предложений:

1. Сложносочиненные предложения нерасчлененной структуры:

а) сложносочиненные предложения с придаточными присубстантивно-атрибутивными представлены единственной конструкцией, например: “Шахтеры - это те люди, которые не прощают измены”;

б) крайне редко встречаются в заголовочной функции и изъяснительно-объектные предложения “Говорят, что там бывала королева из Непала” (в данном случае в функции названия газетной статьи используется фраза из известной песни Владимира Высоцкого. Кстати, цитация и обыгрывание фразеологизмов является одним из наиболее распространенных способов озаглавливания): “Я верил, что Родина

меня не оставит”.

2. Сложноподчиненные предложения расчлененной структуры.

а) сложносочиненные предложения с придаточными обстоятельствами:

“Сложно когда не остается времени”;

б) сложноподчиненные предложения с придаточными сравнительными:

“Полюби, как ветер любит море”;

в) сложноподчиненные предложения с придаточными цели: “Я ушел, чтобы вернуться”;

г) сложноподчиненные предложения с придаточными условия: “Подожди, если хочешь”.

Интересно, что другие типы сложноподчиненных предложений мы фактически не встречали, хотя следует отметить одно любопытное обстоятельство, на которое нельзя не обратить внимания, а именно – функционирование в заголовочной позиции конструкций, соотносимых с изолированными частями сложных предложений. Это явление получило настолько широкое распространение, что его никак нельзя обойти вниманием.

Ю. Ю. Шведова, исследовавшая актовые процессы в современном русском языке, в частности, в синтаксисе, отмечает, что “в литературе уже не раз отмечалась характерная черта современного синтаксиса – актуализация синтагм путем их вынесения в акцентированную позицию... Здесь важно подчеркнуть живую связь таких “вынесений” с речью устной, где они являются характерным способом введения нового” (Н. Ю. Шведова, 1964, 14).

Интересные мысли высказывает и А. А. Брагина по поводу подобных усеченных конструкций, сравнивая их с загадками, где подобное “усечение” является нормой и связана с природой самого явления (А. А. Брагина, 1967, 89).

Данной проблеме, проблеме парцелляции придаточных, посвящает специальную работу Г. В. Ким “О тенденциях в развитии синтаксиса современного русского языка (парцелляция придаточных)”, где автор отмечает “Одним из активных явлений синтаксиса современного русского языка является сепаратизация (отсечение) придаточного от главного предложения: функционирование придаточного как самостоятельной синтаксической единицы. Здесь имеются в виду конструкции, которые называются парцеллированными... в них сложноподчиненные предложения расчленяются на интонационно обособленные части, определяемые точкой. Парцелляция придаточных приводит к ослаблению подчинительной связи, но и к

возникновению большей коммуникативной нагруженности (информативности) придаточных, усиливая их действительность. Нередко этому способствует дистантное расположение придаточных, когда между главным предложением и придаточным вклинивается и другое предложение” (Г. В. Ким, 1970, 53). Развивая эту идею, он приводит следующий пример: “Появилась в Родинке непонятная твердость. В Москву надо бы зайти. Хотя как раз теперь и не стоит” - что дает ему основание говорить о том, что придаточное функционирует как состоятельно оформленная единица, хотя коммуникативная законченность обеспечивается в пределах сложного синтаксического целого. Далее автор говорит о том, что интонационное и ритмическое строение такого придаточного вполне четко. Высокий тон приходится на союз и далее следует некоторое понижение тона. Парцеллированное придаточное, хотя и обособляется интонационно, синтаксически зависимо, не употребляется без предшествующего предложения... Оно возникает, по мнению автора, в сознании говорящего или пишущего после или во время высказывания, неся определенную смысловую нагрузку.

Здесь же подтверждается мысль о том, что самым употребительным для выражения уступительных значений является союз – “хотя”, который в парцеллированных придаточных предложениях сближается с усилительной частицей, которой акцентирует один из его членов предложения. Причем, такое придаточное относится ко всему предшествующему предложению. На втором месте находится союз – “если”, который, по мнению автора, издает некоторый оттенок иронии, подчеркивая ее: Мы еще курим от солнца! Если только будем.

По своей распространенности, по подсчетам автора, на третьем месте находятся парцеллированные построения с союзом – “чтобы” и выражающие модальность со значением непосредственного побуждения, запрещения, а также восходят к придаточной цели с оттенком категоричности. “Убивают время. После моют руки. Чтоб не осталось крови на них.

На последующем месте располагаются придаточные с определительным значением и представленные союзным словом – “который”, функционирующее самостоятельно и выступающее как экспрессивно-стилистическое средство, выдвигающее определительное значение на первый план. В миг спокойствия лишились люди Самых разных званий И уже страна ошиблась Вся! Которая за вами!

Широкое распространение, как отмечает исследователь, получают парцеллированные придаточные с союзом – “когда”, выпукло выражающие условия совершения действия. О как это сложно быть первым! Самым первым! Когда твое

сердце открыто нелегким раздумьям.

Коммуникативная выразительность парцеллированных придаточных усиливается, делается значительно в выразительных в случаях, когда придаточные самостоятельно функционируют как однородные придаточные предшествующего предложения: ...да здравствует любовь! Которой все дано: И муки, и горенье. Которая давно перешагнула время! (Г. В. Ким, 1970, 56).

Мы специально так подробно остановились на данной работе, ибо, как показывает автор, тенденция автополизации парцеллированных придаточных весьма активна в современном русском языке. С другой стороны, если обратиться к работе профессора Д. З. Гоциридзе “Структурно-функциональное развитие русских заглавий”, то можно найти мысль о влиянии заголовочной системы на некоторые общезыковые тенденции развития, когда под влиянием той или иной языковой модели находятся новые продуктивные типы в языке (Д. З. Гоциридзе, 1981).

Нельзя не вспомнить в связи с данной проблематикой работу Г. И. Цибахашвили “Морфологическая и синтаксическая аббревиация в русско и грузинском языках”, где автор специально рассматривает конструкции, соотносимые со сложными предложениями. Под последними автор подразумевает структуры, которые по их информационной ценности соотносимы со сложными предложениями, но структурно ущербны, недостаточны. В ряде из них, по мнению автора, материальная недостаточность уже стала нормой (грамматической или стилистической). Аббревируемые сложные предложения, Г. И. Цибахашвили противопоставляет тем конструкциям, которые, вслед за А. М. Пешковским названы “неполными сложными предложениями”. Отмечая различие между ними, Г.И. Цибахашвили пишет, что оно лежит в своеобразном интонационном оформлении аббревируемых сложных предложений, а также в отношении к не высказанной словесно информации к тому, что выражено материально. В результате автор приходит к мнению, что структурные особенности аббревируемых сложных предложений тесно связаны с информационной и стилистической целевой установкой текста в целом (Г. И. Цибахашвили, 1970, 24). Нет никаких сомнений в актуальности изучения подобных конструкций, проникающих в различные стили. Интересно, что в заглавиях научных статей подобные структурные модели фактически не встречаются. Приведем примеры аббревируемых сложных предложений – заглавий, зафиксированных нами: “Чтобы сказку сделать былью”, “Когда на помощь приходит ... козел”, “Потому, что круглая земля”, “Если молодым жить негде?”, “Благодаря случайной встрече”, “Хотя нас было

четверо”, “Несмотря на плохую погоду”, “Почему наводит грусть”.

Наряду с чисто придаточными аббревиатурами в заглавиях встречаются сложные заголовочные конструкции, представленные номинативом и придаточной частью, а также цельносоставными предложениями с соответствующей придаточной частью: “Дом, в котором я живу”, “Там, где кончается асфальт”, “Слон, которого не заменили”, “О том, как мужик двух генералов прокормил”.

наиболее популярной является конструкция с организующим элементом предлогом “о” в основной части.

Подобные конструкции специфичны для заголовочной системы, хотя, как отмечалось выше, имеют более широкие претензии. Таковы основные заголовочные модели и принципы их описания. Прежде чем перейти непосредственно-техническим заглавиям попытаемся подвести некоторые итоги настоящей главы.

1. В основе понимания лингвистической природы заглавия кладется идея о его текстовом статусе, что позволяет рассмотреть все заглавия (независимо от формы) как предикативные единицы;

2. Исследование конкретных заголовочных структур позволило подтвердить идею профессора Д. З. Гоциридзе о фразовом статусе заголовочных текстов, специфика которых заключается в том, что текстовые категории связности, цельности, завершенности, модальности получают в данном случае особое проявление, что и составляет особенность заглавий текстов;

3. Заглавия-тексты являются результатом процесса речевой деятельности со своей программой, интенцией и речевой фактурой, помогающей их осуществить. Следовательно, мы имеем налицо актуализированное предложение, или, говоря другими словами предложение-высказывание. С другой стороны, в отличие от обычных высказываний заглавие находится в автономной позиции и в силу своей внутренней природы может воспроизводиться неоднократно в информационно-поисковых системах, при обмене мнениями в частной беседе и т. д., что создает перспективу осмысления заглавия текста как модели с дальнейшей претензией выхода за рамки заголовочной системы;

4. Будучи фразовыми текстами, все заголовочные конструкции выполняют коммуникативную задачу, что лежит в основе понимания всех заголовочных конструкций как предикативных единиц и определяет классификационный подход к рассматриваемому феномену.

5. Несмотря на то, что, как предикативная единица заглавие должно иметь

форму предложения, мы имеем многочленные конструкции, которые не только не соответствуют традиционному представлению о формах выражения предикативности, но и вызывают противоположные ассоциации, повергая в ужас некоторых исследователей данного явления.

6. Формирование заголовочной системы дает ответ на вопрос о синтаксической специфике заглавий, объясняя господство именных структур в функции заглавий диалектическим единством номинативной, коммуникативной функций и их борьбой, определяющей своеобразие плана выражения исследуемого явления;

7. Номинативная функция, назначение которой обозначить содержание соответствующего текста, а также удобообращаемость соответствующего заглавия, стремится достичь этого механизмом номинации, в то время как коммуникативная должна подчеркнуть информационную связь заглавия и содержания текста и связать читателя с последним, что в свою очередь требует предикативности выражения. Именно в борьбе этих противоречивых тенденций и начинается складываться особый телеграфный стиль выражения, в соответствии с которым информация освобождается от избыточных элементов сообщения;

8. Результатом единства и борьбы противоположностей в плане выражения и явилась синтаксическая специфика заглавий. Сопоставление общего и заголовочного синтаксиса позволяет выделить некоторое своеобразие последнего. Как отмечает Д. З. Гоциридзе “специфика синтаксиса заглавий обусловлена двуплановым модусом его существования. С одной стороны, заглавие входит в систему имен собственных, а с другой выполняет коммуникативную функцию, функцию сообщения... Специфика заглавий в том, что здесь в автономной позиции функционируют такие единицы, которые не встречаются в других стилях (изолированные словоформы, деепричастные обороты и др... Автономная позиция, наличие особой интонации сообщения, “лахматной предикации”, а также возможность многократного воспроизведения создают возможность обогащения заголовочными моделями общесинтаксических средств” (Д. З. Гоциридзе, 1980, 39).

9. С точки зрения специфики проявления предикативности заголовочные конструкции подразделяются на три группы. Первую составляют простые заголовочные структуры, реализованные на базе одной предикативной единицы. Следует отметить, что одна предикативная единица здесь имеет особое содержание, ибо в данной автономной позиции могут выступать отдельные структуры, не

совпадающие с общесинтаксическим стандартам, а именно, так называемые цельносоставные предложения. Специфика составных заглавий заключается в том, что здесь в одном комплексе выступает сложное синтаксическое целое. Процессы синтаксической аббревиации коснулись и подобных конструкций, в результате чего появляются конструкции переходного типа, в частности с двоеточием между компонентами сложного синтаксического целого. Третьим типом являются сложные заголовочные конструкции, которые, как и ожидалось, имеют спорадический характер. С другой стороны, особо следует отметить парцелляцию сложных предложений, в результате которой в заголовочной позиции появляются отдельные части сложных предложений. Специфика подобных конструкций заключается в смысловой самостоятельности и ненужности “восполнения” якобы опущенных членов.

10. Господство именных структур в функции заглавий подтверждает характеристику заглавий как канонически безглагольного речевого жанра, хотя, необходимо отметить, особый характер указанной номинативности (Г. О. Винокур, 1928, 88).

11. План выражения заголовочных конструкций является наглядным подтверждением закона информационного распределения смыслов, регулирующего характер языковой избыточности. Статистика полностью подтверждает указанную тенденцию.

Таким образом, подводя итоги настоящей главы, отметим, что текстовой подход к заголовочному феномену дал возможность найти адекватный критерий для описания конкретных заголовочных структур и объяснить специфику многих явлений, неоднородно квалифицируемых учеными.

Несмотря на универсальность сущности заголовочного феномена, следует предположить некоторую неоднородность заглавий различных функциональных типов текста, что, видимо, связано с характером репрезентационной связи заглавия и текста. Верификация данной мысли даст нам возможность более глубоко осмыслить сущность рассматриваемого явления и выявить связь общего и специфического в данном феномене. С этой целью мы предлагаем рассмотреть заглавия научно-технических текстов. Выбор последних обусловлен тем, что научно-технический стиль является наиболее консервативным подстилем. Научно-технические заглавия выступают как бы своеобразным “нейтральным стилем”, на фоне которого наиболее чётко прослеживается специфика заглавий других подстилей, с одной стороны, и общеязыковой системы с другой.

После высказанных замечаний перейдем к анализу заглавий научно-технических текстов.

§36. Сложные модели английских научно-технических заглавий.

Как и следовало ожидать, английские сложные заголовочные конструкции весьма sporadически представлены. Это явление нетрудно объяснить спецификой самого феномена “заглавие”, который известен как типично безглагольный “жанр”. Материал показал, что это положение актуально и для английского языка. Что касается сложных заголовочных конструкций, то и здесь статистика примерно одинакова. Принцип экономии, активно пронизывающий “заголовочный синтаксис”, регулирует его план выражения, активизируя информационно насыщенные, но малые по форме структуры. Однако в некоторых случаях принцип экономии отходит на второй план, уступая место тенденции и информативной точности. Указанная тенденция наиболее актуальна в научно-техническом стиле, требующем максимально точные и адекватные формулировки.

Английские научно-технические заглавия представлены различными типами сложных предложений - как сложно-сочинённых, так и сложно-подчинённых. Приведем некоторые примеры различных типов:

- а) Сложносочиненные предложения с соединительными союзами представлены единственным примером: “The day was fine, and he switched off the light”.
- б) Сложносочиненные предложения с противительным союзом “but” представлены несколькими примерами: “Research was walking at a snail’s pace, but I could not catch up with it”; “His intentions are always good but he never keeps promises”.
- в) Сложносочиненные заглавия с разделительными союзами: “Let’s tell people the truth or it will be late”; “We’ll talk sense, either I’ll stop talking at all”; “He didn’t understand the speaker’s words for his thoughts were somewhere else”.
- г) Сложносочиненные предложения с причинно-следственной связью: “It was Sunday, so they were early home”.

Следует подчеркнуть, что указанные сложносочиненные предложения-заглавия не являются типичными для научно-технических заглавий, а представляют собой лишь частные случаи, имеющие весьма ограниченную частотность. Бессоюзные сложносочиненные предложения в научно-технических заглавиях также представлены некоторыми конструкциями: “To know things by name is one thing, to know them by seeing them, quite another”; “The moon went down, the stars grew pale, the experiment starts”.

Интересно, что усеченное сложносочиненное предложение характерно и для английских научно-технических заглавий: “but nobody was there to help doctor”; “or say nothing”.

По своему характеру указанные конструкции не отличаются от соответствующих русских заголовочных структур. В заголовочной позиции встречаются и некоторые типы сложноподчиненных предложений. Как и сложносочиненные предложения, они не являются типовыми конструктами научно-технических заглавий и составляют лишь отдельные фрагменты в общей заголовочной системе. Нами были зафиксированы следующие случаи:

I. Когда представлены обе части сложноподчиненного предложения: “The letter which she wrote was never sent”.

II. Когда главная часть придаточного предложения представлена фрагментом, причем, в этой позиции может выступать как номинативная, так и цельносоставная конструкция: “A lie, what he told me”; “On the mechanisms by which language became ergative”.

III. Когда сложноподчиненное предложение представлено лишь придаточной частью: “When belief creates reality”; “How ideology shapes women’s life”.

Следует отметить, что не все структурно-семантические типы сложноподчиненных предложений представлены в нашей картотеке, а среди представленных имеется различие в частотности. Как и следовало, ожидать, наиболее “бедно” представлены полные варианты сложноподчиненных предложений, план выражения которых в принципе противоречит плану выражения заглавий и не совпадает с основными тенденциями заголовочной номинации.

Именная группа придаточных предложений, кроме приведенного выше примера, представлена следующими примерами: “What you want is plenty of exercise”; “It is doubtful if he knows it”; “Don’t pay attention to what he says”.

Так называемое “придаточное предикативное” (The Predicative Clause) представлено единственным примером: “What one says is not what he means”.

Придаточное определительное (Attributive Clause) представлено лишь усеченными вариантами: “The boy whom he met”; “The book that you mentioned”; “Ideas we trust on”.

Полные варианты обстоятельственных придаточных предложений (Adverbial Clause) по известным причинам встречаются относительно редко, однако усеченные варианты второго и третьего типа весьма продуктивны в сравнении с другими. Здесь

мы имеем различные по значению варианты:

- а) со значением времени: “When the illness left off”.
- б) места: “Where the Niagara falls”; “Until I return”, “Where ideas meet”.
- в) условия: “If the procedures are performed”.
- г) причины: “As you are here”.

Нам не удалось обнаружить примеры, когда придаточные типы представлены полностью усеченными вариантами, хотя нам встретились первый и второй варианты: “Say it loudly so that I can hear”; “Free because I was late”.

Что касается придаточных предложений следствия, то они настолько тесно связаны с мотивирующей частью, следствием которого они выступают, что не образуют конструкции ни с полным усечением, ни с частичным, во всяком случае, наш материал не дает возможности утверждать обратное.

В нашей картотеке имеются случаи использования усеченных придаточных предложений-заглавий, имеющих сравнительное и обстоятельное значения: “As you expect me to”; “Later than you think”; “As if he were blind”; “Slowly as if he were blind”.

Таким образом, как показывает исследование, заголовочная система английских научно-технических текстов обнаруживает те же тенденции, что и русская. В первую очередь это касается выработки своеобразного стиля выражения, результатом которого становится возможность функционирования различного рода усеченных конструкций в функции автономной коммуникативной единицы. Степень свертывания может быть различной. В зависимости от наличия-отсутствия частей соотносимой части выделяются типы, имеющие или не имеющие опорные компоненты в альтернативной части сложносочиненного или сожноподчиненного предложения. Причем, в роли опорного элемента могут выступать как различного рода номинативы (простые, осложненные), так и типы цельносоставных конструкций, связанных с соответствующей частью сложносочиненного или сожноподчиненного предложения.

Сказанное подтверждает универсальный характер заголовочной номинации, не ограничивающийся рамками того или иного языка. Естественно, это не означает полного совпадения, ибо в основе заголовочных структур лежат грамматические структуры соответствующих языков, которые и определяют план выражения научно-технических заглавий.

В определенном смысле можно говорить и о взаимодействии культур посредством заглавий, ибо именно через них осуществляется получение первой научно-технической информации. Заглавие в информационно-поисковой системе

стимулирует интерес к соответствующей научно-технической литературе. Если учесть тот факт, что ежедневно в информационно-поисковую систему поступает несколько десятков тысяч новых информационных индексов, то следует отметить, что перевод и обработка информации на иностранных языках требует выработки единого стандарта, облегчающего мучительные поиски в области заголовочных соответствий.

Наряду с другими пересекающимися явлениями: лозунгом, призывом, рекламой и т.д., заглавия, выступая в функции автономного сообщения, формируют основу для своеобразного осмысления его грамматического статуса, ибо многие явления в пределах (и в некоторых случаях за пределами) заголовочной системы необходимо осмыслить с точки зрения коммуникативной лингвистики.

ГЛАВА III

Научно-технические заглавия в переводоведческой интерпретации.

§1. Наука о языке. О языке науки.

Словосочетание “язык науки” встречается в текстах, относящихся к разным научным дисциплинам, и ни в одной из них не отличается четкостью и определенностью своего значения. Использование термина “науковедение” для обозначения дисциплины, главным предметом которой является наука и ее язык, не спасает от разнобоя в понимании этого предмета. Однако можно попытаться сформулировать круг проблем и указать совокупность других понятий, связанных с понятием “язык науки” в разных областях знания и на этом основании разграничить смысловые сферы его употребления в философии науки, с одной стороны, и в теоретической и прикладной лингвистике – с другой.

В сущности, первичный объект исследования у философов-логиков и лингвистов один – это научные тексты – объективированное научное знание, производством которого и занимается наука как особого рода интеллектуальная деятельность. Однако операции, производимые над научными текстами, у лингвистов и нелингвистов-философов, историков науки, логиков, методологов весьма различны, в результате чего образуемый каждой наукой предмет – язык науки – имеет свою специфическую структуру, входит в разные структуры знания и связанный с этим различный круг вопросов.

Как известно, в философии понятие “язык науки” со времен возникновения математической логики связывалось с его логическим анализом (середина XIXв.), а идея символического языка как универсального способа анализа научного мышления была провозглашена еще Лейбницем. Логический анализ языка науки как некоторое направление в философии науки в большой степени стимулировался широко известной в конце XIXв. ситуацией под названием “кризис оснований математики” и начался с работ Г. Фреге и Б. Рассела, продолженных затем Л. Витгенштейном и неопозитивистами.

Именно здесь оттачивались средства логической записи научных высказываний. Характерно в этом смысле высказывание Б. Рассела в предисловии к “Логико – философскому трактату” Л. Витгенштейна: “Хорошая система записи обладает такой утонченностью и так стимулирует мышление, что кажется временами почти что живым

учителем. Неточность записи является первым признаком философских ошибок, а совершенная запись была бы эквивалентом мышления” (Витгенштейн 1958, 21).

Такая оценка формализованного научного языка имеет естественное основание в его функциях. Как подчеркивается в философии науки, язык науки – это способ объективации знания, и если считать, что знание без объективации не может развиваться, то язык науки выполняет, кроме когнитивной и коммуникативной, и конструктивную функцию.

Употребление словосочетания “язык науки” в философии науки связано, как нам представляется, с общей тенденцией последнего столетия рассматривать знание разного вида сквозь семиотическую призму и с попытками решать проблемы научного познания с помощью модельных языков.

Как пишет А. И. Ракитов, “с точки зрения логики вопрос, может или нет что-либо рассматриваться как объект или объективный предмет знания безотносительно к знаковой системе, фиксирующей это знание, лишен смысла” (Ракитов 1971, 62).

Объективированное научное знание, рассмотренное как семиотическое (знаковое), может исследоваться соответственно в семантическом, синтаксическом и прагматическом аспектах.

Характерно, например, в этом смысле название философского сборника – “Семиотические аспекты научного познания” (1981). Большинство статей в нем содержат термин “язык” или “знак” даже в своих названиях.

В настоящее время словосочетание “зык науки” в упомянутых философских науках понимается в двух смыслах – более широком и более узком. В широком смысле язык какой-либо науки (назовем его язык науки_{1а}) приравнивается либо к системе специальных научных знаний, т.е. к самой науке, либо к ее теории и ее логике, в частности, к понятийному аппарату и способам рассуждений и доказательств – в любом случае точного определения этого понятия не дается. Существенно, что во всех этих употреблениях под языком науки понимаются некоторые глубинные основы научного текста, не сводимые к языку текста поверхностного. Сопоставим несколько высказываний философов. “Язык науки не может быть сведен к терминологическим отличиям от обыденного языка, но включает также устойчивые концептуальные модели глубинного уровня. Если мы, например, говорим о ньютоновской модели мира, то в ее “язык” входят особые понимания известных физических терминов, особые понятия, категории, отношения, схемы, правила и т.д., которые очерчивают границы и внутреннюю структуру этого “мира” как конечной, исторически ограниченной модели

в общем процессе исторического развития физического знания и которые способны в известных пределах эффективно описывать реальность. Строение такой системы включает также общие физические закономерности и отношения, инвариантные для физического знания вообще и выполняющие функции “языковых правил” (Парахонский 1982, 82). “Понятия “язык” и “знание” не требуют категорического разграничения, так как язык обязательно является хотя бы каким-то знанием, а знание неизбежно выступает как язык. Но в понятии “знание” смысловой акцент лежит на семантическом аспекте языка” (Мальчуков 1981, 61). Третий философ предостерегает от отождествления языка науки и самой науки: (Применяя абстракцию ”язык” в случае анализа понятийного аппарата науки, следует, прежде всего, иметь в виду, что наука – больше чем язык, и законы, сформулированные ею, имеют отнюдь не лингвистический статус) (Попович 1975, 289).

Очевидная близость понятий “язык науки” и “научное знание” заставляет нас обратиться к рассмотрению признаков научного знания. В современной философии науки считается, что научное знание в отличие ненаучного, бытового, аподиктично, т. е. является необходимо обоснованным. Аподиктичность конструируется внутренним строением знания, его логической организованностью, понимаемой как структурная упорядоченность. Научное знание характеризуется истинностью, интерсубъективностью и системностью (Ильин, Калинин 1985, с. 11 – 20).

Два последних признака – интерсубъективность и системность – присущи любому языку, что же касается первого признака – истинности, то именно он существенно отличает язык науки от языка обыденного знания.

Считается, что именно языковой семиотический подход позволяет провести структурный анализ знания. Так, В. В. Ким определяет научное познание как знаковую деятельность, усматривая его специфику: 1) в специфике научных предметов; 2) в природе операций научной деятельности – мыслительной и экспериментальной; 3) в многоуровневой структуре самой деятельности; 4) в трансформации научного знания – приобретении формы, готовой к практической реализации (Ким 1981).

Язык науки (структурированное научное знание) предстает как многослойное иерархическое образование. В нем выделяют следующие блоки: 1) категорийно – понятийный аппарат; 2) терминосистема; 3) средства и правила формирования понятийного аппарата и терминов. Каждый из этих блоков, в свою очередь, содержит в качестве субэлементов отдельные языковые образования. Так, категорийно – понятийный аппарат включает три уровня: философию, логику и естественный

(специализированный) язык; совокупность общенаучных понятий; систему конкретнаучных понятий. Терминосистема состоит из слоя собственных терминов – эмпирических и теоретических и слоя математических терминов и символов, фиксирующих формальную структуру и отношение абстрактных объектов и понятий науки. Субэлементами средств и правил образования понятий и терминов являются средства доказательства научных теорий и специальные правила образования языковых выражений (Абслян, Ким, 1981).

В философском анализе языка науки присутствует идея разделения языка на словарь и грамматику; при этом «система понятий выступает как словарь, а грамматика языка науки фиксирует пути получения научных знаний, она является логикой научных рассуждений в широком смысле этого слова» (Брянник 1981, 32). (Заметим, что если термин словарь полностью ассимилирован языком философии науки, то термин грамматика используется пока робко и осторожно, с ощущением заимствования и метафоричности, проявления чего служит применение кавычек при его использовании.)

Более узкое понимание терминов “язык науки” связано с его пониманием в логике. Она представляет язык науки в виде набора некоторых формальных знаковых систем с правилами интерпретации. К этим системам предъявляются требования точности и адекватности. Точность понимается как однозначная определенность терминов языка и построение предложения по заданным правилам. Адекватность состоит в том, что предложения языка могут описать все возможные и существующие ситуации в той предметной области, для которой язык создан (Ракитов 1971, 88 – 90). Язык науки во втором смысле (назовем его язык науки 1б) как объект включается в язык науки 1а, но имеет – как предмет логики – свой специфический круг вопросов. Можно сказать, что если анализ языка науки 1а включает в себя описание структуры знания, то анализ языка науки 1б заключается в описании типов терминов и предложений, посредством которых это знание объективируется, хотя в целом разграничение философских и логических проблем анализа языка науки весьма условно. Скорее всего язык науки 1б является способом представления языка 1а.

Язык науки 1б состоит из нескольких слоев. Выделяются объективные языки и вспомогательные языки, или метаязыки. Первые фиксируют знания об объектах науки, вторые строят и описывают первые. Объектный язык, в свою очередь, может делиться на несколько слоев. Для языка современной физики, например, выделяются три слоя: логический, к которому относятся логические правила, выводы, знаки для обозначения

кванторов, связок и операций; совокупность математических выражений, обслуживающих физические теории; собственно физические термины, например, “масса”, “скорость”, “электрон” и т. д. Последний слой может быть разделен на термины теоретические и эмпирические (Ракитов 1971, 90 – 93).

Иногда в языках науки различают не два слоя (объект – языки и метаязыки), а три: язык данных (язык наблюдений, язык протоколов), язык, на котором формируются гипотезы, и метаязык, выполняющий функцию аргументации (философской, методологической и т. д.) (Madsen 1974).

В словаре языка науки 1б различаются базисные и производные термины. Базисные термины в данной системе далее не разложимы. На их основе строятся производные термины. Например, базисными для словаря кинематики являются термины “путь” и “время” – все остальные термины – “скорость”, “ускорение” и др. – являются производными, или выводными (Ракитов 1971). Точность языка науки 1б во многом определяется возможностью сведения производных терминов к базисным (не путать со сведением теоретических терминов к эмпирическим!). Синтаксис языка науки 1б – это логический синтаксис, включающий правила построения высказываний и правила вывода.

В сферу вопросов, связанных с языком науки 1б, входят так же вопросы построения определений терминов, описания типов определений (дефиниций) и их функционирования в различного вида знаниях, а также вопросы построения, оценки и применения разных типов классификаций, иерархических и фасетных, экстенциональных и интенциональных, вопросы различения и классификации синтетических и аналитических суждений, их связь с необходимой и фактуальной истинностью и структурой теоретического знания.

В настоящее время философию науки продолжают занимать языковые вопросы знания, поставленные еще в 30 – 50 годах логическим позитивизмом (Л. Витгейнштейн, Г. Фейгль, Р. Карнап, К. Гемпель) и логическим эмпиризмом (Э. Нагель, Э. Хаттен, Р. Брейтвейт). Прежде всего это вопросы соотношения теоретического и эмпирического в языке науки, до сих пор, несмотря на несколько изменившуюся общую проблематику, не утратившие своей актуальности.

Как пишет В. С. Швырев, “никто не сомневается в значимости этой проблемы как отправного пункта экспликации важнейших философско-гносеологических и логико-методологических вопросов, связанных с анализом научного знания” (Швырев 1978, 3).

Попытаемся описать понятийные поля терминов “теоретическое-эмпирическое”, или “теория-эмпирия” в текстах исследований по философии науки.

Термин “эмпирический” употребляется в литературе, как отмечает Л. Б. Баженов, двух смыслах: как низший уровень познания в противоположность теоретическому; как фактуальный, т.е. связанный с опытом, в противоположность математическому, где верификационная связь с опытом отсутствует (Баженов 1978, 10). Соответственно, понятия “теоретический” и “теория” также могут употребляться в двух смыслах. Об этом писал еще Р. Карнап: “Иногда аксиоматические системы в математике называют теорией. Математики говорят, например, о теории множеств, теории групп, теории матриц, теории вероятностей. Здесь слово “теория” употребляется в чисто аналитическом смысле. Оно обозначает дедуктивную систему, в которой не делается никакого обращения к действительному миру. Мы должны всегда иметь в виду, что такое употребление слова “термин” совершенно отлично от его использования в эмпирических теориях, таких, как теория относительности, квантовая теория, психоаналитическая теория и экономическая теория Кейнса (Карнап 1971, 317). Добавим, что сюда же относится целый ряд описательных теорий в гуманитарных науках, в первую очередь в лингвистике.

Обратимся к противопоставлению эмпирического и теоретического. Признание качественного различия между двумя этими категориями утвердилось в двадцатом веке, но споры о сущности теоретического начались значительно раньше, и в этом смысле характерен спор между Д. С. Миллем и В. Уивелем, приводимый Ф. Франком. Д. С. Милль отрицал, что теоретические понятия отличаются от наблюдаемых фактов: понятия являются копией фактов. Уивель возражал на это: “Но это такая копия, которая может быть сделана только человеком, обладающим выдающимися способностями: это подобно тому, как человек не может переписать плохо сделанную надпись, чтобы она имела смысл, если он не понимает языка этой надписи... Исследователь должен знать язык науки так же, как и смотреть в книгу природы, чтобы обнаружить научные истины”. Замечательно высказывание Уивеля о том, что человек является истолкователем природы: “...не только наблюдатель, но и истолкователь. Нужно изучать язык так же, как и наблюдать, для того, чтобы читать письма, начертанные на лице вселенной” (цитирую по Ф. Франк 1960, 454 – 455). В этом высказывании содержится весьма современная идея об объяснительной силе научной теории, но главное – мысль, что теория не ограничивается наблюдаемыми фактами, но формулирует закон, пользуясь для этого особым языком.

Как считает Ф. Франк, В. Уивель “был первым автором, сформулировавшим структуру науки так, как она понимается теперь” (Франк 1960, 452).

На рубеже XX в. о роли эмпирического и теоретического в науке четко высказался А. Пуанкаре (1983, 91): “Опыт – единственный источник истины: только опыт может научить нас чему – либо новому, только он может вооружить нас достоверностью. Эти два положения никто не может оспорить”. И тут же он задавал вопрос: а зачем тогда теория? Затем, что наблюдениями надо пользоваться, а для этого необходимо их обобщать. “Ученый должен систематизировать: наука строится из фактов, как дом из кирпичей, но простое собирание фактов столь же мало является наукой, как куча камней – домом. И прежде всего ученый должен предвидеть”.

Из этого образного сравнения очевидно, что теория не простой упорядочивающий механизм, а сложная конструкция, образующая структуру из данных опыта.

Обратимся теперь к деятельности представителей позднего эмпиризма – логических эмпиристов и неопозитивистов. Именно у них эта проблема рассматривалась как языковая.

Для позднего эмпиризма характерно отождествление эмпирического с наблюдением, теоретического – с ненаблюдаемым. В связи с этим возникают три основных вопроса: на каком основании термины наблюдения отделяются от теоретических; связаны ли между собой термины теории и термины наблюдения, и если да, то как; каков статус ненаблюдаемых, или как связана теория с внешним миром. Обратимся к их рассмотрению.

Р. Карнап отмечал, что философы и естествоискатели совершенно различным способом употребляют термины “наблюдаемое” и “ненаблюдаемое”. (Для философа “наблюдаемое” имеет очень узкое значение. Оно применяется к таким свойствам, как “синий”, “твердый”, “горячий”. Такие свойства непосредственно воспринимаются чувствами. Для физика “наблюдаемое” имеет более широкое значение. Оно относится ко всем количественным величинам, которые могут быть взвешено на весах. Температура измеряется термометром. Однако физик не скажет, что масса молекулы, не говоря уже о массе электрона, есть что-то наблюдаемое, потому что здесь процедура измерения является гораздо более сложной и косвенной) (Карнап 1971, 301).

И для физика, и для философа, неоднократно подчеркивал Р. Карнап, линия, отделяющая наблюдаемое от ненаблюдаемого, в значительной степени произвольна, поскольку наблюдаемость-ненаблюдаемость представляет собой континуум,

начинающийся с непосредственных чувственных наблюдений и переходящий к более сложным, косвенным методам наблюдения. Как философ Р. Карнап как будто бы принимает термин “наблюдение” в первом смысле, однако переходя от терминов наблюдения к эмпирическим законам как к предложениям на языке наблюдения, используемым “для объяснения наблюдаемых фактов и предсказания будущих наблюдаемых событий”, он говорит, что эти законы содержат “либо непосредственно наблюдаемые термины, либо измеряемые сравнительно простой техникой” (Карнап 1971, 303). Соответственно теоретические законы – это законы об объектах, которые не могут быть измерены простым, непосредственным способом.

Эмпирические законы в отличие от теоретических, по мнению неопозитивистов, обладают следующими свойствами: непосредственностью своего подтверждения, индуктивностью обобщения, выраженностью не в системе, как это характерно для теоретических законов, а в единичном предложении.

Отмечая, что предложения языка науки, как и термины, имеют трехчленное деление, а именно делятся на: 1) логические предложения без дескриптивных терминов; 2) предложения наблюдения, которые содержат термины наблюдения и не содержат никаких терминов теории; 3) теоретические предложения, содержащие теоретические термины, Р. Карнап делил предложения теории на два типа: смешанные предложения, содержащие как термины наблюдения, так и термины теории, и чисто теоретические предложения, содержащие только термины теории (Карнап 1971, гл. 5).

Таким образом, граница между теоретическим и эмпирическим в позднем эмпиризме была достаточно нечеткой и в силу психологичности самой категории наблюдаемость-ненаблюдаемость, и в силу допущения терминов наблюдения в теоретический язык.

Средствами связи между языком теории и языком наблюдения являлись правила корреспонденции или соответствия, введенные Карнапом. Они пришли на смену сходным Райхенбаховским соотносительным определениям, операциональным правилам К. Бриджмена и правилам интерпретации К. Гемпеля.

Считалось, что термины и предложения теории правилами корреспонденции могут быть сведены (редуцированы) к языку наблюдения – независимому от теоретического знания эмпирическому базису – совокупности высказываний, истинность которых можно проверить (верифицировать). Так, теоретическое понятие, “скачок энергии” (изменение энергии в атоме) может быть соотнесено с экспериментальным понятием “спектральная линия”. По-видимому, нечто подобное

мы имеем в акустической теории фонем Р. Jakobsona – М. Халле: различные дифференциальные признаки фонемы (понятие теоретическое) корреспондировались с участками спектра звуков.

Правила соответствия не дают полной эмпирической интерпретации единиц теоретического языка – это неоднократно подчеркивал Р. Карнап; в случае полного определения термина теории в терминах наблюдения он бы перестал быть теоретическим и стал бы частью языка наблюдения.

Позитивистский взгляд на природу научного знания, использовавшийся в качестве своего материала физику (именно на язык физики считалось возможным перевести или редуцировать языки других наук), как известно, проник и в лингвистику. Идеи дескриптивного описания языка покоились на редукционизме.

Процедура “открытия” фонемы путем описания и сопоставления дистрибуцией звуков в речевых сегментах и подбора “минимальных пар” имела в качестве принципа редукцию теоретических терминов к эмпирическим: ведь фонема как теоретический конструкт “открывалась” и верифицировалась посредством процедур. То же происходило и с описанием значений морфем и слов. Значение объявлялось языковым элементом только в той мере, в которой совокупность окружений позволяла установить сочетаемостные свойства морфем и слов, условия их употребления, т.е. позволяла установить значения с точностью до класса.

Третий поставленный нами вопрос о соотносительности теоретического значения и внешнего мира решался внутри позднего эмпиризма по-разному.

Споры о познавательном статусе теоретических систем делили позитивистскую философию на два лагеря: реалистов и инструменталистов. Реалисты считали и эмпирическое, и теоретическое знание отнесенными к внешнему миру: различие было в характере объектов – наблюдаемых или ненаблюдаемых, связь же эмпирии и теории со своими объектами считалась онтологически непосредственной, хотя для теоретических терминов она была логически опосредована (см.: Никитин 1975). Реалисты признавали истинными или ложными теоретические утверждения о ненаблюдаемых объектах (атоме, электроны). Инструменталисты считали теории логическими инструментами, своеобразными “молотками”. Теоретические термины – не отражение реальности, а средства структурирования фактов и, подобно молотку, не сходны с тем материалом, который ими обрабатывается. Теоретические термины непроверяемы, и по отношению к утверждениям, в которых они используются, нельзя ставить вопрос об истинности/ложности. Проверка же эмпирических данных применяется для

подтверждения следствий из посылок, а не самих посылок. Та реальность, к которой отсылали реалисты, говоря о теориях, является весьма неопределенным понятием. Как указывает О. П. Подлишевский, представитель логического эмпиризма Э. Нагель насчитал пять смыслов понятия “физическая реальность” (Подлишевский 1980).

Примирительную позицию между инструментализмом и реализмом в этом отношении занимает Р. Карнап: “Сказать, что теория есть надежный инструмент... означает то же самое, что сказать – теория истинна и что о теоретических, ненаблюдаемых объектах он говорит как о существующих” (Карнап 1971, 339).

К. Поппер, выступавший с критикой логического позитивизма и эмпиризма, считает, что теории не описывают реальности, они всегда гипотетичны, хотя ученый должен ставить своей целью найти истинную теорию. Вместо верифицируемости К. Поппер вводит критерий фальсифицируемости теории: теория фальсифицируема, если оказывается, что из теории нельзя вывести следствий, которые соответствуют фактам решающих экспериментов. Как считает К. Поппер, мы получаем информацию от реальности только тогда, когда, она, реальность, опровергает теорию (Поппер 1983).

Для современной философии науки характерно стремление к расподоблению пар теоретическое – эмпирическое и наблюдаемое – ненаблюдаемое.

Неясность позитивистского критерия разделения на наблюдаемое и ненаблюдаемое, исходящая от континуальности наблюдаемости, стала мишенью для критических высказываний многих современных философов.

Критик неопозитивизма П. Ачинстайн указывает, что существуют разные степени наблюдаемости, и классификация типов наблюдаемости – ненаблюдаемости может быть произведена по разным основаниям. Он различает логические и случайные (contingent) утверждения о ненаблюдаемости.

Так, можно сказать, что любой признак отдельно от вещи не наблюдаем: это логическое утверждение. Снежный человек оставляет следы – они наблюдаемы, а сам снежный человек пока не наблюдаем; утверждение о его ненаблюдаемости не логическое, а случайное. В этой классификации ненаблюдаемость электронов – пограничный случай.

П. Ачинстайн производит лингвистический семантический анализ слова observe, противопоставляя его глаголам see, detect, recognize. Observe предполагает активную целенаправленную деятельность, направленную на признаки или аспекты чего-либо, т.е. предполагает вычленение из объекта некоторого его свойства, подвергаемого наблюдению. Этого нет в глаголе see. Detect 'обнаружить' предполагает hidden

'спрятанное', recognize предполагает, что X известен. Семантические признаки глагола observe позволяют употреблять его в ситуации, когда самого X-а нет, а наблюдаются его проявления или результаты его действия (в случае с электроном). Так можно observe (наблюдать) реактивный самолет, хотя реально наблюдаемым является только его след; или наблюдать пожар, хотя виден только дым и т.д.

Наблюдаемость можно классифицировать по технике наблюдения (т.е. в зависимости от типа прибора). Так, вирус можно наблюдать в электронный микроскоп (правда, не сам вирус, а его образ на экране) и при помощи дифракции X-лучей, последний способ дает гораздо более опосредованное наблюдение (Achinstejn 1968, гл. 4,5).

О. А. Подлишевский дает четыре значения слова наблюдение: чувственное, пассивное восприятие явлений внешнего мира; процесс фиксации данных, полученных при исследовании объектов научного знания с помощью совокупности имеющихся технических средств (техническая граница наблюдаемости); процедура, связанная с возможностью выполнения определенных действий, которые не противоречат известным законам естественных наук (научная граница наблюдения); процесс, связанный с возможностью восприятия некоторых объектов и отношений между ними, которые не доступны для восприятия на современном этапе, но закономерности функционирования которых не противоречат законам логики (логическая граница наблюдения) (Подлишевский 1975, 176).

Очевидно, что степень наблюдаемости некоторых объектов науки увеличивается с введением более совершенных инструментов исследования – методов и приборов. Поскольку чаще всего нам даны репрезентанты или “следы” ненаблюдаемого объекта, то увеличение степени их наблюдаемости отнюдь не делает объект менее теоретичным, но подтверждает предположение о том, что гипотеза была правильной.

По-видимому, большинство исследователей – предметников и методологов согласятся с тем, что теоретические объекты ненаблюдаемы. Это – естественный вывод из определения теории как не непосредственного, а идеализированного отображения действительности. “Понятия и утверждение теории в строгом смысле слова описывают не свойства и отношения реальных явлений или систем, а особенности поведения идеализированной схемы, или концептуальной модели, которая была построена в результате исследования той или иной реальной системы” (Рузавин 1978, 14). Таким образом, теоретические термины соотносимы с элементами идеального, а потому ненаблюдаемого объекта.

Существуют и другие подходы к определению теоретического. Теоретическое знание может включать в себя элементы наблюдаемого, как это, например, утверждает В. Н. Карпович. Используя понятия определяемости термина в языке наблюдения и разрешимости посредством наблюдения, он показывает, что они не тождественны, а что термин, определяемый в языке наблюдения, может быть не разрешимым посредством наблюдения.

В. Н. Карпович предлагает в качестве критерия разделения на теоретические и эмпирические термины возможность остенсивных определений: эмпирические термины интерпретируются остенсивно; теоретические термины нуждаются в вербальных определениях.

В предложенном Карповичем критерии непосредственная наблюдаемость – ненаблюдаемость не имеет решающего значения: наблюдаемые, но требующие вербальной интерпретации единицы тем самым являются единицами теоретического знания (Карпович 1978, 68).

Итак, неудовлетворенность дихотомическим делением научного знания заставляет логиков и философов искать другие основания деления, не связанные с зыбкостью наблюдаемого – ненаблюдаемого. Ч. Д. Кривенко классифицирует научные термины по степени информационной емкости, приобретаемой ими на разных уровнях научного познания; таких уровней он выделяет десять (Кривенко 1984): классификационный, субъективно – сравнительный, объективно – сравнительный, условно – конвенциональный, логико – схематический, фактуальный, узкопрагматический, эмпирический, теоретический и супертеоретический уровни. Эмпирический уровень как уровень научного познания поднят на восьмую ступень информативности.

Е. П. Никитин разграничивает теорию и эмпирию не по типу объектов (ненаблюдаемых и наблюдаемых), а по характеру знания. Основным элементом теории является закон, основным элементом эмпирии – факт. “Эмпирия есть знание, представляющее собой опытную информацию, отображенную в систему терминов научной теории” (Никитин 1975, 225). Тем самым словарь науки не распадается на два подсловаря — теоретический и эмпирический. Однако имеет смысл оставить термины ненаблюдаемостей и термины наблюдаемостей (там же).

Стремление определить теоретическое/эмпирическое, не обращаясь к категории наблюдаемое/ненаблюдаемое, характеризует так называемый “структуралистский” подход. Здесь в качестве исходных элементов рассматриваются не предложения

теории, а модели теории как целого. Отмечается, что критерии выделения понятий в качестве теоретических становятся ясными только в процессе анализа конкретных теорий. При этом возможно, что понятие, теоретическое в одной теории, теряет этот статус по отношению к другой теории. Определяющим свойством теоретических терминов является их системность: семантика термина, его сигнификат определяется его связями с остальными терминами теории. “ Можно назвать абстрактные объекты чисто структурными, а конкретные объекты – субстратными” (Целищев и др. 1982, 74).

В настоящее время в философии науки на первый план выходит проблема роста научного знания и сопоставимости (соизмеримости) разных теорий – проблема, логически включающая в себя вопрос о соотношении теоретического и эмпирического. На смену редукционистским теориям неопозитивистов, по которым теории могут включать друг друга наподобие матрешек, пришла идея несоизмеримости теорий и некумулятивности знаний. Проблеме соизмеримости-несоизмеримости теорий посвящены многочисленные сборники, монографии, симпозиумы, конференции (см.: Структура и развитие науки 1978; Структура и развитие научного знания 1982). Идея несоизмеримости теорий, разрезающих мир различным способом, или еще более – формирующих различные миры, в некотором смысле имеет лингвистическую аналогию в гипотезе Сепира – Уорфа, по крайней мере, для языков науки она оказывается гораздо более справедливой, чем для естественных языков. П. Фейерабенд пишет, что всякая теория закрыта, что “ язык новой теории можно выучить только от нуля (from scratch) тем способом, каким антропологи и лингвисты изучают язык только что открытого племени” (Feuerabend 1970, 280).

Однако, кроме уровня теории, в науке существует уровень наблюдения, и по утверждениям неопозитивистов, эмпирическая терминология остается инвариантной при появлении новых теоретических систем. Так, эмпирические закономерности, установленные классической физикой, остаются основой и для теории относительности, делаясь тем самым базой двух различных, во многом взаимоисключающих теорий (Карнап 1971).

Сторонниками несоизмеримости теорий считают, что между теоретическим и эмпирическим знанием невозможно провести четкую грань, что язык наблюдения меняется с изменением теоретических представлений. В настоящее время идея полной независимости терминов наблюдения отрицается практически всеми специалистами в области истории и философии науки и учеными-предметниками. Так, физик В. Гейзенберг (1963, 36) пишет: “То, что мы наблюдаем, - это не сама природа, а природа,

которая выступает в том виде, в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов”. Совокупность же задаваемых вопросов определяется теорией: “Не всякий факт может быть описан некоторой теорией и не всякий вопрос в ней может быть поставлен. Чрезвычайно существенно выяснить, о чем можно спрашивать в терминах данного языка (например, можно ли в квантовой механике спрашивать о том, какова траектория частицы)” (Попович 1966, 33). Аналогичную идею высказывает В. В. Иванов (1961), говоря об ограничениях, накладываемых на исследователя языком науки. Однако отрицание полной независимости терминов наблюдения от терминов теории еще не означает признания их полной теоретической нагруженности: по мнению некоторых исследователей, определенная степень инвариантности значения терминов наблюдения остается при смене теорий (Мамчур 1975, Подлишевский 1982, Петров 1982), и важно найти средства ее измерения.

Сторонники несоизмеримости теорий, утверждая полную зависимость эмпирического базиса от теоретических установок исследователя (интерпретации языка наблюдения вытекают из теории, объясняющей нам, что мы видим), тем не менее не всегда ставят знак равенства между несоизмеримостью и несравнимостью теорий. Теории могут сравниваться на метаязыковом уровне, например, по числу решаемых проблем, по простоте и другим метаязыковым показателям, но они при этом несоизмеримы, поскольку каждая формулирует свою онтологию, и они не сводимы друг к другу (отсутствуют дедуктивные связи). Однако в последнее время появляется довольно обширная аргументация против полной несоизмеримости теорий. Остановимся на двух, на наш взгляд, интересных соображениях по этому вопросу, высказанных М. Фехер (Feher, 1982) и В. М. Петровым (1982). Интересно, что оба автора используют результаты, достигнутые в теории референции.

М. Фехер отмечает, что критики П. Фейерабенда, стремясь доказать соизмеримость и преемственность сменяющихся друг друга героев теорий, используют два вида аргументов – экстенциональные и интенциональные. Первые сводятся к утверждению, что возможна экстенциональная инвариантность при вариантности или смене интенционалов терминов теорий; в различных теориях существуют пересечения экстенционалов. Аргументы второго вида заключаются в утверждении, что процесс изменения смысла терминов не является радикальным и протекает достаточно медленно, чем и обуславливается преемственность теорий.

Однако, как замечает М. Фехер, неясно, как аргументировать экстенциональную инвариантность при принятии тезиса об интенциональных изменениях и как

идентифицировать экстенсионалы при медленном изменении интенсионалов. Необходимо поэтому показать, что либо не только теория определяет интенсионалы, либо не только интенсионалы определяют экстенсионалы, т. е. ученый, кроме дескрипций, даваемых теорией, имеет другие средства для идентификации референтов. Нужно различать способы, при помощи которых референт был зафиксирован, и способы указания на референт, заключенные в смысле терминов, или, как говорит М. Фехер, ссылаясь на К. Доннелана, необходимо различать атрибутивный и референциальный аспекты теории. Теория может утверждать нечто об объектах, фиксированных независимо от данного теоретического описания; тем самым имеются другие способы идентификации референтов, кроме интенсионалов теории. Эти способы имеют прагматическую природу и относятся к арсеналу научной практики.

В. М. Петров предпринял попытку показать частичную переводимость терминов разных теорий, интересную с лингвистической точки зрения. Рассматривая переход от теории флогистона к теории окисления и горения в работах Пристли, который назвал открытое им новое вещество кислород старым термином – “дефлогистированный воздух”, В. В. Петров охарактеризовал эту номинацию – “дефлогистированный воздух” – как языковой показатель расхождения между семантической референцией (референцией, связанный со смыслом как способом представления денотата и соответственно ему) и референцией говорящего – Пристли, который этим термином указывал на другой референт. Логическую сумму референции говорящего и семантической референции В. В. Петров предложил назвать “потенциалом референции” – понятием, могущим служить инструментом описания изменения значения терминов при исторических сменах теорий (Петров 1982, 66 – 75).

Итак, в современной философии науки категории наблюдаемого-ненаблюдаемого и эмпирического-теоретического в противоположность позиции неопозитивистов рассматриваются относительно самостоятельно; тезис о полной независимости эмпирического базиса также не выдержал критики. Знание структурировано гораздо сложнее, чем это представлялось в эпоху позднего эмпиризма, и именно в этой связи проблема статуса существования абстрактных теоретических объектов представляется весьма далекой от какого-либо окончательного решения. Очевидно, что связь между терминами теории и ее объектами не непосредственна, каковой она представлялась неопозитивистами и каковой она является в непосредственном наблюдении; теория как “знание о мире в его законообразности” в отличие от эмпирии – “знания о мире в его существовании”

(Никитин 1975) стоит в опосредованной связи с внешним миром и предполагает иной уровень реальности (см.: Уемов 1963; Ракитов 1971). Важно отметить, что в “ряде случаев системы описывают не столько объективную реальность, а скорее средства ее концептуального освоения” и что “соответствие между теоретическими моделями и изучаемой материальной системой не является поэлементным – здесь мы имеем дело с глобальным отображением одной системы в другую. Такой общий характер соответствия связан с возможностями существования внутри теории систем знаков, не имеющих денотатов” (Целищев и др. 1982, 74 – 75).

В преобразовании структур непосредственного видения мира в идеальные структуры научного знания проявляется активная роль человеческого интеллекта. В. М. Баженов, противопоставляя эмпиризм и рационализм, различает в том и другом генетический и методологический аспекты. Генетический аспект эмпиризма: опыт – источник знания; методологический аспект: разум не играет никакой существенной роли, кроме упорядочения данных опыта. Генетический аспект рационализма: разум, а не опыт – источник знания, данные опыта предопределены категориями разума; методологический аспект рационализма: разум играет творческую, активную роль в построении знания (Баженов 1978).

Вслед за В. М. Баженовым, мы принимаем генетический подход от эмпиризма и методологический – от рационализма; думается, что приведенная фраза А. Пуанкаре о построении знания как дома из кирпичиков опыта указывает на то же отношение к научному знанию.

Можно сказать, что источник научного знания – опыт, организованный разумом. Ученый не обязан до конца домысливать общие предпосылки и допущения, на которых строится научное познание в целом – это дело гносеологии, но он должен каждый раз осознавать все теоретические допущения, принятые в данной научной парадигме, на которых он строит свои эксперименты и наблюдения. “Эмпирия под властью теорий”, писал К. Поппер (1983, 558), и надо пытаться понять размеры влияния этой власти.

Материалом для рассмотренных выше проблем обычно являются языки точных и естественных наук, прежде всего математики и физики, в меньшей степени химии и биологии. Гуманитарное знание и соответствующие языки становятся объектами исследования только в самое последнее время (см.: Сумарокова 1978; Целищев и др. 1982; Проблемы гуманитарного познания 1986). Широко употребляемое, например, в философии науки понятие “научная картина мира” молчаливо подразумевает физическую картину мира, хотя естественно полагать, что в каждой науке существует

своя картина мира, являющаяся картиной онтологических представлений об объекте данной науки, в частности, в лингвистике “научная картина мира” должна состоять из представлений об элементах, структуре и функциях языка.

Неразработанность проблем гуманитарного знания (языка науки 1а) обусловлена в большей степени сложностью субъектно-объектных отношений в этих языках. В лингвистике, например, непосредственно данным объектом является речевая деятельность, в которой конечный объект исследования – язык и носитель его – человек – слиты неразрывно; тем самым объектом лингвистики является субъектно-объектная структура человек – язык; а в случае интроспекции объектом лингвиста становится его собственное языковое сознание. Множественность существования лингвистического объекта, очевидная теоретическая нагруженность любых лингвистических терминов, наличие исключений из установленных лингвистом закономерностей, проверяемость многих гипотез вне рамок дисциплины (см.: Гипотеза в современной лингвистике 1980) – все это делает лингвистику крайне сложным объектом для логико – философского рассмотрения. Предложенная Ж. Ладриером концепция языка науки, согласно которой его признаками считаются пропозициональность высказываний и фиксированность смысла и референции терминов, в приложении к языкам социальных наук нуждается, как замечает И. В. Поляков (см.: Целищев и др. 130 – 136), в ряде уточнений. В частности, фиксировать смысл и референцию терминов затруднительно из-за включения компонента “смысл” в объект исследования. Кроме того, для социальных наук существенен признак открытости научного языка, т.е. совместимости разных языков в одном научном тексте и даже внутри одной теории.

Отмеченные ранее критерии разделения научного знания на эмпирическое и теоретическое в применении к лингвистике порождают ряд вопросов, в частности, вопрос о характере законосообразности в языке. Как отмечает Т. В. Булыгина, анализируя концепцию Э. Итконена, “формулируемые в синхронно-описательной грамматике правила представляют собой не объяснения дедуктивно-номологического типа, которыми оперируют естественные науки, а скорее концептуальный анализ, эксплицицию имплицитного знания этих правил, точнее, знания дотеоретических правил, соответствующих теоретическим правилам, формулируемым в теоретическом описании” (Гипотеза... 1980, 130). В соответствии с этим эмпирическая проверка в синхронной лингвистике сводится к проверке последовательности и полноты предложенного описания, в связи с чем приобретают особую значимость

внеэмпирические критерии оценки лингвистических теорий (там же).

Лингвистические теории или, скажем шире, лингвистические исследования имеют, как правило, довольно сложную иерархическую структуру. Сколько, например, может быть в лингвистике уровней наблюдения или репрезентаций языкового материала, служащих эмпирическим базисом? Думается, что уровень наблюдения обуславливается теоретической установкой исследователя.

В сущности, на уровне непосредственного физического наблюдения дан нам только нерасчлененный звуковой поток. Его расчленение и тем более представление в графической форме – результат лингвистической работы довольно высокого уровня абстракции. Тем не менее, такое представление считается лингвистами уровнем непосредственного наблюдения, и языковые модели, использующие его в качестве эмпирического базиса, являются дешифровочными, создаваемыми на базе минимальной языковой информации.

Обычно же лингвисты в своей работе в качестве эмпирического базиса имеют дело с текстом, в котором языковые формы известны лингвистам как носителям и который служит им контекстом для выявления употребления этих форм и построения на этой основе различных гипотез. В качестве эмпирического базиса используются также данные языкового сознания информантов, накапливаемые в результате тестов и экспериментов, а также наблюдения лингвиста над своим собственным языковым сознанием.

Чем дальше эмпирический базис от уровня непосредственного наблюдения, где исследователь по возможности ограничивается тщательной регистрацией наблюдений, тем более существенными становятся при получении данных теоретические установки исследователя. Как указывает Р. М. Фрумкина, лингвистические эксперименты, пронизанные теорией, служат для этого прекрасной иллюстрацией (Гипотеза 1980).

Вообще, как отмечалось, все лингвистические термины теоретически нагружены, и даже классический пример разделения теории и эмпирии – фонология и фонетика – вовсе не является убедительным: фонетическая классификация звуков сознательно или бессознательно строилась на допущении смысловоразличительных функциях, т.е. всегда имела в себе фонологическую “примесь”.

Итак, в лингвистике разграничение эмпирического и теоретического уровня и соответственно эмпирического и теоретического языка в настоящее время едва ли целесообразно. Скорее надо говорить об исходных данных и последующих теоретических построениях, о разграничении уровней объекта исследования и создания

правил соответствий между элементами разных уровней. Как считает Ю. С. Степанов, идея двух языков и редукции одного к другому правилами корреспонденции преобразовалась на материале повседневного языка в направлении лингвистического конструктивизма в самых различных его проявлениях. В частности, в семантике и синтаксисе место правил корреспонденции заняли правила перифразирования (Степанов 1985, 167).

Однако естественным представляется деление на наблюдаемые и ненаблюдаемые лингвистические объекты и установление степеней наблюдаемости. Основной объект лингвистики – язык – является ненаблюдаемым. Лингвистика во многих своих областях занимается поисками и исследованиями наблюдаемых следов ненаблюдаемых объектов. Здесь она разделяет общую участь гуманитарных наук. Как указывает В. С. Швырев, “социально – гуманитарное знание на его описательном эмпирическом уровне сплошь и рядом имеет дело с явлением, зафиксированными обыденным сознанием, в этом смысле эти явления не относятся к “теоретическому миру”, однако применение к ним термина “наблюдаемость” вызывает сопротивление естественного чувства языка” (Швырев 1978, 239). Интересно, что само слово наблюдение используется в текстах лингвистических исследований, когда говорят об обнаружении сложных взаимосвязей между языковыми явлениями: наблюдение здесь противопоставляется объяснению. Отметим три, как нам кажется, наиболее существенных типа ненаблюдаемостей в лингвистике. Это инварианты, значения и лингвистические нули.

Первый тип – инвариант – постулируется в качестве единицы языка как ненаблюдаемого объекта, данного нам только в процессе и результатах своего действия – речевой деятельности и текстах. В них инварианты реализуются (репрезентируются) в виде вариантов: фонема в форме звука (фона), морфема – в морфах, синтагма – в синтагме и т.д. Инвариантность можно рассматривать на уровне языка как такового, т.е. в теории, тогда конкретные языки предстают как его варианты. Но каждый конкретный язык – тоже система инвариантов, реализуемых в речи в виде вариантов; в этом смысле ненаблюдаемыми являются инварианты в обоих смыслах. Исследование наблюдаемых реализаций инвариантов, например функционирования меняющихся в звуковом потоке звуков речи, позволяет строить гипотезы о смыслоразличительных функциях фонетических признаков и постулировать фонему как совокупность смыслоразличительных фонологических признаков.

Ненаблюдаемыми являются и языковые значения – означаемые знаков,

означающие которых – языковые формы – мы наблюдаем; в некоторых случаях остенсивное определение дает нам возможность наблюдать денотаты. Однако возможность остенсивных определений относится к некоторым языковым единицам, но отнюдь не к лингвистическим терминам; нельзя дать остенсивное определение ни термину “значение”, ни термину “семантический признак”, как, впрочем, и любому научному термину, всегда относящемуся к классу явлений, а не к одиночному элементу наблюдения. Существенна, однако, возможность иметь наблюдаемый аналог теоретического понятия, возможность указать на референт, относящийся к классу, описываемому интенционалом научного термина. Лингвист, сегментируя текст, может указать: вот словоформа, вот корень, вот аффикс и т.п., но никогда не может сказать: вот значение.

Связь с уровнем наблюдения для разного типа теоретических терминов различна. Наблюдая употребление форм какой-либо грамматической категории, например, категории времени или залога, лингвист делает заключение о функциях различных форм времени или залога, а на основании анализа разных функций строит гипотезу о структурном значении категории (см.: Русская грамматика 1979). Очевидно, что формулирование функциональных значений грамматических категорий происходит в тесной связи с уровнем наблюдения, а формулирование структурных значений, характеризующих категории в целом (термин “структурное значение” близок к термину “общее значение”), имеет своим эмпирическим базисом совокупность функциональных значений и весьма опосредованно связано с уровнем непосредственного наблюдения.

Особое место среди лингвистических ненаблюдаемостей занимают лингвистические нули. Непосредственное наблюдение говорит нам об отсутствии форм, опосредованное (связанное со знанием языковых парадигм, например, падежных) дает нам основания считать отсутствие формы значимым и тем самым постулировать присутствие нуля на эмпирическом уровне; мы как бы исправляем данные непосредственного наблюдения с высоты теоретического знания.

Остановимся на проблеме существования лингвистических конструкторов. Существует ли фонема? Вряд ли для большинства лингвистов в настоящее время является предметом спора или сомнения, хотя всего каких –нибудь десять лет назад И. М. Ревзин, убежденный в реальности фонемы, все –таки озаглавил параграф своей книги следующим образом: “Фонема – единицы языка или метаязыка?” (Ревзин 1978, 11), противопоставляя этим единицы реальности и научные конструкторы. Не останавливаясь на вопросе правомерности такого противопоставления, отметим только,

что проблема существования объектов, соответствующих лингвистическим понятиям, всегда будет оставаться проблемой для каждого нового лингвистического понятия. Видимо, нет сомнения в реальности существования фонемы. Зато как по-разному ответили участники дискуссии по искусственному интеллекту на вопрос, существует ли язык смыслов (Севбо и др. 1984).

Этот вопрос можно переформулировать многими способами, расставив акценты на разном: автономно ли мышление по отношению к языку (глобальная постановка вопроса); существуют ли в языковом сознании носителя языка элементарные семантические единицы как самостоятельные сущности, из которых строятся слова, грамматические значения, складывается текст; соответствуют ли разработанные в современной лингвистике способы представления смысла слова и текста каким-то единицам в голове человека. Очевидно, что такого единодушного мнения, как по вопросу о фонеме, в данном случае не будет. И надо полагать, что в лингвистике в силу специфики ее объекта, было, есть и будет достаточно много «флогистонов» – это неизбежные «приобретения» в процессе поиска научных истин.

В связи с проблемой эмпирическое - теоретическое интересно рассмотреть статус семантической номенклатуры. На первый взгляд может показаться, что семантическая номенклатура представляет собой эмпирический материал для теории. Однако элементы семантического языка – это плоды глубокой теоретической абстракции (ср., например, направленность, объемность, периферийность в теории падежей Р. Якобсона), а сами семантические языки – это модели соответствующих семантических теорий; они являются посредниками между лингвистическим объектом и лингвистической теорией. В этих языках теоретические конструкты получают сферу приложения, область референции, наблюдаемый способ существования. Так, понятие «семантический признак» реализуется в элементах предметность, процессуальность, направленность и т.п.; понятие «дерево зависимостей» – в вариантах своего графического воплощения. Здесь, на материале модельных языков появляется возможность остенсивного указания на конкретный референт теоретического понятия, но эта сфера референции вторична, она построена лингвистом как наглядная модель. Эвристические возможности таких моделей весьма велики и много раз обсуждались в лингвистике; в качестве примера укажем на исследование И. П. Севбо, где продуманный выбор синтаксической теории и разработанная автором на ее основе методика графического представления синтаксических структур позволили произвести стилистическую диагностику текстов русской художественной литературы (Севбо

1982).

Обратимся к тому, как понимается термин «язык науки» в лингвистической сфере, где мы сталкиваемся с иной проблематикой. Здесь, так же как и в философии, можно наметить две интерпретации этого словосочетания – широкую и узкую.

В первой интерпретации язык науки можно приравнять к языку научных текстов (назовем его языки науки 2а). Объектом анализа языка науки в этом смысле являются все знаковые уровни письменной формы языка – лексика, морфология, синтаксис с точки зрения их функционирования в научных текстах (см.: Митрофанова 1973), а иногда и фонетика (Хоффман 1982).

В свою очередь, язык научных текстов можно рассматривать либо как функциональный стиль (см.: Кожина 1972; Кожин, Крылова, Одинцов 1982), либо как особый функциональный язык – разновидность общелитературного языка (например: Даниленко 1977; Дрозд 1981).

В первом случае язык научных текстов входит в компетенцию стилистики; «экстралингвистические признаки научного стиля, – пишет А. Н. Кожин, – это точность, абстрактность, логичность и объективность» (Кожин, Крылова, Одинцово 1982, 94). Сходные признаки научной прозы – ясность, точность, нейтральность (coldness) – называет Т. Сейвори (Savory 1953).

Во втором случае языку науки придается большая автономность: по составу своих элементов и своим функциям этот язык «выходит за рамки не только общелитературного, но и общенационального языка» (Даниленко 1977, 10).

Различие между понятиями стиль и язык было сформулировано Б. Гавранек; язык определяется общей целью выбора лингвистических средств, функциональный стиль определяется особой целью данного высказывания (Гавранек 1967). Представляется, что основные функции языка научных текстов – функции объективации и передачи научного знания, или когнитивная и коммуникативная функции определяют набор языковых средств и потому в соответствии с критерием Б. Гавранека язык научных текстов следует рассматривать как язык, а не стиль.

Необходимо заметить, что специфика научных текстов, не использующих символические языки (прежде всего текстов гуманитарных наук) заключается в основном не в синтаксисе, который использует синтаксис естественного языка с некоторыми ограничениями и некоторыми предпочтениями, а в лексике, значительная часть которой состоит из терминов и профессионализмов, не входящих в состав общелитературного языка, и которая характеризуется отсутствием некоторых

существенных классов слов, например, личных местоимений «я», «ты», «вы».

Синонимом термина «язык науки» в обоих значениях является термин «подязык», очень распространившийся и столь же неудачный – благодаря ассоциациям с валидолом и частушками «под язык», т.е. без инструмента (англ. *sublanguage* см. *Sublanguage* 1982).

В последнее время в зарубежной науке язык науки как особая разновидность языка рассматривается как часть LSP (*Language for special purposes*). Дж. Сейгером он определяется следующим образом: «Специальные языки являются полуавтономными комплексными семиотическими системами, основанными на общем языке и производными от него, их использование предполагает специальное образование и ограничено коммуникацией между специалистами в одной и той же близких областях знания» (Sager 1981, 196). Л. Хоффман определяет LSP как множество лингвистических феноменов, встречающееся в определенной сфере коммуникации и ограниченное специфическими темами, интенциями, условиями (Hoffmann 1979).

В связи с основной целью – передавать специальные знания – LSP рассматривается как язык, ориентированный на экономию средств выражения; именно с этой точки зрения анализируются и лексические (терминология), и синтаксические средства профессиональных языков (Дрозд 1981; Sager 1981).

В своей программной статье Л. Хоффман отмечает, что существуют четыре типа анализа LSP: философский, стилистический, терминологический и статистический. Философский анализ ставит вопрос, является ли язык адекватным средством выражения научных идей. Жизнь показала, что естественный язык является незаменимым инструментом профессиональной мысли и что искусственные символические языки, составляя часть LSP, никогда не могут его заменить. Стилистический анализ, рассматривая LSP как стиль, описывает критерии функционального расслоения языка, однако, замечает Л. Хоффман, такие признаки научного стиля, как «точность», «объективность», «отсутствие экспрессии» выведены скорее из общих идей, чем на основании анализа реальных текстов. Терминологический анализ и развитие теории терминологии оказывают исследованию LSP неоценимую помощь, при этом нельзя отождествлять LSP и терминологию, последняя составляет только существенную часть лексического уровня LSP. Статистический анализ применяется по всем уровням LSP, но, как правило, пренебрегает семантикой. Только сочетание всех четырех типов анализа дает полное комплексное исследование LSP (Hoffmann 1979).

Центральным объектом исследования языка научных текстов является терминология. Она рассматривается в составе словаря языка науки, который состоит из нескольких слоев. Одной из задач исследования лексики языка науки является классификация специальной лексики — выделение в ней терминологии, номенклатуры, профессионализмов и изучение признаков выделенных классов слов и сложных взаимосвязей между ними (см.: Шелов 1984), дальнейшая классификация терминологии на общенаучную, межнаучную и частонаучную (Даниленко 1985) по аналогии с делением категорий наук (Готт, Семенюк, Урсул 1984). Интересным является вопрос, из чего складывается профессионализм научных текстов — очевидно, что это качество текста на лингвистическом уровне создается не только употреблением терминов, но и использованием слов обычного языка, употребленных «не в том смысле», опрофессионаленных. Именно последнее является индикатором текста профессионала в отличие от текста (речи) непрофессионала, знакомого только с терминологией, а не общими для данной науки принципами строения текста, включающего семантически трансформированные выражения естественного языка (см.: например, об изменении значении слов *idea* в научных текстах — Рейман 1976). Профессионализм текста создается также наличием особых спутников термина — его лексических партнеров — реализации его лексической сочетаемости типа синонимия богатая (а не большая), мощность множества, а не величина множества и т.д. (см.: Никитина 1978, с. 29).

Исследование непосредственных минимальных носителей научного знания — терминов производится на фоне общеязыковых проблем литературных языков, и главным вопросом здесь является отношение между термином и словом обиходного языка (их различие и сходство в семантике, морфологии, словообразовании, синтаксических моделях и функционировании), причем термины рассматриваются, пользуясь терминологией А. А. Реформаторский (1967), скорее не как логосы, а как лексисы. Так, например, была проведена серия исследований, сопоставляющих частоту употребления слов в тексте и их лексические характеристики: у терминологической лексики в области высоких частот замедляется рост полисемии, синонимии и увеличивается деривация или рост сложных слов; у нетерминологической лексики тенденция обратная (Королев, Корсакова, Сафонова 1984). Сюда же надо отнести проблемы терминообразования, терминологизации, детерминологизации, вопросы греко — латинских элементов в терминологии (см.: Васильева 1983) — все это составные части проблемы «термин и слово», или «термин как элемент естественного

языка».

Другой круг вопросов связан с проблемой «термин и текст». В настоящее время популярны задачи разграничения терминов языка и терминов речи (см.: Термины в языке и речи 1985), идея различения (в работах Лейчика) терминопорождающих, терминофиксирующих и терминоиспользующих текстов. В последние десятилетия научным текстом стала заниматься лингвистика текста: предметом исследования являются коммуникативная организация текста, проблема адресата (Славгородская 1981), структура содержания научного и технического текста (Новиков 1983).

Исследования языка науки как языки научных текстов имеют иногда историческую ориентированность, показывая, как возникает, развивается и сменяется во времени терминология в зависимости от развития соответствующих наук и общего стиля мышления эпохи (Ольшки 1933; Savory 1953; Кутина 1964, Денисов 1969; 1970).

Вторая, более узкая интерпретация понятия «язык науки 2» связана с пониманием его как знаковой системы, состоящей из специального словаря и специального синтаксиса, причем каждый элемент этой системы соответствует элементу конкретно-научного знания (язык науки 2б). Как писал Ш. Балли, «научный язык совпадает с понятийно-логическим языком» (Балли 161, 144). Такая интерпретация языка науки, прежде всего, связана с понятиями «язык химии», «язык математики», т.е. с выработанными в разных науках искусственными символическими языками. В семиотическом плане они являются и лексика, и синтаксис; как отмечают З. М. Зорин и М. И. Черемисина (1971), в математических языках различаются символы первого и второго рода; первые замещают понятийные объекты, вторые фиксируют синтаксические единицы, т.е. типы операций.

Такие языки входят в научный текст, составляя тем самым часть языка науки 2а и делая его естественно-искусственным образованием, «креолизированным» языком по выражению В. В. Иванова (Иванов 1961).

Кроме символических языков, к языку науки 2б относится язык любой науки, словарь которого ограничен терминологией; здесь тоже каждый элемент словаря соответствует элементу специального знания. Что же касается синтаксиса, вопрос о единицах для такого языка далеко не прост. Рассмотрим более подробно лексику и синтаксис языка науки 2б.

Будем считать, согласно наиболее распространенному мнению, что термин — знак специальной семиотической системы, обладающей номинативно-дефинитивной функцией. Номинативной потому, что термин именуется, обозначает целый сложный

смысловой фрагмент из общей построенной системы интенционалов (смыслов); дефинитивной — потому, что замещает дефиницию, состоящую в эксплицитном или имплицитном виде из целого ряда высказываний, и подразумевает эту дефиницию в своем употреблении, являясь по отношению к ней вторичным образованием. В этом смысле отношение пары дефиниция — термин прямо противоположно отношению пары слово — дефиниция. Именно эта разная направленность обуславливает различие в терминологической и лексикологической деятельности. Как пишет Г. Рондо (1981), первая ономаσιологична (наименование исследуется с точки зрения понятия), а вторая — семасиологична: исследование идет от формы к семантике слова.

Как идеальный объект нашего рассуждения термин можно назвать именем дефиниции. В деятельностном аспекте — в самом научном творчестве и научной коммуникации — специфика терминологии состоит в осознанности смысла знаков языка науки, т.е. в способности говорящего эксплицировать дефиницию употребленного термина. Приведенное В. В. Налимовым высказывание Б. Рассела: «В утверждении, что человек, правильно употребляющий слово, должен уметь раскрыть его значение, не больше логики, чем в утверждении, что правильно движущиеся планеты должны знать законы Кеплера» (Налимов 1979, 18), которое с некоторыми оговорками может быть применимо к употреблению слов обыденного языка его нерелевантными носителями, неприемлемо в приложении к языку науки (разумеется, мы отбрасываем как аномалию те случаи, когда в научных текстах употребляются термины, смысла которых авторы текста не знают, а также понимаем под дефиницией самые разные ее типы, иногда очень далекие от словарного определения).

В связи с этим заметим, что в области гуманитарных наук термины часто не имеют точных дефиниций, однако принципиальное отличие терминов от обычных слов состоит в том, что они именуют сознательно созданный элемент специального знания.

Правда, здесь надо сделать следующее замечание: внутренний словарь авторов научных текстов, по-видимому, делится на два слоя. Один слой — те термины, с которыми ученый работает, это элементы его проблематики; здесь необходима полная осознанность и определенность употребления терминов. Второй слой — фоновый, это термины, без которых невозможно обойтись, создавая научный текст, но они не находятся в фокусе внимания автора; их использование до некоторой степени сходно с употреблением слов обиходного языка.

Разумеется, первичность дефиниции не мешает в дальнейшем установлению

обратной связи между термином и дефиницией. Удачно выбранный термин своей внутренней формой и проистекающей отсюда особенностью употребления может заставить пересмотреть и уточнить дефиницию, по-иному «разрезать» смысловую структуру знания.

Термин по своему генезису в семантическом плане — это гомункулус, рожденный не естественным, а искусственным образом. Его дальнейшая жизнь зависит от того, останется ли он в насыщенном растворе «материнской» концепции или пойдет гулять по зданию науки, попадая в научный «обиход», где потеряет однозначную чистоту связей и обрстет «расхожими» партнерами по науке. Может быть, выйдет за пределы науки в пространство общелитературного языка, где, смешавшись с толпой обычных бытовых слов, полностью потеряет свою строгость и определенность, свою дефиниционную предназначенность, свою когнитивную эвристическую функцию, о которой А. Пуанкаре писал: «Свое значение он (факт — С.Н.) приобретает лишь с того дня, когда более пронизательный мыслитель подметит сходство, которое он извлекает на свет и символически обозначает тем или другим термином» (Пуанкаре 1983, 300). И далее, о терминах «группа» и «инвариант»: «Эти слова позволили нам проникнуть в сущность многих математических рассуждений... Благодаря этим словам — группа, изоморфизм, - резюмирующим в нескольких словах этот трудно уловимый закон и делающим его сразу для всех знакомым, переход от одной группы к другой совершается с большой экономией в работе мысли» (Там же, 301).

Из других часто упоминаемых качеств термина — однозначности, стилистической нейтральности, точности и системности — остановимся подробнее только на последнем свойстве, поскольку однозначность — это свойство идеального термина, а не реальной единицы научного «обихода»; нейтральность — его качество как элемента знания, а точность как определенность смысловых границ свойственна далеко не всем научным терминологиям по самой природе предметного знания (см., например, о количественной мягкости лингвистической терминологии: Шелов, 1982б).

Системность термина - «отраженный» признак системности знания, элементом которого термин является, следствие того, что термин «вырезал» себе фрагмент из общего смыслового единства — системы, а фрагмент этот — дефиниция — в своем тексте несет через другие термины указание на системность знания. Однако системность термина не ограничивается связями, выраженными в дефиниции. Последняя лишь отграничивает один термин от других, реализует в словесной форме интенционал, который, в свою очередь, задает экстенционал термина. Но значение

термина как «места» в теории, как имени элемента знания проявляется в совокупности всех его системных связей с другими терминами, выясняемых на основании употребления термина в научных теоретических текстах. Тем самым, материала дефиниции явно не достаточно для установления всех системных связей термина. К этому утверждению мы еще вернемся, когда будем говорить о структуре и функциях тезауруса.

Если термины являются сознательно созданными именами сгустков смысла, иногда, по выражению Н. Н. Налимова, «кодирующими целую концепцию» (Налимов 1979, 129) и могут быть свертками множества синонимичных высказываний, то единицы синтаксиса, соответствующие такого типа лексике, должны столь же концентрировано и однозначно выражать регулярные семантические отношения. Для символических языков, например, языка математических формул, такой синтаксис создан. В научных словесных текстах мы пользуемся синтаксисом естественного языка с некоторыми особенностями и ограничениями, налагаемыми целевыми установками авторов и общими регуляторами стиля. Синтагматические семантические связи между терминами не даны нам непосредственно, они заключены в словах — служебных и знаменательных — и, может быть, даже в целых конструкциях, которые связывают термины между собой. Итак, если термины — элементы поверхностного текста и в этом смысле нам даны (другой вопрос, как отличить термин от нетермина, определить его границу, т.е. вопрос, как расставить скобки в тексте, выделяющие термин), то синтаксис научного языка надо строить. Описание языка науки 2б должно, по нашему мнению, представлять для каждой конкретной науки структуры ее терминосистем, их связей и их переходов внутри общей совокупности терминов этой науки, описание, семантики, синтактики и прагматики (если таковая есть) отдельных терминов, а также описание набора семантических предикатов, регулярно связывающих термины в научных текстах. Кроме набора логических связок (конъюнкции, дизъюнкции, импликации и отрицания), синтаксис языка конкретных наук включает в себя такие общие для всех отраслей знания семантические отношения, как отношение принадлежности, предназначенности, отношение между процессом/операцией и его объектами и т.д.; причем функциональная нагрузка каждого такого отношения для текстов разных отраслей знания будет различной; кроме того, для текстов каждой конкретной науки могут быть обнаружены свои специфические предикаты (см.: Денисов 1970, 76 — 87, Рубашкин 1973).

Способы обнаружения и представления таких единиц семантического

синтаксиса языка науки 2б дают нам многочисленные исследования в области информационных языков, где для целей описания содержания текстов документа и запроса разрабатываются не только специальные словари, но и специальные грамматики. Можно считать, что если упорядоченная терминосистема может служить одновременно лексикой информационно-поискового языка (ИПЯ) (Кобрин 1971), то синтаксис языка науки 2б и грамматика ИПЯ, построенные для соответствующих областей знания, также могут оказаться весьма сходными.

Тем самым задача описания языка науки 2б становится очень близкой задачам разработки информационных языков и может вестись теми же методами и приемами, однако без жестких прагматических ограничений, накладываемых целями построения информационных систем. Описывая структуру языка науки 2б, мы как бы строим энциклопедическую модель, а затем редуцируем ее до информационной (о соотношении энциклопедической и информационной моделей см.: Герд 1982).

Заметим, что грамматика языка науки 2б, представленная как система предикатов, подобных перечисленным выше, принципиально отлична от грамматики естественного языка в следующем отношении. Последняя способна порождать бесконечное количество грамматически правильных, а при наложении семантических ограничений — семантически осмысленных предложений. Для предложений языка науки, прежде всего, существен признак истинности, который проверяется иным способом, чем семантическая осмысленность предложений естественного языка. Мы можем скомбинировать произвольным образом элементы словаря и элементы синтаксиса в языке науки по правилам любого естественного языка, но мы никак не можем утверждать, что полученное предложение есть предложение языка науки.

Очевидно, что разделение на язык науки 2а и язык науки 2б весьма условно: язык науки 2б — это глубинная структура и одновременно экстракт языка научных текстов; любое теоретическое исследование терминологии неизбежно связывает этих два понимания языка науки (например, Канделаки 1977).

Так, если рассматривать термин в системе слов и системе понятий, то естественна попытка установления корреляций между лексисом и логосом термина, например, между семантической структурой дефиниции (внутренней моделью) и внешней моделью управлению слова-термина, между предметными связями термина и его словообразовательными возможностями, между дефиницией и наименованием и т.д.

Рассматривая лингвистические аспекты языка науки в плане выделения

значений термина «язык науки», мы не могли даже бегло перечислить все проблемы, с этим связанные. Нам важно было показать только различие между философским и лингвистическим пониманием языка науки. Может возникнуть вопрос: не слишком ли сходны язык науки 1б и 2б? Действительно, сходство есть, особенно в лексике; однако язык 1б — это формальный логический язык по своему происхождению, язык науки 2б — некоторый экстракт, так было сказано, языка научных текстов, который может быть (а может и не быть) формализован. Если в логико-философской интерпретации языка науки как формальной системы главным является изучение взаимосвязи знак — знание, то в лингвистике наиболее существенны вопросы структуры и функционирования языка, где связаны логос и лексис термина, семантический глубинный синтаксис языка науки и семантические отношения в синтаксисе общелитературного языка.

§2. Общие и специфические признаки научно-технических заглавий.

Ю. В. Рождественский, рассматривая современные теории текста, предупреждал о необходимости накопления некоторой информации об этом явлении, ибо, как отмечает ученый, “преждевременная дефиниция суживает рамки предмета (Ю. В. Рождественский, 1979, 16). Там же автор высказывает весьма существенную мысль о том, что тексты, находящиеся в разных сферах, представляют собой принципиально разные структуры, несмотря на то, что они могут объединяться однородными элементами в сознании человека, например, словами и синтаксическими конструкциями” (Ю. В. Рождественский, 1979, 16). В этой связи возникает вопрос о правомерности универсального подхода к заглавию, ибо последние репрезентируют порой типологически совершенно разные типы текстов. Интересно, что в лингвистике есть попытки разграничить заглавия научных текстов и заголовки, а также выделить отдельно названия художественных текстов. С другой стороны, есть многочисленные факты недифференцированного использования названных терминов, обусловленные, по мнению авторов, универсальностью заголовочного феномена*.

Как известно, современный этап в развитии языкознания характеризуется стремлением к созданию функциональной модели языка, при этом отмечается, что “Проблема общей... системы языка, т.е. такое описание его структуры, которое включало бы все его разновидности, варианты, диалекты, остается до сих пор практически не разрешенной (О. С. Ахманова, 1966, 18). Как замечает по этому поводу В. В. Раскин “Язык не един, а расслаивается на множество подязыков или языковых подсистем” (В. В. Раскин, 1971, 383). Практические попытки построения общей системы языка трансформировались в теоретический вывод о том, что “представлению о языке как о монолитной гомогенной системе следует противопоставить его понимание как совокупности частично пересекающихся, относительно самовладеющих, законченных микросистем, обладающих всеми признаками языка за исключением признака универсальной применимости” (Ю. М. Скребнев, 1961,45).

Результатом активизации работы в указанном направлении стало утверждение о том, что определение форм существования языка требует описания его разновидностей с целью изучения языковой подсистемы, поскольку задача выделения инвариантных свойств языка не выполнима без анализа вариантных систем, в формах которых он функционирует. Как убедительно доказал Н. С. Трубецкой, единицы не только в узком, но и в широком смысле этого термина, существуют только в своих

вариантах (Н. С. Трубецкой, 1960, 372). Следовательно, выдвигается задача установить типы последних и указать факторы, которые их вызывают. По мнению Н. Д. Андреева, отправным моментом работы в этом плане может быть принят взгляд на язык как на орудие коммуникации, предполагающий наличие “гомоморфизма между внутренним строением языка и внутренней организацией системы речи” (Н. Д. Андреев, 1967, 403), когда подсистемные характеристики структуры языка устанавливаются по данным речи в соответствии с мыслью о том, что “социальные факторы направляют действие социальной нормы употребления языка и приводят к образованию его разновидностей” (Э. Косериу, 1963, 6).

В настоящей работе преследуется цель исследовать язык в одном из своеобразных своих проявлений научно-технических заглавиях, специфика которых при этом ставится в причинную зависимость от функционально-коммуникативных факторов акта общения. Решение вопроса связано с широкой проблематикой неоднородности языка и научно-технического стиля как его особой области, что позволяет конкретизировать понятие функциональной неоднородности и высказать утверждение о том, что разные сферы дальности обслуживаются разными подсистемами языка. С другой стороны необходимо отметить, что социальные факторы не подменяют внутренних закономерностей языка, обеспечивающих способность языка быть всеобщим средством общения, а лишь диапазон функциональной варьированности его структуры в зависимости от сферы и целей коммуникации. Функционирование языка при этом зависит, как полагает Н. Д. Андреев, от следующей системы диалектичных противоречивых его характеристик:

1. Язык одновременно оказывается синхронно стабильным и диахронно изменчивым;
2. Язык одновременно выступает как социально обусловленная система и как индивидуально варьируемое отклонение от нее;
3. Язык одновременно характеризуется структурной упорядоченностью своих единиц и вероятностной неопределенностью их выбора;
4. Язык одновременно обладает синтагматически однозначными составными единицами и парадигматической многозначностью его компонентов (Н. Д. Андреев, 1976, 58).

Мнение относительно места “научно-технических” заглавий по отношению к общей системе языка не нашли должного развития в лингвистической литературе. В этой связи гораздо большее внимание уделялось газетным заглавиям, которые

квалифицировались то, как составная часть публицистического стиля (Вейхман), то, как язык, жаргон, диалект, или как бы это не называлось, нечто сугубо специфическое (Г. Штрауман).

С другой стороны, рассмотрению заглавий научно-технических текстов как особого явления препятствовали в значительной мере технические причины, ибо, как отмечает И. Р. Гальперин: “До настоящего времени выделение стилей речи основывается на интуиции, которая настойчиво подсказывает наличие дифференцирующих признаков каждого стиля. Но все попытки выделить эти признаки пока не увенчались успехом” (И. Р. Гальперин, 1968, 71).

Рассмотрение проблемы соотношения совокупности научно-технических заглавий и общей системы национального языка позволяет отметить, что идея о функциональной неоднородности последнего имплицитно также в учении о территориальных и социальных диалектах, профессиональных языках, языках речевых общностей и идиолектах, регистрах, запросных и информологических языках. Толчком к эксплицитному выражению данной мысли, как известно, послужили нужды прикладной лингвистики. Развитие науки и техники поставило задачу автоматической обработки речевой информации, а последующая практика показала, что на современном этапе возможен охват ею лишь узких фрагментов языка и тогда определились практические задачи их выделения и описания. Таким образом, от отдельных высказываний о функциональном расщеплении языка исследователи перешли к конкретному описанию частных его подсистем (В. В. Раскин, 1971, 1969).

Как известно, именно в недрах прикладной лингвистики родился термин “подъязык”, под которым понимается набор языковых элементов и их отношений в текстах с однородной тематикой. Развитие языкознания обусловило расширение сферы его применения для обозначения различных подсистем общенационального языка. В этом применении термина “подъязык” языковеды сходятся в определении онтологической сущности его как средства общения членов некоторой языковой общности в определенной сфере общения без ограничения, связанного с однородной тематикой (Ю. М. Скребнев, 1971).

Тем не менее, некоторая степень фразеологизации его значения в сочетаниях типа “подъязык химии, электроники, астрономии” и т.п. вызывает справедливые возражения против использования термина “подъязык”. В данной работе мы придерживаемся точки зрения В. В. Виноградова о том, что понимание функционального стиля как разновидности языка спорно. Как отмечает автор,

“определение стилей как разновидностей языка, как частной системы внутри общей системы языка, побуждает представлять их по образу и подобию языковой системы” (В. В. Виноградов, 1955, 26). Подобное мнение о неправомерности отождествления стиля и языка как средства общения можно найти и в работе И. В. Арнольд, выделившей два типа информации. Первый – связывается с интеллектуально-коммуникативным функционированием языка, а второй со всеми дополнительными значениями эмотивными, волюнтаривными, аппелятивными, контактоустанавливающими, эстетическими. По мнению исследователя, функциональная неоднородность языка проявляется, с одной стороны, в аллосистемной реализации общенационального русского национального языка, а с другой - в коннотационной характеристике его функциональных аллосистем. Говоря иначе, язык используется как средство общения в форме функциональных алловариантных систем, обладающих определенной коннотационной соотнесенностью с функциональным стилем. Эти понятия не синонимные, а соотносительные. Функциональная аллосистема определяется структурой языковых средств в той или иной сфере общения, а стиль - мерой соответствия набора языковых средств заданной цели общения (И. В. Арнольд, 1979).

При определении места совокупности научно-технических заглавий по отношению к общей системе национального языка нами исследуется план коммуникативно-вариативной дифференциации последнего. При этом определяется диапазон варьированности общезыковых средств с целью выделения основного звена, обуславливающего функциональную вариативность языковой системы в данной сфере ее применения. Характеристика общенационального языка посредством описания дифференциальных признаков его алловариантов в конечном итоге должна привести к описанию всех функциональных реализаций его инвариантной системы. В образовании цельных функциональных разновидностей общенационального языка проявляется, как известно, творческий его характер, зависящий от функционально-коммуникативных факторов акта общения. Заглавия научно-технических текстов, являются соответствующим репрезентантом научно-технического текста со всеми вытекающими из этого последствиями. Кратко охарактеризуем научно-технический текст, а затем отношение к нему научно-технического заглавия. Как известно, сфера научного общения является наиболее консервативной с точки зрения стремления наиболее точно, логично, однозначно выразить мысль. Как отмечает М. Н. Кожина, “Главнейшей формой мышления в области науки оказывается понятие, а языковое воплощение динамики мышления выражается в суждениях и умозаключениях, следующих одно за

другим в строгой логической последовательности. Мысль здесь строго аргументирована, ход логических рассуждений особо акцентируется. Анализ и синтез тесно взаимосвязаны, и первый, собственно, необходим для получения второго, ибо назначение науки – вскрывать закономерности. Отсюда обобщенный и абстрагированный характер мышления... Самыми общими специфическими чертами научного стиля, вытекающими из абстрактности понятийности и строгой логичности мышления, является отвлеченная обобщенность и подчеркнутая логичность изложения. Они определяют в свою очередь более частые вторичные стилевые черты, а также специфику речевой системности научного стиля, значения и стилевые окраски употребительных здесь языковых единиц и, кроме того, их частотность. Весьма типичным для научной речи (но не первичными, а производными) являются смысловая точность (однозначность), безобразность, скрытая эмоциональность, объективность изложения, некоторая сухость и строгость его, не исключающее, однако, своеобразной экспрессивности. Степень проявления этих черт может колебаться в зависимости от жанра, темы, формы и ситуации общения, авторской индивидуальности и других фактов” (М. Н. Кожина, 1977, 160).

Характеризуя по языковым уровням специфику научного стиля, М. Н. Кожина среди прочих явлений отмечает преобладание сложных предложений над простыми, использование развернутых распространенных предложений, наличие специальных типов сложных предложений, по форме временных (с союзными словами “в то время как” и др.) и условных (“если ... то”), но употребляемых не для выражения времени и условия, а для сопоставления частей предложения, подчеркивается также существование развернутой сети союзов и отыменных предлогов (особенно для выражения синтаксических отношений): “в связи с тем что”, “в виду того что”, “вследствие”, “за исключением”. Констатируется широкое употребление причастных и деепричастных оборотов, а также страдательных конструкций. Одной из важнейших черт научной речи М. Н. Кожина считает именно характер (по сравнению с художественной, разговорно-бытовой и публицистическими жанрами), что выражается и в общем преобладании имен (в частности, существительных) над глаголами, и в широкоупотребительном качественном значении глаголов, и большом числе разного рода отглагольных оборотов и слов. Особо подчеркивается тот факт, что в научном стиле почти исключительно используются повествовательные предложения, а вопросительные выступают лишь в функции сосредоточения внимания читателя на каком-либо вопросе; отсюда однообразие предложений по цели высказывания (М. Н.

Кожина, 1977, 170).

Не останавливаясь на более частных признаках научных текстов, отметим, что они, говоря словами Кейса, выражают “честную коммуникацию”, когда адресант не только не стремится дезориентировать и обмануть адресата, а, наоборот, пытается добиться от него взаимопонимания”(D. Case, 1974, 11).

Заглавия научно-технических текстов, будучи структурным элементом последних, с одной стороны, и смысловым репрезентантом - с другой, в отличие от газетных и художественных названий, наиболее консервативны. Если в последних наличие четкой однозначной информации не обязательно, то в заглавиях научно-технических текстов она просто необходима. Одним из следствий этого следует считать широкое распространение составных заголовочных конструкций, в которых вторая часть содержит дополнительную информацию. Однако, под влиянием заглавий газетной и художественных текстов появляется тенденция рекламирования научной продукции, что отражается в заимствовании методики привлечения внимания, характерно для указанных стилей, в частности, приема затушевывания смысла, побуждающий обратиться за поиском разъяснения непосредственно к тексту, используются также другие методы. Так, например, М. И. Некрасова, исследовавшая вопрос об информативности заглавий научных работ по медицине и биологии, приходит к выводу, что лишь 50-70 % заглавий отражает содержание научной публикации точно и однозначно (Некрасова, 1975, 3-7). С другой стороны, интересно сопоставить эти данные с исследованием Дж. Гоша, согласно которому информативность заглавий в текстах информатики лишь на 80 % отражает тематику соответствующих текстов (Дж. Гош, 1974, 83 - 86).

Естественно предположить, что заглавие научно-технического текста, будучи репрезентантом соответствующего текста, все-таки остается заглавием, что проявляется в возможном влиянии “заголовочной моды”, исходящей из других “заголовочных стилей”. С целью проверки правомерности универсального характера заглавий попытаемся еще раз рассмотреть основные категориальные признаки этого явления и на этом фоне сделать вывод о правомерности объединения в одну группу заглавий научных текстов, газетных заголовков, названий художественных произведений и т.д.

Первым и наиболее важным признаком заглавия мы считаем его связь с соответствующим текстом. Как было отмечено в первой главе, заглавие в отличие от других элементов системы указателей является смысловым репрезентантом текста и

имеет языковую форму. Как показывает исследование, заглавие всегда отражает один из аспектов идейно-тематической сущности произведения. Именно это качество является универсальным и для заглавий научных текстов и для газетных заголовков и для названий художественных произведений. Универсальной чертой всех поставляемых типов является также возможность замещать соответствующий текст в роли знакового репрезентанта, что еще раз подчеркивает категориальную сущность рассматриваемого явления. Два вышеуказанных универсальных признака во многом определяют своеобразие плана выражения заглавий, заголовков и названий произведений, которые в принципиальном плане друг от друга не отличаются - ни по характеру связи с текстом, ни по характеру их репрезентации в поисковых системах. Но, несмотря на то, что и являются инвариантами одного явления, они имеют некоторую специфику, связанную с типом озаглавливаемого текста. Как известно, наблюдается постоянная борьба заголовочных функций, которые имеют различные тенденции в плане выражения. Так, например, для научно-технических заглавий характерно стремление к максимально точной передаче информации, что, соответственно, подтверждается и проведенными подсчетами длины заглавий различных стилей (Ломбард А., 1930, 62).

Газетные заглавия ориентированы в первую очередь на привлечение внимания читателя, информирование последнего в данном случае не является первоочередной задачей. Что касается заглавий художественных текстов, то в зависимости от авторской интенции (в отличие от информационной однодневки - газетной статьи, которая в силу ей малой типологической престижности как правило вторично читаться не будет, художественное произведение имеет претензии более длительного существования, что вынуждает писателей отказаться от рекламных, но малоинформативных заглавий) может ретироваться то номинативная, то информативно-коммуникативная, то рекламно-установочная сторона, что делает заглавия художественных произведений весьма неоднородными, а эстетически наиболее привлекательными, чему, видимо способствует и эстетичность самого озаглавливаемого текста. Таким образом, следует сказать, что заглавия научно-технических, художественных и газетных текстов в категориальном плане не отмечаются друг от друга. Некоторые различия, имеющиеся в структурном инвентаре, связаны как с различием в характере озаглавливаемого текста, так и со спецификой восприятия указанных единиц в процессе их функционирования.

Во второй главе мы определили основы классификации заголовочных текстов и представили все основные структурные модели, которые нам удалось обнаружить.

Следует отметить, что при выделении структурных моделей мы анализировали заглавия всех стилей: научно-технического, газетного, художественного и т.д., с целью последующего сопоставления с указанными структурами, конкретных функциональных типов. Исследование показало, научно-технические заглавия отличаются от “общезаголовочных структур” своей специфической частотностью функционирования той или иной модели, а также некоторыми специфическими конструкциями. Рассмотрим вышеуказанные структурные типы заглавий на фоне научно-технических заголовков. Как отмечалось выше, с точки зрения структурного выражения заглавия подразделяются на простые, составные и сложные типы. Простые заглавия были представлены различными типами: двусоставными, односоставными, цельносоставными типами. Интересно, что научно-технические заглавия подтверждают известное высказывание Г. О. Винокура о том, что это безглагольный жанр, ибо фактически очень редко в заглавиях подобного типа встречаются структурные модели, оформленные как предложения. То же самое можно сказать и об односоставных глагольных предложениях, фактически почти не представленных. С другой стороны, широкое распространение получают конструкции с номинативом в организующей роли, а также конструкции цельносоставного типа - с полированными словоформами, соотносительными с адвербиальными или объективными значениями и т. д. Сопоставление заглавий научно-технической литературы с “общезаголовочными” структурами дает возможность убедиться в том, что первые имеют несколько специфических типов. Так, например, конструкция, состоящая из “одного главного члена, представленная конструкцией с союзом “как” в роли союза (функции), вводящая приложение к главному члену”, как справедливо отмечает Р. С. Иткина, характерная примета научно-технического заголовка (Р. С. Иткина, 1965, 27). Конструкции подобного рода не обнаружены в функции заглавий художественных и публицистических произведений, а также среди газетных заголовков. Таковыми для английского языка являются конструкции с “as” (“Atrocity as a function of lynch mob composition”, “Friends as fiduciaries”).

Относительно закрытыми моделями следует считать лексически ограниченные номинативные и цельносоставные конструкции, в которых в роли стержневого слова выступают слова “вопросы”, “проблемы”, “заметки”, “замечания”, “материалы”, “исследования”, “данные”, “несколько замечаний” и их английские аналоги “Problems” (форма “questions” в заголовочной позиции фактически малохарактерна для английского заглавия) “A Study”, “Observes”, “Explorations”, “The principles of”,

“Materials on” и др., что преимущественно характерно для научно-технических заглавий. Среди простых заголовочных конструкций наиболее популярны конструкции с объектными значениями, организованные по модели “О+П.п.”, “К+Д.п”. Характеризуя подобные конструкции, ученые высказывают различные мнения. Если В. М. Ронгинский определяет их как неполные предложения, состоящие из одного дополнения, выраженного существительным в форме косвенного падежа, а также зависимых от этого дополнения слов (В. М. Ронгинский, 1963, 128), то С. Г. Ильенко конструкции с предлогом “о” относит к ситуативно-контекстно обусловленным неполным предложениям, структурную основу которых составляют объектные члены. В свою очередь, А. С. Попов полагает, что данные конструкции неполные объектного типа и они “осколочны” лишь генетически (А. С. Попов, 1966, 103-104). Выше мы уже определили свое мнение по поводу данных конструкций, которые являются типичными характерными для заголовочной системы, в пределах которого можно говорить лишь о нормативном его характере. С точки зрения специфики научно-технических заглавий особо следует подчеркнуть значение конструкции «к + Д.п» (“к вопросу о”; “к проблеме”) в настоящее время заголовочные модели всех стилей. В данном случае специфику заглавий научно-технических текстов, составляет отсутствие или малая или большая продуктивность той или иной модели: “К вопросу о предпосылках возникновения ложного коммуникативного комфорта, обусловленных личностными особенностями коммуникантов”. – “To the question of preconditions of false communicative comfort occurrence, caused by communicator personal features”; “К вопросу об исследовании концепта «внешность»”. – “To the problem of researching the concept “appearance””; “К вопросу о границах валидности термина: взгляд на «картину мира»”. - “To the problem of the validity limits of the term: A look at the picture of the world”; “К вопросу о служебных компонентах структуры лексического значения”. — “To the problem of the auxiliary components of the structure of lexical meaning”; “К вопросу о логической аргументации в художественном контексте”. – To the question about logic argumentation in artistic context”; “К вопросу об основаниях классификации риторических аргументов”. — “To the problems of the basis of the classification of rhetorical arguments”.

В английских научно-технических заглавиях специфичны конструкции с форматами “on”, а также комбинации лексических единиц “Pattern”, “The Attribution”, “The influence”, “The impact”, “The effect” с форматом “of”, что не характерно для заглавий других стилей: “The role of the gut flora in health and disease, and its modification

as therapy”; “The Aims of Butler’s Satire in Hudibras”, “The Making of an Elegy: Yeats’s “In Memory of Major Robert Gregory”; “Problems of Authorship in Elizabethan Dramatic Literature”; “The neglect of correlation in allocation decisions”; “The evolution of verbal behavior in children”.

В плане отсутствия следует обратить внимание на отсутствие модели с двоеточием. Как известно, модель с двоеточием, появившаяся впервые во французских газетных заголовках, постепенно интернационализировалась и стала достоянием заголовочной системы многих языков, в том числе и русского. Интересно, что, несмотря на большую популярность и продуктивность указанной модели в газетных заголовках, в заглавиях научно-технических текстов ее обнаружить не удалось. Видимо, причиной является некоторая двусмысленность подобной конструкции, что играет положительную роль в газетных заглавиях, привлекая подобной двусмысленностью внимание читателей, ищущих разъяснения в самом тексте. С другой стороны само понятие двусмысленности чуждо научно-техническим заглавиям, ибо, являясь репрезентантом научных текстов, они должны однозначно, точно выразить основное содержание озаглавливаемой статьи, что соответствует природе указанной разновидности текстов.

Иную картину мы наблюдаем в английских научно-технических заглавиях, где подобные конструкции мы встречаем сплошь и рядом. Как было отмечено в предыдущей главе, вместо точки в русских составных заглавиях англичане используют двоеточие. В этом плане научно-технические заглавия английского языка, возможно, более часто используют двоеточие, чем другие жанры, за исключением газетных заголовков.

В отличие от заглавий других функциональных типов текстов - газетных заголовков, названий художественных произведений - заглавия научно-технических произведений обнаруживают, как и ожидалось, стремление к максимальной точности, что проявляется в большом удельном весе составных заглавий в этой роли. Характерная черта научно-технических заглавий подобного типа - объединение в сложное синтаксическое целое основной и дополнительной информации.

Как отмечалось выше, наименее популярны среди заголовочных типов сложные заголовочные конструкции. Непопулярность последних связана, в первую очередь, с природой заголовочной системы, с его особенностью как исконно безглагольного речевого жанра. С другой стороны, не менее важную роль играет тот факт, что, как показали экспериментальные исследования, оптимальной длиной

заглавий считается два или три знака. Что касается сложного предложения в этой роли, то оно в этом плане весьма далеко от идеала. Как мы полагаем, процессы синтаксической аббревиации, результатом которых явилось усечение той или иной части сложных предложений, в первую очередь связаны с попыткой приспособить заглавия к вышеуказанному стандарту и сделать удобообращаемым. С другой стороны, если бы действовала только одна тенденция, то невозможно было бы решить проблему информирования читателя, ибо ему нужен не только знак, позволяющий отличить одно произведение от другого, но и специальный семантический ориентир, помогающий ему связать этот знак с содержанием озаглавливаемого текста. Необходимость в этом вызывает к жизни другую тенденцию, тенденцию к максимальной точности информации. Результатом борьбы указанных противоречивых тенденций является появление конструкций, освобожденных от избыточной информации, носителем которой может быть, говоря традиционной терминологией, даже главная часть сложноподчиненных предложений. Заглавия научно-технических текстов, несмотря на предполагаемую популярность сложных предложений, которые по всеобщему мнению в информативном плане наиболее насыщены, что и является одной из наиболее важных особенностей научного стиля, тем не менее, фактически не содержат “полных” сложных (сложносочиненных и сложноподчиненных) предложений. В отличие от газетных и художественных текстов относительно меньшее место занимают “осколочные” сложные предложения, представленные изолированными придаточными предложениями. Таким образом, можно сказать, что, как показало исследование, в отличие от заглавий других функциональных типов текстов, в структурном отношении научно-технические заголовки не отличаются большим структурным многообразием и полностью укладываются в типологию заголовочных конструкций, приведенную во второй главе. В данной главе научно-технические заглавия противопоставляются заглавиям художественных текстов и газетным заглавиям, что дает возможность выявить общезаголовочные черты и определить индивидуально специфические признаки отдельных заголовочных “подстилей”.

Подведем некоторые итоги:

1. Заглавия научно-технических текстов тесным образом связаны с ними и реализуют тенденцию максимально точно и однозначно выразить соответствующую информацию.
2. В научно-технических заглавиях на передний план выдвигается информативная функция, результатом чего является отсутствие осколочных структур,

характерных для других жанров, ориентированных на привлечение внимания.

3. Относительное немногообразие заголовочных моделей научно-технических текстов говорит о соответствии основной направленности в системе научно-технического стиля - консервативности и однозначности. Отсюда наличие специфических для них квалифицирующих элементов: “The effect on...”, “The attribution of...”, “Pattern of...”, “Report on...”, “The role of...”.

4. Специфически конструкциями научно-технических заглавий следует считать и модели с “к (вопросу) “о” в русском, “on”- в английском, а также конструкции с “как” и “as” (в определительной функции) в обоих языках.

Мы попытались описать структурно-функциональные типы русских и английских научно-технических заглавий в параллельном режиме, выявив специфику их плана выражения, обусловленную соответствующими языковыми стихиями. Это даёт нам возможность сопоставить данные явления с точки зрения переводоведческой эквивалентности и определить наличие-отсутствие закономерных соответствий.

§3. Основные тенденции перевода английских научно-технических заглавий на русский язык.

Проблему перевода научно-технических заглавий следует увязать с двумя проблемами – с общей проблемой перевода научно-технической литературы – и с частной проблемой специфики заглавий научно-технических текстов на фоне однотипных явлений.

Вопреки распространённому мнению, что технический перевод составляет единое гомогенное целое, позволим себе заметить, что между текстами, описывающими различное производственное оборудование, и текстами, например, политического характера, затрагивающими практически все области человеческой деятельности и органически сливающимися с областью художественной литературы, существует принципиальная разница, что позволяет говорить о некоторой размытости границ концепта “научно-технический текст”. Тем не менее, можно говорить, что технический перевод является видом языковой деятельности, используемым для обмена специальной научно-технической информацией между людьми, говорящими на разных языках.

Как известно, технический перевод охватывает несколько форм или способов обработки оригинала переводчиком.

Как известно, наука и техника настолько бурно развиваются, что узкая специализация для научных работников становится нормой. Это распространяется и на технических переводчиков, специализирующихся в какой-либо одной отрасли науки. В отличие от переводчиков художественной литературы, “технический переводчик” должен иметь активный словарный запас, ибо умение пользоваться рабочим источником информации – самое главное в специальности технического переводчика. Таким образом, следует подчеркнуть, что для осуществления технического перевода, помимо знания обоих языков, необходимо уметь пользоваться рабочим источником информации; знать специфику различных видов технического перевода; обладать терминологическим минимумом.

Несмотря на типологическую неоднородность научно-технических текстов, их интегральной характеристикой является стремление к точности и однозначности выражения, что обеспечивается терминологическим аппаратом, отсутствием разного рода стилистических фигур, строгой логической обусловленностью развертывания текстового содержания.

Подобные же требования предъявляются и к заглавиям текстов научно-технических сочинений. Следствием данного требования является информативная направленность, регулирующая план выражения заглавий.

Говоря о заглавии как об универсальном явлении, в первую очередь следует отметить тенденцию к безглагольности, что значительно облегчает проблему поиска эквивалентных единиц в переводящем языке, однако, различия могут проявляться и при сопоставлении даже однословных номинативов. Так, например, “Репортаж” переведено как “Newspaper Reporting”, ибо для английского читателя большое значение имеет знание типа репортажа (см. также перевод “Разоружение” как “Reduce armaments”).

Несмотря на некоторые случаи несовпадения, в подавляющем большинстве случаев однословные названия технических заглавий переводятся однословными эквивалентами.

Среди комбинаций, в основе которых лежит номинатив, наиболее популярными являются конструкции типа “Atr.+N”, эквивалентность которой в научных текстах почти близка к абсолютной, например: “A Field experience”- “Полевое исследование”, “The Etruscan Language” - “Этрусский язык”, “Vanishing Voices”- “Исчезающие голоса”.

Несмотря на то, что английский язык не располагает развитой надежной системой, русские заглавия, в центре которых выступают номинативы в именительном и косвенном падежах, имеют регулярные соответствия в английском языке. Так, например, модель “Что- Чего”: “Languages of Australia”- “Языки Австралии”, “The Printed History of the Middle English Verse Romances”, “The Art of Listening in the Seventeenth Century”, “The Literature of Empire in the Renaissance”, “Literary Forms and the New Theory of the Origin of Species”; модель “Что-Где”: “Languages in the America”- “Языки в Америке”, “Social sciences in Nepal”, “Physical activity research in Canada”, “The drama of the right in Spain”; модели “Что-О чем”: “Explorations on Resistance”- “Исследование по сопротивлению”, “Research on ethics”, “Reports on financial reporting”.

В английских научно-технических заглавиях номинативного типа наиболее популярны конструкции типа “A study of...”, “A theory of...”, “The principles of...”, “Experiments on...”, “A study on...”, “Pattern of...”, “Report on...”, “The role of...”, “The impact of...”, грамматическим эквивалентом которых выступает в большинстве случаев русский родительный падеж: “Природа рефлексивных явлений”, “Принципы лингвистической теории”, “Роль химических реагентов в активизации металлов”,

“Философские аспекты самореализации человека“, “Аспекты вербализации внеязыковой действительности“, “Теоретические и прикладные аспекты изучения публичной языковой личности“, “Аспекты междискурсивного взаимодействия”, “Приоритетная роль метафоры в процессе познания”.

Наряду с указанной конструкцией при переводе английских научно-технических заглавий подобного типа весьма частотной является конструкция с предлогом “по”: “An Experiment on Language Contacts”- “Исследования по лингвистическим контактам”.

Как и в других стилях, в научно-технических текстах эквивалентность на уровне фразы связана с поиском соответствия русских падежных значений, что, как показывает исследование, достигается путем использования английских предлогов. Помимо предлогов “on”, “of” часто встречается и предлог “to”, например: “A guide to the World’s Languages” - “Путеводитель по мировым языкам”. “An introduction to cognitive linguistics” – “Введение в когнитивную лингвистику”, “An Introduction to Language and Linguistic” – “Введение в язык и лингвистику”.

Рассмотренные модели могут выступать и в распространенных вариантах, что, однако, не меняет их сущности: “Large linguistic areas and Introduction to the Languages and Linguistics of Africa”- “Крупные лингвистические ареалы и введение в африканское языкознание и языки”; “A study of normative and informational social influence upon individual judgment”- “Изучение нормативного и информативного социального влияния на принятие индивидуальных решений”; “Residential contact as a determinant of attitudes toward Negroes”- “Контакт по месту жительства как определитель отношения к неграм”; “An experimental study of the effects of cooperation and competition upon group process”- “Экспериментальное исследование эффективности сотрудничества и состязательности в процессе формирования коллектива”; “Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении” – “Historical consideration of word syntagmatic connection doctrine”; “Этические миры и этический статус человека в художественном тексте” – “Ethical worlds and ethical status of man in fiction”.

Приёмов передачи научно-технических заглавий мы коснёмся чуть ниже, ибо здесь нас интересует проблема соответствия структурно-функциональных типов русских и английских названий. Не вызывает сложности передача однородно-сочинительных номинативов: “Radio and printed page”- “Радио и печатная страница”; “Attitudes and attractions”- “Отношение и притяжение”; “Dynamics and morality of violence and aggression”- “Динамика и моральные основы насилия и агрессии”,

“Similarity and contrast” – “Подобие и контраст”, “Ideology and trust” – “Идеология и доверие“, “Developments and challenges” – “Развития и проблемы“, “Phraseology and culture in English” – “Фразеология и культура в английском”.

Как было отмечено выше, номинатив в научно-технических заглавиях может выступать как ядерный компонент сложно-подчиненного предложения: “A study, How to reduce the human aggression”- “Пособие как сократить человеческую агрессию”; “What we want is control of aggression”- “Контролирование агрессии то, что нам нужно”; “I knew it would happen”- “Я знал, что это случится”.

Помимо номинативов в структурном арсенале научно-технических заглавий большое место занимают различного рода синтаксические аббревиатуры знакового характера - цельносоставные предложения. Интересно, что, несмотря на ярко выраженную тенденцию к полноте информации, характерную для научного стиля, подобные конструкции широко представлены как в русской, так и в английской заголовочной системах.

Специфической для стиля английских научно-технических заглавий на фоне системы английского литературного языка является конструкция с формантом “on”: “On the permanence of stored information in the human brain”- “К вопросу о постоянстве информации, хранимой в человеческом мозгу”; “On resistance to persuasive communication”- “О сопротивлении убеждающей коммуникации”; “On the consistency between attitudes and behavior”- “К соотношению отношения и поведения”, “On intercultural aspect of estimantig value” – “О межкультурном аспекте оценочного значения“, “On spelling interpretations” - “Об орфографических интерпретациях”, “On the problem of codes: definitions, types structure” – “К вопросу о кодах: дефиниции, типы, строение”, “On the problem of speech compression in simultaneous interpretation“ - “О проблеме речевой компрессии в синхронном переводе”.

Наиболее близким русским эквивалентом форманта “on” в русском выступает конструкция с формантами “к” и “о” и “по”, также их “полные” варианты “к вопросу...”, “к проблеме...”, “размышления о...”, “очерки по...” и др.

Интересно, что и в английских научно-технических заглавиях мы также находим “полные варианты” с формантом “on”: “Experiments on the effectiveness of energy auditions”; “A study on availability of spare parts”, “Research on reading instruction for individuals with significant cognitive disabilities”, “Studies on the relationship between study skills and learning outcomes: A meta-analysis”, “Experiments on telepathic communications of emotions”, “Methodological studies on religion and health”.

Как и русская конструкция с предлогом “к”, английская конструкция с “on” является чисто заголовочной, образованной в результате аббревиации.

Цельносоставные конструкции типа “from... to” и русские “от... до” прямо соотносятся друг с другом: “From Jerusalem to Jerico”- “От Иерусалима до Иерихона”; “From Argentina to Mexico”- “От Аргентины до Мексики”; “Gender, Theatre, and the Origins of Criticism: From Dryden to Manley”, “Piety and Plague: From Byzantium to Baroque” и т.д.

Обращает внимание тот факт, что перевод “нормативных” типов предложений ничем принципиальным (в плане структурных соответствий) не отличается от “общезыковых” аналогов. Это делает их описание малоинформативным для исследования заголовков научно-технических текстов, поэтому просто ограничимся констатацией данного факта. Интересующиеся данной проблемой могут обратиться к работам Аракина и др., в которых вопрос более менее исчерпывающе представлен.

Сопоставление русских и английских заглавий и их переводов показало структурно-функциональную близость, вызванную универсальностью исследуемого феномена. Однако, следует подчеркнуть, что, кроме различий, обусловленных различием грамматических основ, при переводе большую роль играют и принципы передачи, выдвигающие свои претензии к качеству перевода. При переводе заглавий научно-технических текстов представлены различные виды переводческих преобразований, реализующие транслятивную стратегию. Опираясь на теорию Ж. П. Вине и Ж. Барбельне, выделявших прямой и косвенный переводы со своими внутритиповыми модификациями, отметим, что не все виды трансформаций релевантны для передачи научно-технических заглавий.

Первый тип (прямой перевод) представлен в классификации учёных калькированием, буквальным переводом, что по своему характеру не соответствует принципам передачи заглавий научно-технических текстов. Так, например, “косвенный перевод” в иной терминосистеме может звучать как “описательный перевод”, как “трансформация” и т.д., однако, это не меняет сути явления. Принципиально важным, с нашей точки зрения, является учёт уровней эквивалентностей, позволяющий учитывать недочёты как буквализма, так и трансформационной теории перевода.

Анализ конкретного материала показал, что при переводе научно-технических заглавий определяющим является достижение эквивалентности цели коммуникации. Говоря иными словами, информационно-поисковая функция заглавий

ведет за собой другие функции, поэтому при их передаче необходимо соблюдать сложившиеся в языках нормативные требования. Учитывая идентичность целевых программ номинативно-информативных текстов, проявляющуюся в эквивалентности целей коммуникации, можно сказать, что следует учитывать и эквивалентность на уровне описания ситуаций, в роли которой выступает текст самого научного исследования. Несмотря на то, что возможны различные варианты описания ситуаций, сам характер научно-технического текста диктует необходимость учёта авторской формулировки названия.

Эквивалентность на уровне сообщения связана с лингвистическими факторами, связанными с определённой избирательностью языковых кодов, выявляемой благодаря существованию в каждой языковой системе некоторого набора ситуаций, которые всегда описываются с помощью строго определенных сообщений. Известно, что сообщения, описывающие одну и ту же ситуацию, могут отличаться друг от друга характером и количеством признаков, упоминаемых в сообщении, направлением отношений между признаками, характером связей между отдельными частями сообщения, порядком следования этих частей и стилистической характеристикой сообщения.

Универсальность заголовочного феномена, в основе которой лежат общие тенденции структурно-функционального развития, определяет близость плана выражения указанного типа “сообщений”. С другой стороны, сама консервативность научно-технического жанра способствует выработке стандартизированных форм.

Само заглавие по своей форме имеет характер высказывание, что предполагает установление эквивалентности и на этом уровне. Являясь своеобразным репрезентантом первичного текста, заглавие в сжатом и лаконичном виде формулирует его суть. Высказыванию-репрезентанту по требованию жанра должно соответствовать в языке перевода другое высказывание. Таким образом, устанавливается связь на уровне соотношения высказываний. Учитывая жесткие требования, предъявляемые научно-техническим текстом к плану выражения своих заглавий, можно говорить о заголовочных стереотипах, которые, как было показано выше, образуют межъязыковые эквивалентные пары.

Учитывая специфику заглавий, в функции которых может выступить и отдельное слово, можно говорить в известном смысле и об эквивалентности на уровне слова. Естественно предположить, это слово как лексическая виртуальная единица и слово в заголовочной позиции принципиальным образом отличаются друг от друга,

однако, выступая и в функции названия, слово сохраняет своё коннотационное поле, учёт которого чрезвычайно важен при переводе. Этим объясняются несовпадения при передаче некоторых однословных заглавий: “Precipitations”- “Атмосферные осадки”; “Feedback”- “Обратная связь”.

В процессе передачи заглавий задействованы все уровни эквивалентности, начиная с самого простого - “слова”, кончая уровнем цели коммуникации. Следует отметить, что, если эквивалентность на уровне цели коммуникации и эквивалентность на уровне описания ситуации, как и эквивалентность на уровне сообщения, ориентированы на прагматику, то эквивалентность на уровне высказывания и слова предполагает тенденцию к сближению формы.

Установление отношений эквивалентности в процессе перевода научно-технических заглавий позволило выявить наличие эквивалентных единиц. По степени регулярности употребления различаются постоянные соответствия, варианты соответствия и окказиональные соответствия (контекстуальные замены).

К постоянным соответствиям следует отнести соответствия номинативных, цельносоставных, аббревируемых сложных предложений в функции заглавий.

Вариантные соответствия отражают возможность перевода определенной заголовочной модели разными типами заголовочных моделей: “Actual inventor” или “Inventor”- “Изобретатель”; “Pilot study”- “Пилотируемое обучение” или “Пилотный учебник”.

Что касается окказиональных соответствий, не характерных для научно-технических заглавий, то нам удалось зафиксировать лишь единственный пример такого рода Работа по расписанию

Из-за отсутствия в русском языке подобного концепта, означающего “работать строго по правилам”, автор перевода вынужден подобрать окказиональное соответствие, что оправдано мотивирующей частью текста.

Изучению процесса перевода научно-технических заглавий и их текстлингвистической природы дает нам основание сделать следующие выводы:

1. Проблема перевода научно-технических заглавий теснейшим образом связана с типом переводимого текста, определяющим общую стратегию передачи названного явления.
2. Научно-техническая информация, представленная в форме целостной текстовой единицы, обладает как лексико-семантической, так и дискурсивной спецификой, позволяющей отграничить ее от пересекающихся явлений.

3. Заглавие научно-технических текстов имеет двуплановый модус существования, выступая, с одной стороны- как часть единого мегатекста, а с другой- как автономное сообщение о первичном тексте. Подобное положение определяет жанровую детерминированность заглавий научно-технических текстов жанровой спецификой самого первичного текста.

4. Заглавие научно-технических текстов, реализуя общие жанровые установки, стремится к точности и однозначности выражения мысли, что приводит к почти полному отсутствию рекламных заглавий и облегчает задачу переводчикам.

5. Сопоставительный анализ русских и английских научно –технических заглавий позволил выявить ряд универсальных заголовочных конструкций (номинативы, цельносоставные и усеченные сложноподчиненные предложения), составляющих специфику заголовочного синтаксиса. С другой стороны, в каждом из сопоставляемых языков имеются конструкции, связанные со спецификой грамматической структуры соответствующих языков, что создает определенные трудности при переводе (отсутствие артикля в русском, отсутствие падежной системы в английском языке и т.д.).

6. В плане установления межъязыковых соответствий выделяются конструкции, имеющие постоянное соответствие в переводящем языке, а также конструкции с вариативной и окказиональной эквивалентностью.

Взаимная обусловленность отдельных глав настоящей диссертационной работы диктует необходимость обобщения полученных результатов. Сформулируем наши наблюдения в заключении.

Заключение

Актуальность изучения заголовочного феномена, вызванная необходимостью подведения под информатику серьезной лингвистической базы, была обусловлена тем, что информационно-поисковые системы базируются на заголовочном принципе номинации, в котором отражаются активные языковые процессы, исследование которых позволяет определить новейшие тенденции языкового развития.

Исследование заголовочного феномена проводилось на базе достижений лингвистики текста и теории коммуникации, что позволило взглянуть на него более широко и выявить ряд характеристик, не выявляемых при традиционном подходе. Была проанализирована методика переводоведческого подхода к заголовочному феномену, что позволило определить специфику как внутритекстовых связей, так и позицию адресата, ориентация на которого зачастую может вызвать несоответствие переводного и оригинального заголовочного текста. Среди проблем, связанных с заголовочной тематикой, особо следует рассмотреть научно-технический заголовок, который в силу нейтрального характера не пользовался благосклонным вниманием ученых. С другой стороны, следует отметить, что на базе указанной разновидности заглавий впервые рассматривается проблема их перевода.

Целью диссертационной работы являлось:

- а) выявление сущности заголовочного феномена в свете новейших достижений лингвистики и пересекающихся дисциплин;
- б) выработка принципов переводоведческого подхода к названному явлению;
- в) установление места научно-технических заглавий в рамках типологии заголовочной системы;
- г) уточнение знаковых особенностей указанных единиц.

В результате анализа конкретного эмпирического материала мы получили ответы на поставленные вопросы.

Рассмотрение знаковой специфики заглавий позволило выявить общее и специфическое в его знаковой природе: с одной стороны, заглавия, как и знаки, рассматриваемые как носители информации, как средство моделирования содержания сознания в речевых произведениях (текстах) своей организацией (связями), отражают структуру объективной деятельности (реальных объектов и их систем, ситуаций) посредством отражения ее в мышлении, а с другой – представляют собой такой материальный или идеальный феномен, который представляет некоторый другой

феномен в упрощенном или аббревиатурном виде, выступая носителем информации об этом феномене.

Специфика знакового характера заглавий заключается именно в том, что сложным и неоднородным может быть как означаемое - текст, так и означающее - само заглавие, а также характер связи этих двух компонентов знака.

Признание знакового характера заглавий требует признания особой специфики заголовочной системы, для чего недостаточно признание семиотически релевантной связи – заглавие - текст, несмотря на то, что здесь налицо классическая схема репрезентации. Более важным для нас является то, что заглавие соотносится с другими заглавиями на основе особых правил, а именно, каждое заглавие, репрезентирующее особую текстовую структуру, уникальную по своей природе и форме, противопоставляется другим текстам, с другой смысловой и формальной структурой, на основе принципа уникальности, позволяющим выполнить основную задачу названия - отграничить данный тип текста от других элементов информационно - текстового пространства. В семиотическом плане заглавие представляет собой сложный дискурсивный знак, означаемым которого является особым образом организованное речевое произведение - текст, означающим - текстовой репрезентант, задача которого вычленил его от всех других элементов данной системы.

Заглавие, подобно другим семиотическим системам, образует специфические отношения внутри заголовочной системы со своей собственной синтактикой, семантикой и прагматикой, что еще раз подтверждает его знаковый характер.

Подобно словам и предложениям, получающим в зависимости от соответствующих речевых ситуаций возможность приспособления к последним, и элемент заголовочной системы, может выступать “в речи” в виде того или иного варианта (в основном однодневного), существование которого мотивировано фоновостью его содержания для участников коммуникации, а также информативной поддержкой контекста.

В отличие от предметности топонимов и других элементов ономастической системы, предметность заглавий имеет некоторую специфику, ибо оно обращено подобно «Янусу» и в прошлое и в будущее. Иначе говоря, с одной стороны, оно фиксирует определенную текстовую информацию, релевантную с точки зрения автора, а с другой, обеспечивает привлечение внимания будущего читателя, выступая одновременно в качестве элемента текста и его названия.

Одна из важнейших отличий характера номинации словом от номинации

заголовком состоит в том, что слово представляет собой потенциальный объем имеющихся в его значении признаков, предназначенных для актуализации, в то время как заглавие не представляет возможности произвольного выбора признака. Выбор уже осуществлен тем, что заглавие, надпись отнесены к конкретному объекту. Номинативная специфика заглавий заключается в том, что означаемым элементом заголовочного знака выступает текст. Несмотря на то, что последний является единицей обозначения, он обладает весьма богатым и разнообразным структурным инвентарем, не только не зависящим от заглавия, но и определяющим, наоборот, структурно - семантическое своеобразие интересующего нас явления. В плане структурной организации озаглавливаемые тексты могут быть, как развернутыми, так и иметь минимальную протяженность, а что касается идейно-тематического и функционально-коммуникативного многообразия, то здесь количество типовых разновидностей следует только предположить, ибо современный уровень развития лингвистики текста еще не позволяет однозначно ответить на данный вопрос.

Несмотря на то, что в структурно-функциональном плане мы имеем большое разнообразие текстовых типов, все они нуждаются в особом репрезентанте, заглавии, которое должно осуществлять “стратегию внешних сношений”.

Способы связи заголовка со статьей представляет собой весьма существенный раздел теории о надфразовых сцеплениях в тексте.

Специфичность надфразовой связи заключается в том, что она объединяет два самостоятельных текста, которые, однако, немислимы каждый отдельно от другого. Текстовая номинация, в отличие от номинации словом и предложением имеет свою специфику. Она отражает не только понятийную сторону слов или предложений, но и вовлекает их в качестве строительного материала в причинно-следственные связи более высокого уровня - уровня коммуникации.

Обозначаемым заголовочного знака является сложное коммуникативное образование - текст, представляющее собой продукт речевой деятельности, организованный в соответствии с внутренней программой и интенцией его автора. Означающим компонентом текста выступает заглавие, специфика которого заключается в том, что, в отличие от номинативных единиц более низкого порядка (слов, предложений, словосочетаний и т. п.), связанных с конкретными, частными значениями, оно имеет свою коммуникативную перспективу - текст, в пределах которого возможна полная смысловая интерпретация интересующего нас явления.

Слово и предложение имеют значение лишь в акте коммуникации, без

отнесенности к которому любое, даже построенное по законам данного языка предложение становится, говоря словами А. И. Смирницкого, “псевдопредложением”.

Анализ специфики взаимодействия заглавия и текста позволяет утверждать, что заглавия и тексты находятся в состоянии “полного комплекса сосуществования”, которое следует считать настолько тесным, что возможно функционирование заглавия как своеобразного знакового эквивалента текста. Необходимо подчеркнуть, что заголовочное указание связано с текстом концептуальной связью, которая, со своей стороны “освящена” длительной традицией заголовочной номинации. Иначе говоря, заглавие непосредственно указывает на текст, но делает это особым образом, а именно: с одной стороны, мы имеем возможность найти в тексте мотивационную основу текстового наименования, что, с нашей точки зрения, аналогично, “церемонии первого крещения” Крипке, а с другой - отражает специфическую знаковую ситуацию, являющуюся фоновой для носителей соответствующей культуры.

В отличие от других явлений, относимых учеными к категории имен собственных, заглавия не только указывают на соответствующую реалию - текст, но и опирается на ее содержание, отражением, репрезентантом которого оно является.

Заглавие указывает не на случайный признак (как известно, специфика указания собственным именем связана с возможностью указания без знания всех существенных свойств объекта), а репрезентирует один из значительных аспектов идейно-тематической сущности произведения (текста). Рассмотрение проблем “заглавие и знак”, “заглавие и проблемы номинации”, “заглавие и система указателей”, дало нам возможность выделить тот круг явлений, на основе которого мы смогли определить специфику интересующего нас явления, ибо своеобразие любого феномена следует, в первую очередь, определять на базе однотипных единиц.

Рассмотрение заглавия, с точки зрения теории указания, дало возможность определить его отношение к тексту, как “полный комплекс сосуществования”, иначе говоря, заглавие не только указывает, но и информирует об указываемом явлении, с которым составляет единое целое и которое может представлять, замещать в соответствующей знаковой ситуации общения, но и “сосуществует” с ним в Расселовском понимании этого термина, ибо никто семантический объем заглавия не ограничивает лишь материально выраженным значением.

Универсальный характер указания, не ограничивающийся пределами того или иного языка, относится и к функционированию заглавия в информационно-поисковом пространстве.

Текстовое произведение, созданное автором, вводится в текстовое пространство, в систему текстов, посредством другого текста - заглавия, определяющего введение данного дискурса в соответствующую систему. Иначе говоря, происходит наделение заглавия полномочиями представлять текст в конкретных информационных и поисковых системах, а также при частных и официальных обменах мнениями по поводу соответствующего произведения.

Заглавия, в отличие от других явлений относимых к категории индивидуализирующих имен, не только просто указывает на соответствующую реалию (в данном случае текст), что возможно при типе номинации, характерной для имен собственных, а совмещает с указанием выражение информации об идейно-тематической сущности произведения. Заглавия детерминированы текстом, тогда как индивидуализирующее указание имеет произвольный характер.

В основе понимания лингвистической природы заглавия кладется идея о его текстовом статусе, что позволяет рассмотреть все заглавия (независимо от формы) как предикативные единицы.

Заглавия-тексты являются результатом процесса речевой деятельности со своей программой, интенцией и речевой фактурой, помогающей их осуществить. Следовательно, мы имеем налицо актуализированное предложение, или, говоря другими словами, предложение-высказывание. С другой стороны, в отличие от обычных высказываний заглавие находится в автономной позиции и в силу своей внутренней природы может воспроизводиться неоднократно в информационно-поисковых системах, при обмене мнениями в частной беседе и т. д., что создает перспективу осмысления заглавия текста как модели с дальнейшей претензией выхода за рамки заголовочной системы.

Будучи фразовыми текстами, все заголовочные конструкции выполняют коммуникативную задачу, что лежит в основе понимания всех заголовочных конструкций как предикативных единиц и определяет классификационный подход к рассматриваемому феномену.

Несмотря на то, что, как предикативная единица заглавие должно иметь форму предложения, мы имеем многочленные конструкции, которые не только не соответствуют традиционному представлению о формах выражения предикативности, но и вызывают противоположные ассоциации, повергая в ужас некоторых исследователей данного явления.

Анализ процесса формирования заголовочной системы дает ответ на

вопрос о синтаксической специфике заглавий, объясняя господство именных структур в функции заглавий диалектическим единством номинативной, коммуникативной функций и их борьбой, определяющей своеобразие плана выражения исследуемого явления.

Номинативная функция, назначение которой обозначить содержание соответствующего текста, а также удобообращаемость соответствующего заглавия, стремится достичь этого механизмом номинации, в то время как коммуникативная должна подчеркнуть информационную связь заглавия и содержания текста и связать читателя с последним, что в свою очередь требует предикативности выражения. Именно в борьбе этих противоречивых тенденций и начинается складываться особый телеграфный стиль выражения, в соответствии с которым информация освобождается от избыточных элементов сообщения.

Результатом единства и борьбы противоположностей в плане выражения и явилась синтаксическая специфика заглавий. Сопоставление общего и заголовочного синтаксиса позволяет выделить некоторое своеобразие последнего. Как отмечает Д. З. Гоциридзе «специфика синтаксиса заглавий обусловлена двуплановым модусом его существования. С одной стороны, заглавие входит в систему имен собственных, а с другой выполняет коммуникативную функцию, функцию сообщения... Специфика заглавий в том, что здесь в автономной позиции функционируют такие единицы, которые не встречаются в других стилях (изолированные словоформы, деепричастные обороты и др... Автономная позиция, наличие особой интонации сообщения, «лахматной предикации», а также возможность многократного воспроизведения создают возможность обогащения заголовочными моделями общесинтаксических средств. Действительно, заголовочная проблематика простирается от лексического уровня до текстового.

В языке существует своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие. Каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно, они постоянный стимул развития языка.

С точки зрения специфики проявления предикативности заголовочные конструкции подразделяются на три группы. Первую составляют простые заголовочные структуры, реализованные на базе одной предикативной единицы. Следует отметить, что одна предикативная единица здесь имеет особое содержание,

ибо в данной автономной позиции могут выступать отдельные структуры, не совпадающие с общесинтаксическим стандартам, а именно, так называемые цельносоставные предложения. Специфика составных заглавий заключается в том, что здесь в одном комплексе выступает сложное синтаксическое целое. Процессы синтаксической аббревиации коснулись и подобных конструкций, в результате чего появляются конструкции переходного типа, в частности с двоеточием между компонентами сложного синтаксического целого. Третьим типом являются сложные заголовочные конструкции, которые, как и ожидалось, имеют спорадический характер. С другой стороны, особо следует отметить парцелляцию сложных предложений, в результате которой в заголовочной позиции появляются отдельные части сложных предложений. Специфика подобных конструкций заключается в смысловой самостоятельности и ненужности “восполнения” якобы опущенных членов.

Господство именных структур в функции заглавий подтверждает характеристику заглавий как канонически безглагольного речевого жанра, хотя, необходимо отметить, особый характер указанной номинативности План выражения заголовочных конструкций является наглядным подтверждением закона информационного распределения смыслов, регулирующего характер языковой избыточности. Статистика полностью подтверждает указанную тенденцию.

Текстовый подход к заголовочному феномену дал возможность найти адекватный критерий для описания конкретных заголовочных структур и объяснить специфику многих явлений, неоднородно квалифицируемых учеными.

Как показывает исследование, заголовочная система английских научно-технических текстов обнаруживает те же тенденции, что и русская. В первую очередь это касается выработки своеобразного стиля выражения, результатом которого становится возможность функционирования различного рода усеченных конструкций в функции автономной коммуникативной единицы. Степень свертывания может быть различной. В зависимости от наличия-отсутствия частей соотносимой части выделяются типы, имеющие или не имеющие опорные компоненты в альтернативной части сложносочиненного или сложноподчиненного предложения. Причем, в роли опорного элемента могут выступать как различного рода номинативы (простые, осложненные), так и типы цельносоставных конструкций, связанных с соответствующей частью сложносочиненного или сложноподчиненного предложения.

Сказанное подтверждает универсальный характер заголовочной номинации, не ограничивающийся рамками того или иного языка. Естественно, это не означает

полного совпадения, ибо в основе заголовочных структур лежат грамматические структуры соответствующих языков, которые и определяют план выражения научно-технических заглавий.

В определенном смысле можно говорить и о взаимодействии культур посредством заглавий, ибо именно через них осуществляется получение первой научно-технической информации. Заглавие в информационно-поисковой системе стимулирует интерес к соответствующей научно-технической литературе. Если учесть тот факт, что ежедневно в информационно-поисковую систему поступает несколько десятков тысяч новых информационных индексов, то следует отметить, что перевод и обработка информации на иностранных языках требует выработки единого стандарта, облегчающего мучительные поиски в области заголовочных соответствий.

Наряду с другими пересекающимися явлениями: лозунгом, призывом, рекламой и т.д., заглавия, выступая в функции автономного сообщения, формируют основу для своеобразного осмысления его грамматического статуса, ибо многие явления в пределах (и в некоторых случаях за пределами) заголовочной системы необходимо осмыслить с точки зрения коммуникативной лингвистики.

Несмотря на универсальность сущности заголовочного феномена, следует предположить некоторую неоднородность заглавий различных функциональных типов текста, что, видимо, связано с характером репрезентационной связи заглавия и текста. Верификация данной мысли дала нам возможность более глубоко осмыслить сущность рассматриваемого явления и выявить связь общего и специфического в данном феномене. С этой целью мы предприняли попытку рассмотреть заглавия научно-технических текстов. Выбор последних был обусловлен тем, что научно-технический стиль является наиболее консервативным подстилем. Научно-технические заглавия выступают как бы своеобразным “нейтральным стилем”, на фоне которого наиболее чётко прослеживается специфика заглавий других подстилей, с одной стороны, и общеязыковой системы с другой.

Проведенный анализ английских и русских заглавий научно-технических текстов и их переводов дал нам основание утверждать:

1. Заглавия научно-технических текстов тесным образом связаны с ними и реализуют тенденцию максимально точно и однозначно выразить соответствующую информацию.

2. В научно-технических заглавиях на передний план выдвигается информативная функция, результатом чего является отсутствие осколочных структур,

характерных для других жанров, ориентированных на привлечение внимания.

3. Относительное немногочисленность заголовочных моделей научно — технических текстов говорит о соответствии основной направленности в системе научно-технического стиля — консервативности и однозначности.

4. Специфически конструкциями научно-технических заглавий следует считать и модели с “к (вопросу) “о” в русском, “on”- в английском, а также конструкции с “как” и “as” (в определительной функции) в обоих языках.

Мы попытались описать структурно-функциональные типы русских и английских научно-технических заглавий в параллельном режиме, выявив специфику их плана выражения, обусловленную соответствующими языковыми стихиями. Это даёт нам возможность сопоставить данные явления с точки зрения переводоведческой эквивалентности и определить наличие-отсутствие закономерных соответствий:

1. Проблема перевода научно-технических заглавий теснейшим образом связана с типом переводимого текста, определяющим общую стратегию передачи названного явления.
2. Научно-техническая информация, представленная в форме целостной текстовой единицы, обладает как лексико-семантической, так и дискурсивной спецификой, позволяющей отграничить ее от пересекающихся явлений.
3. Заглавие научно-технических текстов имеет двухплановый модус существования, выступая, с одной стороны- как часть единого мегатекста, а с другой- как автономное сообщение о первичном тексте. Подобное положение определяет жанровую детерминированность заглавий научно-технических текстов жанровой спецификой самого первичного текста.
4. Заглавие научно-технических текстов, реализуя общие жанровые установки, стремится к точности и однозначности выражения мысли, что приводит к почти полному отсутствию рекламных заглавий и облегчает задачу переводчикам.
5. Сопоставительный анализ русских и английских научно-технических заглавий позволил выявить ряд универсальных заголовочных конструкций (номинативы, цельносоставные и усеченные сложноподчиненные предложения), составляющих специфику заголовочного синтаксиса. С другой стороны, в каждом из сопоставляемых языков имеются конструкции, связанные со спецификой грамматической структуры соответствующих языков, что создает определенные трудности при переводе (отсутствие артикля в русском, отсутствие падежной системы в английском языке и т.д.).

6. В плане установления межъязыковых соответствий выделяются конструкции, имеющие постоянное соответствие в переводящем языке, а также конструкции с вариативной и окказиональной эквивалентностью.

7. Формирование информационного общества связано с необходимостью выработки эффективной системы обращения информации. В процессе развития информационных технологий человечество выработало вторичные тексты, несущие информацию о первичных и представляющие их в определенных знаковых ситуациях. В условиях информационного взрыва создаются информационно-поисковые системы, базирующиеся на вторичных текстах.

Осмыслению природы заглавия потребовало соотнесение данного феномена с такими категориями как знак, указание, элементы системы “block-language” и др., в результате чего мы пришли к мнению, что он представляет собой номинативно-информативный комплекс, соотносящийся с системой информационного поиска и репрезентирующий содержание первичного текста. План выражения заглавий формировался в результате борьбы трех разнонаправленных тенденций - номинативности, информативности и рекламности.

Несмотря на неоднородность синтаксической формы, заглавия представляют собой фразовые тексты, обладающие всеми характеристиками последнего,

“Заголовочный синтаксис” имеет некоторые специфические черты, отличающий его от “общего синтаксиса”. “Синтаксис” английских и русских заглавий обнаруживает наличие тенденции к универсальности, достижению которой мешает лишь “исходный синтаксический материал”.

Заглавие как вторичный текст непосредственно связано с исходным текстом, жанровая принадлежность которого определяет специфику его плана выражения. Анализ соотношения научно-технических текстов и их заглавий позволяет увидеть отличие научно-технических заглавий от художественных и газетных заглавий и отменить специфичность его плана выражения.

Принятие конкретных переводоведческих решений в области научно-технических заглавий детерминировано как спецификой самого жанра, так и ограниченным набором эквивалентных вариантов, вызванным стремлением к унификации научно-технических текстов.

Библиография

1. Абелян Н.Ю., Ким В.В. Стиль научного мышления и язык науки // Семиотические аспекты научного познания. Свердловск, 1981
2. Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность.- М., 1988.
3. Алексеев К. А. Эскиз теории метафоры. М., 1998
4. Алмаев Н. А. Психологические основания выбора слов при построении речи. АКД, 1997
5. Андреев Н. Д. Статистическо-номинативные методы в теоретическом и прикладном языкознании.- Л., 1967.
6. Антипов Г. А., Донских О. А., Морковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Текст как явление культуры.- Новосибирск, 1989
7. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект).
Избр. Труды, Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография.- М., 1995.
8. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания.- 1995,- №.1.
9. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка.- Л., 1973.
10. Арнольдов А.М. Введение в культурологию.- М., 1994.
11. Арутюнова Н. Д. Вариации на тему предложения. В кн. Инвариантные синтаксические значения и структуры предложения.- М., 1969.
12. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека.- М., 1998.
АТРЯ- ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь. Кн.1-4/ Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А.- М., 1994, 1996.
13. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов М., 1966.
14. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка.- Воронеж, 1996.
15. Баженов Л.Б. Строение и функции естественнонаучной теории. М., 1978
16. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.- М., 1955.
17. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. Изд. 3. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ» / URSS, 2009
18. Бахарев В. И. Очерк по теории предикативности. Кишинев, 1973.
19. Бахарев Н. Е. Структурно-функциональное развитие заглавий.- Алма-Ата, 1971.

20. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества.- М., 1979.
21. Бебчук Е. М. Образный компонент в лексическом значении русского существительного. АКД, Воронеж, 1991.
22. Белошапкина В. А. Минимальные структурные схемы предложения.- Русский языка за рубежом.- М., 1978, No.5.
23. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. В кн.: Новое в лингвистике., вып. IV, М., 1965.
24. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма.- М., 1990.
25. Бердяев Н. А. Национальность и человечество// Судьба России. М., 1918.
26. Березин Ф. М. Хрестоматия по истории русского языкознания, М, 1977.
27. Бернштейн С. И. Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова. Изв. ОРЯС XXV.
28. Бернштейн С. И., Шахматов А. А. как исследователь русского литературного языка. В кн: А. А. Шахматов, М., 1941;
29. Библер В. С. Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога.- М., 1975.
30. Библер В. С. Национальная русская идея- русская речь! Опыт культурологического преположения// Октябрь, 1993, No.2.
31. Блумфилд Л. Язык.- М., 1968.
32. Бобойцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. М., 1981.
33. Богин Г. И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов. Дисс. ...докт.филол.наук.- Калинин, 1985.
34. Бодаев А. А. Восприятие и понимание человека человеком.- М., 1982.
35. Бодуен де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
36. Брагина А. А. От загадки к заголовку. «Русская речь», 1967, N1.
37. Брагина А. А. Точки: две и... три. «Русская речь», 1970, N6;
38. Брудный А. А. Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности).- Фрунзе, 1972.
39. Брунер Дж. Психология познания: За пределами непосредственной информации.- М., 1977.
40. Бряник Н.В. Язык науки как система // Семиотические аспекты научного познания. Свердловск, 1981
41. Булгаков С. Н. О народности и народных делах// Сочинения в двух томах. Т.1., М., 1993.

42. Булыгина Т.В. Грамматические оппозиции // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968
43. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка.- М., 1977.
44. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация.- М., 1989.
45. Вандриес Х. Язык.- М., 1937.
46. Вацильева Н.В. К семантическому и функциональному описанию греко-латинских элементов в лингвистической терминологии. ВЯ, 1983, No. 3
47. Вахек Й. К. К проблеме письменного языка. В сб.: Пражский лингвистический кружок.- М., 1967.
48. Вержбицкая А. Язык. Культура. Познание.- М., 1996.
49. Вейсбергер Й. Л. Родной язык и формирование духа.- М., 1993.
50. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова.- М., 1980.
51. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения. В сб.: Вопросы грамматического строя.- М., 1955.
52. Винокур Г. О. Глагол или имя. В сб. «Русская речь». Новая серия III, Л, 1928.
53. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958
54. Волошин М. Россия распятая // Юность, 1990, No.10.
55. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки.- М., 1985.
56. Воробьев В. В. Лингвокультурология.- М., 1997.
57. Всеволодова М. В. Теория функционального коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
58. Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч.: в 6т.- М., 1982- Т.2.
59. Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного язык // Пражский лингвистический кружок. М., 1967
60. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка.- М., 1968.
61. Ганев Г. Д. Национальные образы мира.- М., 1988.
62. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. М., 1958.
63. Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1963
64. Герд А.С. Об эмпирических основах фактографических ИПС // НТС. Сер. 2, 1982, No. 12
65. Германова Н. Н. Повседневное общение и структуры национального менталитета: диалог в русской культуре // Лингвистические маргиналии. Сб. науч. Трудов. МГЛУ. Вып. 432.- М., 1996.
66. Герц Г. Принципы механики, изложенной в новой связи.- М., 1973.

67. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики.- М., 1992.
68. Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980
69. Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний.- Новосибирск, 1985.
70. Готт В.С., Семенюк Э.П., Урсул А.Д. Категории современной науки. М., 1984
71. Гоциридзе Д. З. К вопросу о взаимоотношении общего и «заголовочного синтаксиса». Труды молодых ученых ТГУ, Тбилиси, 1980, вып. 8.
72. Гоциридзе Д. З. Структурно-функциональное развитие русских и грузинских заглавий. Дисс. канд. филол. н. Тбилиси, 1981.
73. Графова Т. А. Смысловая структура эмотивных предикатов// Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности.- М., 1991.
74. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Национально-культурные стереотипы языкового сознания (на материале малых фольклорных жанров)// XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997г. М., 1997.
75. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения.- М., 2000.
76. Гудков Д. Б., Красных В. В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация// Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып.2.- М., 1998.
77. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества// Избр. труды по языкознанию.- М., 1984.
78. Гуревич А. Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры.- М., 1990.
79. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977
80. Даниленко В.П. Терминология современного языка науки // Международная конференция «Теория и практика научно-технических переводов». Тезисный доклад. М., 1985
81. Денисов П.Н. О некоторых общих аспектах изучения языков науки // Современные проблемы терминологии в науке и технике. М., 1969
82. Денисов П.Н. Еще о некоторых аспектах изучения языков науки // Проблемы языка науки и техники: Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. М., 1970
83. Дмитриук Н. В. Ассоциативное поведение и национально-культурная специфика// Текст как инструмент общения.- М., 1983.
84. Добиаш А. В. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1897.

85. Добраев Л. М. Логико-психологический анализ текста.- М., 1965.
86. Добровольский Д.О. Национально- культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания.- 1997.- №.6.
87. Дридзе Т. М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов // Смысловое восприятие речевого сообщения.- М., 1976.
88. Дридзе Т. М. Язык информации и язык реципиентов как факторы информированности// Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики.- М., 1972.
89. Дрозд Л. К проблеме лингвистической теории терминологии // Infoterm. Ser. 6. München, 1981
90. Дубовая А. С. Об языковых особенностях газетно-информационного репрезентанта. УЗ Горьковского ПНИИ, вып. 30, 1967;
91. Ермакова О. Н., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно- прагматический аспект.- М., 1993.
92. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации.- М., 1982.
93. Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике.- М., 1985.
94. Захаренко И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация.- Вып.1.ч- М., 1997.
95. Земская Е. А. О понятии «позиция» в словообразовании. В кн.: Развитие современного литературного языка.- М., 1975.
96. Земская Е. А. О типических особенностях русского языка эмигрантов первой волны и их потомков. Известия АН СЛЯ, 1998, том 57, №.4.
97. Зорин З.М., Черемисина М.И. О специфике информационного языка слов и языка символов в научном описании // Исследования по русской терминологии. М., 1971
98. Иванов В.В. О построении информационного языка для текстов по дескриптивной лингвистике: Доклад на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. М., 1961. Вып. 7
99. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. М., 1993.
100. Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки. М., 1985
101. Интерпретация художественного текста / Ред. М. И. Гореликова.- М., 1983.
102. Истрина Е. С. Вопросы учения о предложении по материалам архива А. А. Шахматова. В кн.: А. А. Шахматов.- М.-Л., 1947.

103. Казанская А. В. Поговорим о себе. Московский психотерапевтический журнал. No.2, 1998.
104. Калентьева Т. Л. Об универсальных и национальных особенностях языкового сознания // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации.- Москва, 2-4 июня 1997г.- М., 1997.
105. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М., 1977
106. Караулов Ю. Н. РАС. М., 1994.
107. Караулов Ю. Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского // Слово Достоевского.- М., 1997.
108. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность.- М., 1989.
109. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность.- М., 1987.
110. Каримова Т. Ф. Семантико-синтаксические характеристики предложно-именного заголовка во французском языке. АКА, М., 1982.
111. Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971. Изд. 4. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008
112. Карпович В.Н. Термины в структуре теорий. Новосибирск, 1978
113. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык- СПб., 1996.
114. Касьянова К. О русском национальном характере.- М., 1994.
115. Ким В.В. Научное познание как знаковая деятельность // Семиотические аспекты научного познания. Свердловск, 1981
116. Ким Г. В. О тенденциях в развитии синтаксиса современного русского языка (парцелляция придаточных). В кн. «Русское и зарубежное языкознание, 1970.
117. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов// Вестник МГУ. Сер. 9, Филология.- No.3, 1995.
118. Кобрин Р.Ю. Терминосистема как информационный язык: К проблеме построения ИПС на естественном языке // Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». М., 1971, Ч. 2
119. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов Л.В., Функциональные типы русской речи. М., 1982
120. Кожина М. Н. Стилистика русского языка.- М., 1977.
121. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972

122. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
123. Колесов В. В. Язык и ментальность. Санкт- Петербург., 2004.
124. Колшанский Г. В. Предложение как универсальная единица языка. В кн. Научные труды МГПНИИЯ им. М. Тореца, 1975, вып. 91.
125. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте. В кн.: Принципы и методы семантического исследования.- М., 1976.
126. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке.- М., 1990.
127. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных фактов в языке. М.,1975; Грамматика русского языка АН СССР, т. 2., ч. 2., М., 1954.
128. Комлев Н. Г. Контакт и конфликт этнических культур в зеркале языка // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып.1.- М., 1996.
129. Кондаков М. И. Логический словарь- справочник.- М., 1995.
130. Конон В. Народ в координатах культуры// Неман.- 1995.- No.2.
131. Коробова Л. А. Заглавие как компонент текста. АКД- М., Алма-Ата, 1982.
132. Корольев Э.И., Корсаков И.И., Сафонова М.В. Частота употребления слов в тексте и их лексические характеристики // НТИ. Сер. 2, 1984. No. 2
133. Корухов В. И. О двух основных аспектах предложения. В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л. 1975.
134. Косериу Э. Синхрония, диахрония. В кн.: НВЛ.- М., 1963.
135. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // РЯЗР No.1/ 1994.
136. Котов Р. Г., Якушин Б. В. Языки информационных систем.- М., 1979.
137. Красных В. В. Коммуникация в свете лингвокогнитивного подхода // Функциональные исследования. Вып.3.- М., 1997.
138. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология.- М., 2002.
139. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, No.3.
140. Краткий словарь когнитивных терминов/ Под общ. ред. Е.С. Кубряковой.- М., 1996.
141. Кривенко Д.Т. Информационные уровни физических понятий и проблема уровней познания // Теоретическое и эмпирическое в современном научном познании. М., 1984
142. Кубрякова Е. С. Язык и сознание.- М., 2004.
143. Кубрякова Е. С. Язык и пространство языка. Изв. РАН, СЛЯ.- 1997, том 56, No.3.

144. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов.- М., 1996.
145. Кукушкина О. В. Отрицательный материал как источник наших знаний о языке и мышлении// Вестник МГУ. Серия 9. Филология. No.2/ 1998.
146. Культура, человек и картина мира.- М., 1987.
147. Культурология/ Под ред. Г. В. Драча. Ростов-на-Дону, 1995.
148. Курилович Е. Положение имени собственного в языке. В кн.: Очерки по лингвистике.- М., 1962.
149. Кутина А.Л. Формирование языка русской науки. М.; Л., 1964
150. Кухаренко В. А. Стилистическая организация художественного прозаического текста. Сб. н. тр. МГПИИЯ.- М., 1976, вып. 103.
151. Латынов Л. В. Исследования социальных представлений методом интен- анализа.- М., 1998.
152. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеологии.- Краснодар, 1999.
153. Лебедева М. Н. Этническая или кросс-культурная?.. К вопросу о методологии отечественной психологии // Этническая психология и общество.- М., 1997.
154. Левицкий Ю. А. Некоторые вопросы теории актуализации. АКД.- М., 1970.
155. Леви- Стросс К. Структура и форма// Семиотика.- М., 1983.
156. Лем С. Модель культуры // Вопросы философии.- 1969. No.8.
157. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики.- М., 1997.
158. Леонтьев А. А. Психология общения.- Тарту, 1976.
159. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания.- М., 1969.
160. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира// Язык и сознание: парадоксальная рациональность.- М., 1993.
161. Леонтьев А. А. Человек и культура.- М., 1961.
162. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т.52.1993, No.1.
163. Логический анализ языка. Культурные концепты.- М., 1991: 85.
164. Ломтев Т. П. Структура предложения в современном русском языке. М, 1979.
165. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию.- М., 1982.
166. Лосский Н. О. Характер русского народа.- М., 1990.

167. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства.- СПб., 1994.
168. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров// Символ в системе культуры.- М., 1996.
169. Лютикова Г. В. Компьютерная цивилизация- технотронный сон наяву // Культура в современном мире.- М., 1995.
170. Малышевская Д. Базовые концепты в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина и Женщина») // Фразеология в контексте культуры.- М., 1999.
171. Мальчуков В.А. Общенаучность лингвистической проблематики и синтез знания //
172. Общенаучные проблемы и средства познания. Иркутск, 1981
173. Мамчур Е.А. Проблемы выбора теории. М., 1975
174. Матезиус В. Куда мы пришли в языкознании.- М., 1965.
175. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию.- М., 1997.
176. Мельникова А. А. Язык и национальный характер// СПб., 2003.
177. Мельничук А. С. О природе лингвистического знака «В» - кн.: Теоретические проблемы современного советского языкознания, М., 1964.
178. Ментальность россиян/ Под ред. Дубова И. Г.,- М., 1997.
179. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Ленинград, 1978
180. Митрофанова О.Д. Язык научно-технической литературы. М., 1973
181. Морковкин В. В. Антропоцентрический versus и лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре.- М., 1988.
182. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем).- М., 1997.
183. Морковкина И. Ю., Сорокин Ю. А. Национально- специфическое в межкультурной коммуникации // Антипов Г.А. и др. Текст как явление культуры.- Новосибирск, 1989.
184. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс.- М., 1998.
185. Мыльников А. С. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы.- СПб., 1996.
186. Мяло К. Г. О русском идеале // Евразия, 1996, No.1(4).
187. Назаров А. Н. Неполные предложения и их границы. УЗ. Пензенского пединститута. 1953., вып. 1;
188. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М., 1979
189. Национальный язык и национальная культура.- М., 1978.

190. Некрасова Л. И. К вопросу об информативности заглавий научных работ по медицине и биологии.- М., 1975.
191. Никитин Е.П. Теория и эмпирия: Проблема разграничения // Позитивизм и наука. М., 1981
192. Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1978
193. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание.- М., 1993.
194. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983
195. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб, 1912.
196. Ольшанский И. Г. Лингвокультурология: Методологические основания и базовые понятия // Язык и культура.- Вып.2.- М., 1999.
197. Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. М.-Л., 1933. Т. 1-3
198. Оптимизация речевого воздействия.- М., 1990.
199. Павлова Н. Д. Интент- анализ телеинтервью.- М., 1998.
200. Парахонский Б.А. Стил мышления: Философские аспекты анализа стилиа в сфере языка, культуры и познания. Киев, 1982
201. Петренко О. А. Этнический менталитет и язык фольклора.- Курск, 1996.
202. Петров В. В. Указание в языке науки.- М., 1977.
203. Петров В.М. Семантика научных терминов. Новоцибирск, 1982
204. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М, 1956;
205. Пиаже Ж. Избранные психологические труды.- М., 1969.
206. Пименова М. Б. Ментальность. Лингвистический аспект.- Кемерово, 1996.
207. Планк М. Единство физической картины мира.- М., 1966.
208. Подлишевский О.А. Методология исследования языка естествознания в логическом эмпиризме // Позитивизм и наука. М., 1975
209. Подлишевский О.А. К дискуссии об инвариантности значения терминологии эмпирического уровня знания в процессе смены теоретических систем // Структура и развитие научного знания: Систематический подход к методологии языка. М., 1982
210. Подлишевский О.А. Современная буржуазная философия науки о языке и развитии естественнонаучного знания. Ч. 1. Научно-аналитический обзор. Таллин, 1980
211. Подопригра В. Н., Краснопевцева Т.И. Русский вопрос в современной России // Вопросы философии, 1995, No.6.
212. Подюков И. А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: Учебное пособие.- Пермь, 1991.
213. Понятие судьбы в контексте разных культур// ред. Н. Д. Арутюнова.- М., 1994.

214. Попов А. С. Номинативные предложения и сходные с ними по форме синтаксические конструкции в современном литературном языке. АКА.- М., 1960.
215. Попова И. А. Неполные предложения в современном русском языке.- М.,1953;
216. Попович М.В. О философском анализе языка науки. Киев, 1966
217. Попович М.В. Философские вопросы семантики. Киев, 1975
218. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983
219. Портнов А. Н. Семиотическая компетенция, языковое сознание и языковое мышление // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации.- Москва, 2-4 июня 1997г.- М., 1997
220. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира.- М., 1988.
221. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. Изд. 3-е, Харьков, 1995.
222. Потебня А. А. Язык и народность. В кн.: А. А. Потебня. Эстетика и поэтика.- М., 1976
223. Почебут Л. Г. Психология и ценность ориентации русского народа // Этническая психология и общество.- М., 1997.
224. Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986
225. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев.- М., 1996.
226. Пуанкаре А. О науке. М., 1983
227. Радченко О. А. Язык как мирозерцание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства.- М., 1997.- Т.1,2.
228. Ракитов А.И. Курс лекций по логике науки. М., 1971
229. Раскин В. В. К теории языковых подсистем.- М., 1971.
230. Распопов И. П. Номинативные предложения, именительной темы и номинативные заголовки. В кн. Материалы по русскому и славянскому языку.- Воронеж, 1972;
231. Рассел Б. Человеческое познание.- М., 1957.
232. Ревзин И.И. Структура языка как моделирующей системы. М., 1978
233. Рейман Е.А. О нетерминологической лексике научных текстов // особенности стиля научного изложения. М., 1976
234. Реформаторский А.А. Введение в языковедение. М., 1967
235. Речевое общение: цели, мотивы, средства.- М., 1985.
236. Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы конференции.- М., 1995.

237. Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию.- М., 1979.
238. Розанов В. В. Черты характера Древней Руси.- Т.1- М., 1990.
239. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление.- М., 1989.
240. Ронгинский В. М. О тенденциях развития структуры заголовков.- Киев, 1966.
241. Рубашкин В.Ш. Математическая логика и язык науки//Вопросы философии. 1973. No. 3
242. Рудницкая И. А. Прагматические функции однофразового текста во французском языке. АКД.- М., 1984.
243. Ружицкий И. В. Текст в восприятии носителя иной культуры: проблема комментирования. АР КД.- М., 1994.
244. Рузавин Г.И. Научная теория: Логико-методологический анализ. М., 1978
245. Севбо И.П., Леонтьева Н.Н., Фитиалов С.Ф., Цейтин Г.С., Шрейдер Ю.А. От структурной лингвистики к искусственному интеллекту // Учен. зап Тарт. Ун-та. Вып. 654. Методологические проблемы искусственного интеллекта. Тарту, 1984
246. Семиотические аспекты научного познания. Свердловск, 1981
247. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии.- М., 1993.
248. Сепир Э. Язык.- М., 1934.
249. Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967;
250. Скребнев Ю. М. О разграничении и противопоставлении понятий «язык и речь». Изд. Башкирского ГУ, 1964, вып. XV, серия No 6,10.
251. Славгородская Л.В. О функции адресата в научной прозе // Лингвостилистические особенности научного текста. М., 1981
252. Словарь образных выражений русского языка/ Под ред. В. Н. Телия.- М., 1995.
253. Соколов Э. В. Понятие, сущность и основные функции культуры.- М., 1989.
254. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
255. Соловьёв В. С. Сочинения в двух томах. Т.1. О народности и народных делах России.- М., 1994. Т.2. Национальный вопрос в России. Выпуск 1.- М., 1994.
256. Сорокин Ю. А. Метод установления лакун как один из способов установления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально- культурная специфика речевого поведения.- М., 1977.
257. Сорокин Ю. А. Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов // Вопросы языкознания. -1995.- No.6.
258. Сорокин Ю. А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий // Общение: Теоретические и прагматические проблемы.- М., 1978.

259. Сосув И. П. Формальные и семантические аспекты предложения. Л. 1975.
260. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985
261. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры.- М., 1996.
262. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования.- М., 1997.
263. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.
264. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания.- М., 1996.
265. Стернин И. А., Быков Г. В. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры.- М., 1996.
266. Структура и развитие науки: Из Бостонских исследований по методологии науки. М., 1978
267. Структура и развитие научного знания. Систематический подход к методологии науки: Материалы к 8-й Всесоюзной конференции «Логика и методология науки». М., 1982
268. Суворов С. П. Особенности стиля английских газетных заголовков, в кн.: Язык и стиль. М, 1965;
269. Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира.- Киев, 1992.
270. Сумарокова Л.И. О соотношении простоты и системности в лингвистических исследованиях // Системный подход и научное знание. М., 1978
271. Суперанская О. А. Общая теория имени собственного.- М., 1973
272. Суржикова Т. В. Специфика семантики товарных знаков. В кн.: Семантика языковых единиц и текста.- М., 1979.
273. Тарланов З. К. Этнический язык и этнические видение мира // Язык и этнический менталитет.- Петрозаводск, 1995.
274. Термины в языке и речи. Горький, 1985
275. Толмасова О. С. К вопросу реализации языка синтаксических моделей в речи на материале английского языка. Сб. Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1966.;
276. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. М., 1979.
277. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык.- М., 1995.
278. Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963
279. Уорф Б. Грамматические категории. Принципы типологического анализа языков

различного строя.- М., 1968.

280. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков.- М., 1974.

281. Уфимцева Н. В. Русские глазами русских// Язык- система. Язык- текст. Язык- способность.- М., 1995.

282. Уфимцева Н. В. Русские: опыт ещё одного самосознания. Этнокультурная специфика языкового сознания.- М., 1996.

283. Уфимцева Н. В. Этнические и культурные стереотипы: кросс-культурное исследование // Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т.54. 1995, No.3.

284. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики. Новое в зарубежной лингвистике. Вып.12.- М., 1983.

285. Философская энциклопедия.- М., 1962.

286. Флоренский П. Столп и утверждение истины.- М., 1914.

287. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли.- М., 1998.

288. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды.- М., 1956.

289. Фортунатов Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. Труды I съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. СП. б., 1904.

290. Франк Ф. Философия науки. М., 1960. Изд. 2. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2007

291. Фрумкина Р. М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // Известия Академии Наук. Сер. «Литература и язык»- Т.58, 1999- No.1.

292. Фрумкина Р.М., Рюмина Н.А., Мостовая А.Д. Типология классификационных решений в экспериментах по свободной классификации // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. М., 1985

293. Хайдеггер М. Разговоры на просёлочной дороге.- М., 1986.

294. Харченко Н. М. Заглавие, их функции и структура.- АКД.- Л., 1968.

295. Хухуни Г. Т. Языковое и культурное сознание: гармония или конфликт? // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации.- Москва, 2-4 июня 1997г.- М., 1997.

296. Целищев В.В., Карпович В.Н., Поляков И.В. Логика и язык научной теории. Новосибирск, 1982

297. Цибахашвили Г. И. Морфологическая и синтаксическая аббревиация в русском и грузинском языках. Автореферат дисс. канд. Филол. наук. Тбилиси, 1970.

298. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира.- М., 1990.

299. Чернова О. В. Психологические аспекты роста национального самосознания

- русских // Этническая психология и общество.- М., 1997.
300. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, М, 1941.
301. Шведова Н. Ю. Изменения в системе простого предложения.- М., 1964.
302. Шведова Н. Ю. Об активных процессах в современном русском синтаксисе ВЯ, 1964, №2.
303. Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978
304. Шелов С. Д. Об одном подходе к информационному тезаурусу // НТИ. Сер. 2, 1982а, No. 7
305. Шелов С.Д. О языковой природе термина // НТИ. Сер. 2, 1982б, No. 9
306. Шелов С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы: (К проблеме классификации специальной лексики) // ВЯ. 1984. No. 5
307. Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность.- М., 2002.
308. Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985
309. Achinstein P. Concepts of science. Baltimore, 1968
320. Berger C. R., Bradac J. Language and Social Knowledge.- London, 1982.
321. Bonvillain N. Language, Culture and Communication: The Meaning of Messages. Englewood Cliffs, 1993.
322. Case D. Headlines in Modern English, 1974, v.13, No.8.
323. Carey J. W. Communication as Culture.- Boston, 1989.
324. Charaudeau P. Les condition linguistiques d'une analyse du discours. Lille III, 1978.
325. Eells K. Intelligence and Cultural Differences. Chicago: Univ of Chicago Press, 1951.
326. Féhér M̄arta. Some remarks on meaning invariance and incommensurability // Science of Science, vol. 2, 1982, N. 4
327. Feyerabend P. Against method // Minnesota studies, vol. IV, 1970
328. Fitzgerald T. K. Metaphors of Identity: A Cultural Communication Dialog.- Albany, 1993.
329. Gerhart G. the Russian World. Life and Language.- NY., 1974.
330. Ghosh J. S. Content representation in document titles. 1974, 26, No.2.
331. Greimas A. J. (Ed.) Sign, Language and Culture. The Hague, 1970.
332. Gudykunst W. B., Yang S. M., Nishida T. A. Cross-Cultural Test of Uncertainty Reduction Theory: Comparison of Acquaintances, friends and Dating Relationships in Japan, Korea and the United States// Human Communication Research.- 1985, Vol.11.
333. Hirsch E. D. Cultural Literacy (what every American needs to know).- Boston,1978.

334. Hoffmann L. Terminology and LSP // Infoterm, ser. 7. München, 1982
335. Irvine S. H., Berry J. W. Human Abilities in Cultural Context.- Cambridge University Press, 1988.
336. Kassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol.2. Mythical thought.- New-Haven, London, 1970.
337. Kiss G., Armstrong G., Milroy R. The Associative Thesaurus of English.- Edinburgh, 1972.
338. Kripke S. Naming and the necessity.- Harman, 1972.
339. Language, Culture and Curriculum. Ed. By M. Byram. Vol.6:1, 1993. Special Issue: Culture and Language Learning in Higher Education.
340. Leaver B. L., Granoien N. Russian Teachers, American students: Conflicts in Behavior and expectation in Foreign Language Classrooms // Russian Language journal, 1994.
341. Lippmann W. Public Opinion. NY., Harcourt, Brace, 1922.
342. Lombard A. Le constructions nominales dans le francaise moderne.- Upsala et Stockholm, 1930.
343. Madsen K.B. Jezyki nauki // Zag. Naukoznanie. W., 1974, vol. 10
344. Mead G. H. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.
345. Moscovici S. Notes Towards Description of Social Representation // European Journal of Social Psychology, 1988, Vol.18.
346. Moscovici S. The Phenomenon of Social Representations.- Cambridge, 1984.
347. Sager J.C. Criteria for measuring the functional efficacy of terms // Infoterm, Ser. 6. München, 1981
348. Savory T.H. The language of science. Its growth, character and usage. London, 1953
349. Schwarts T. The Structure of National Cultures// Understanding the USA/ P. Funke (Ed.). Tübingen, 1990.
350. Segall M. H., Dasen P.R., Berry J. W., Poortinga Y. H. Human Behaviour in Global Perspective: An Introduction to Cross-Cultural Psychology. NY, Pergamon, 1990.
351. Shweder D. A., Sullivan M. A. Cultural Psychology: Who Needs It? // American Review of Psychology. 1993. Vol.44.
352. Straumann H. Newspaper Headlines.- London, 1935.
353. Sublanguage. Studies of languages in Restricted Semantic Domains. Berlin-N.-Y., 1982
354. Triandis H. C. Culture and Social Behavior. NY, 1989.
355. Valdes J. (Ed.) Cultural Bound. Bridging the Cultural Gap in Language Teaching. Camb. Univ. Press, 1986.

356. Vernon P. E. Intelligence and Cultural Environment. London: Metuen, 1969.
357. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin, NY, 1991.
358. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture- Specific Configurations.- NY, 1992.
359. Wundt W. Elements of Folk Psychology.- London: Allen and Edwin, 1921.